

Содержание

М. М. ПАНИКАР

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В НОРВЕГИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

456946

КОНТРОЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Поморский государственный университет
имени М.В.Ломоносова

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

г. Архангельск
2010

УДК 947(47+57)+940.53/.54+941/949
ББК 63.3(2)622,71+63,3(4Нор)62,71+63.3(4Нор)62,6
П 16

Нов. р. кн
2-р. кн

Рецензенты:
доктор исторических наук **М.Н. Супрун**, ✓
кандидат исторических наук **С.Н. Третьякова**

Паникар, М.М.

Советские военнопленные в Норвегии в году Второй мировой войны /
М.М. Паникар. – Архангельск, 2010. – 152 с.: илл.

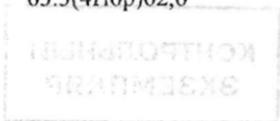
ISBN 978-5-86279-206-5

Агентство СРП Архангельской ОНБ

Работа посвящена истории советских военнопленных, находившихся в нацистских лагерях на территории Норвегии в годы Второй мировой войны. Рассмотрены вопросы их правового статуса, содержания, использования труда, репатриации в СССР. В монографии использованы ранее неопубликованные архивные материалы. Работа представляет интерес как для специалистов, так и для всех интересующихся историей Второй мировой войны.

УДК 947(47+57)
+940.53/.54+
941/949
ББК 63.3(2)622,71+
63,3(4Нор)62,71+
63.3(4Нор)62,6

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Нацистские лагеря для военнопленных в Норвегии в годы Второй мировой войны.....	14
1.1 Система нацистских лагерей для военнопленных в Третьем Рейхе.....	15
1.2 Нацистские лагеря для советских военнопленных в Норвегии и условия содержания в них	21
1.3 Использование труда советских военнопленных в Норвегии	45
Глава 2. Репатриация советских военнопленных из Норвегии	60
2.1. Репатриация военнопленных в международном законодательстве	60
2.2. Процесс репатриации из Норвегии: этапы и результаты.....	64
2.3. Политика советского государства в отношении репатриантов	92
Заключение.....	100
Примечания.....	105
Приложения.....	115
Список сокращений	150

Введение

В ходе двух мировых войн XX века в плену побывали миллионы солдат и офицеров воевавших стран. Судьбы многих военнопленных сложились трагически, несмотря на усилия политиков создать универсальные законы и нормы, определяющие гуманное и справедливое отношение к пленному противнику. Трагедия советских военнопленных во Второй мировой войне практически не имеет аналогов в военной истории. Советские пленные стали не только жертвами нацистской политики уничтожения, но и были объявлены врагами своего государства.

Сохранение памяти о событиях самой кровопролитной в истории человечества войны играет важную роль в совершенствовании морали новых поколений и служит средством предотвращения трагических повторений. Еще большую актуальность эта проблема приобретает в настоящее время, когда по всему миру вновь и вновь гремят канонады локальных войн с тысячами пленных, складываются условия для вызревания реваншистских, неофашистских радикальных организаций, предполагающих достижение своих целей через военные конфликты.

Помимо сохранения исторической памяти, не менее значимой является проблема формирования индивидуальной памяти через семейную традицию. Война коснулась практически каждой советской семьи. Многие из ушедших на фронт и оказавшихся в нацистском плену до сих пор числятся пропавшими без вести. Только после распада СССР и изменения политической ситуации у россиян появилась возможность получать сведения о пропавших в годы войны родственниках не только в отечественных архивах, но и за рубежом. Это вызвало всплеск интереса к судьбам не вернувшихся с войны отцов и братьев. Потому проблема советских военнопленных приобрела высокий гуманный смысл и большое общественно-политическое значение.

В настоящей работе на базе первичных и вторичных зарубежных и отечественных источников изучено положение советских военнопленных в нацистских лагерях в Норвегии и охарактеризованы основные сферы применения их труда для реализации военно-стратегических планов нацистской Германии. На основе российских архивных материалов рассмотрен процесс репатриации в СССР бывших пленных. Кроме того, в исследовании предпринята попытка, используя элементы антропологического подхода, дать основные психологические характеристики пленного; установить степень влияния климатогеографической специфики страны на положение узников в Норвегии; выявить специфику в сферах примене-

ния их труда; уточнить статистику различных категорий советских пленных.

При проведении исследования в научный оборот были введены новые источники: неопубликованные зарубежные и отечественные архивные документы и мемуары, новые статистические данные о количестве советских военнопленных, погибших в Норвегии.

Вторая мировая война – беспрецедентная по масштабам разрушений и количеству жертв – стала отправной точкой в изучении истории военного плена. Анализ отечественной и зарубежной исследовательской литературы, прямо или опосредованно посвященной проблеме военного плена и советских военнопленных во Второй мировой войне, позволяет выделить несколько хронологических этапов в развитии историографии темы.

На первом этапе (1939 г. – середина 1950-х гг.) в отечественной исторической науке исследование проблем военного плена не проводилось. Воспевая великую победу Сталина и советского народа над нацистской Германией, говорить, а тем более, писать о советских военнопленных, было не принято. Единственным значимым результатом разработки этой темы в середине 1940-х – начале 1950-х гг. можно считать складывание источниковой базы. Часть материалов по истории советских военнопленных была опубликована в первых сборниках документов. Однако специальных работ по истории плена и проблемам советских военнопленных в Норвегии в этот период не было.

По-другому сложилась историографическая ситуация на Западе. Наряду с публикацией первичных источников в эти годы появляются первые исследования по истории военного плена. Большая их часть базировалась на концепции, разработанной британскими историками. Согласно ей, расовая дискриминация в политике А. Гитлера, под которую попадали и славянские народы, стала продолжением националистических взглядов М. Лютера, только в более жестокой и изощренной форме.¹

В самой же Германии, а также в Австрии и других странах-сателлитах Третьего Рейха, о военном плене пока предпочитали молчать. По меткому выражению профессора М.Е. Ерина, военнопленные в историографии этих стран превратились в «забытые жертвы».² Наиболее полно такой взгляд представлен в трудах одного из представителей «консервативного» направления К. Типпелскирха.³ Всю вину за развязывание войны и ее жертвы он перекладывает на фюрера лично, отрицая при этом ответственность генералитета. Потому в условиях преобладания консервативной идеи в изучении истории войны в Германии специальные работы по проблемам военного плена отсутствовали.

Одними из первых на Западе о советских военнопленных начали писать в Норвегии. Доктор медицинских наук норвежец майор Л. Крейберг, находившийся на службе в составе союзных войск в качестве ответственного за репатриацию советских военнопленных из Буде, опубликовал материалы о процессе освобождения союзными войсками советских пленных на Севере Норвегии.⁴ Все последующие публикации о советских военнопленных в Норвегии в этот период имели характер краеведческих работ, появляясь, как правило, в формате небольших газетных или журнальных статей. С началом «холодной войны», повлиявшей

на отношения СССР и Норвегии, изучение истории советских военнопленных в Норвегии было практически прекращено. Эта тема не только стала раздражающим фактором в советско-норвежских отношениях, но и едва не привела к конфликту в связи с перезахоронением останков советских военнопленных на острове Тьетта.⁵

После XX съезда КПСС, разоблачающего культ личности Сталина, наступил новый этап (середина 1950-х – середина 1980-х гг.), который позволил обратиться к ранее закрытым темам истории Второй мировой войны, включая историю плена. Мемуары и частично рассекреченные документы легли в основу первых исторических трудов.

Приоритетным направлением в этот период становится изучение истории антифашистского Сопротивления, включая участие в нем узников нацистских лагерей. Одним из первых среди российских историков к проблемам движения Сопротивления и плена обратился Е.А. Бродский.⁶ Появляются исследования по отдельным концентрационным лагерям: Бухенвальд, Дахау, Освенцим, Маутхаузен.⁷ Концептуально авторы этих публикаций не выходили за рамки описания, и лагеря по-прежнему рассматривались вне системы тоталитарного государства.

Одной из первых работ обобщающего характера по истории плена стало исследование Д. Мельникова и Л. Черной. Авторам удалось проследить развитие системы концентрационных лагерей с момента их появления в 1933 г. Отдельно выделяя этап интернационализации лагерей, историки рассмотрели специфику их распространения по территории оккупированной Европы. Характеризуя их самые крупные концентрационные лагеря, исследователи отметили особенности каждого из них. В итоге, они показали систему лагерей в рамках функционирования всего нацистского государства, отводя ему изоляционную и карательную роль в тоталитарном механизме.⁸ К сожалению, истории нацистских лагерей в Норвегии в работе уделено лишь несколько строк.

Рассматривая проблему военного плена с историко-правовой точки зрения, историк-юрист Н.С. Алексеев обосновал вывод о том, что массовые истребления мирного населения и военнопленных нацистами были частью крупномасштабного плана Третьего Рейха, основанного на фашистской идеологии.⁹

Если в советской историографии 1950-1980-х гг. разработка темы военного плена только начиналась, что нашло отражение лишь в двух-трех серьезных исследованиях, то на Западе ее изучение проходило более интенсивно. Данное обстоятельство объяснялось не только доступностью первоисточников, но и сменой доминирующих концепций истории войны.

Консервативный подход постепенно был вытеснен концепцией представитель «умеренного» направления, суть которой заключалась в признании агрессивной внешней политики фашистов, приведшей, в итоге, к развязыванию Второй мировой войны.¹⁰ Историками данного направления были глубоко проработаны вопросы оккупационной политики Третьего Рейха. Они одними из первых обратились к изучению жертв нацистского режима. Исследование преступлений нацистов в Освенциме привело к написанию в 1965 г. «Анатомии эсесовского государства», в которой, наряду с анализом причин возникновения фашистского

государства, был представлен большой материал о репрессиях против пленных солдат и офицеров Красной Армии. Позже, в конце 1980-х гг., историками данного направления была организована деятельность движения «Мюльхаймская инициатива», целью которого было показать и признать агрессивную политику гитлеризма «как главную причину страданий и жертв народов»¹¹.

Труды либерально-демократических историков составляют сравнительно скромную часть западной литературы о Второй мировой войне. Основой их концепции является критика милитаристской и реваншистской традиции в истории. К представителям этого направления относится немецкий историк К. Штрайт, совершивший прорыв в изучении истории советских военнопленных в Германии. В своем фундаментальном исследовании автор на базе обширного архивного материала сумел обосновать идеологическую составляющую, лежавшую в основе политики Третьего Рейха в отношении советских пленных.¹²

Помимо Германии, в этот период тема разрабатывалась в таких странах, как США, Великобритания, Израиль, однако большая часть вышедших там работ связана с разработкой проблем Холокоста. Исследуя данную тематику, специалисты не могли обойти историю советских военнопленных.¹³ К сожалению, в них практически ничего не говорится о пленных в Норвегии.

Вместе с тем, именно в этот период выходят работы норвежских авторов, посвященные истории нацистского плена в Норвегии. Первые публикации, как это часто бывает в начале разработки какой-либо темы, носили научно-популярный характер. Под эгидой расположенного в Рогнане музея «Blodveimuseet» было издано несколько брошюр, посвященных проблеме иностранных пленных в Норвегии.¹⁴ В 1980-е гг. норвежские исследователи начали активно разрабатывать тему возвращения советских военнопленных в СССР.¹⁵ Однако считать эти работы строго научными нельзя. Написанные в условиях холодной войны, они несут ярко выраженный отпечаток идеологического противостояния, крайне негативно и односторонне освещают проблему возвращения советских граждан.

Использование пленных в качестве рабочей силы на строительстве железной дороги «Нордландсбанен» в деталях описано в трудах А. Эллингсвэ¹⁶ и Т. Якобсена.¹⁷ Обе работы вызвали высокий общественный интерес. В них документально подтверждался факт совместного строительства железной дороги в Норвегии немецкой «Организацией Тодта» и норвежским правительством, что грозило последнему выплатой компенсаций бывшим пленным.

Новый этап (середина 1980-х – до настоящего времени) в изучении истории военного плена в отечественной историографии наступил с изменением политической обстановки в России: сменились приоритеты в изучении темы, были открыты ранее засекреченные архивные документы и материалы. Проблема советских военнопленных стала рассматриваться в контексте системы тоталитарного государства, репатриации бывших узников нацистских лагерей в СССР и их дальнейшей судьбы.

Возрос и общественный интерес к теме: возникают различные организации (Фонд взаимопонимания и примирения, Международное историко-просветитель-

ское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», Ассоциация бывших военнопленных), инициируются проекты, направленные на изучение темы военного плена, организируются поисковые работы.

Отличительной особенностью этого историографического периода стали публикации отечественных авторов за рубежом. В 1994 г. вышла в свет работа Ф.Я. Черона и И.А. Дугаса – бывших советских военнопленных, оставшихся после войны на Западе.¹⁸ Их труд, основанный на документах, преимущественно, немецких архивов, воспоминаниях и исследовательской литературе, является, с одной стороны, достаточно содержательным, однако, с другой – крайне политизированным, наполненным отрицательным отношением к советской власти и всему с нею связанному. И это являлось лейтмотивом практически всех зарубежных публикаций отечественных авторов: по окончании войны на Западе оставались, как правило, противники существовавшего в СССР социалистического строя.

Наряду с выходом отечественной исследовательской литературы, изданной за рубежом, в перестроечный период начала формироваться российская школа специалистов по изучению истории военного плена. Среди первых работ, основанных на рассекреченных архивных материалах, была серия публикаций по репатриации советских граждан В.Н. Земского.¹⁹ Ранее закрытая тема была представлена автором в рамках статистических исследований. Помимо сведений о репатриантах, возвращающихся из стран Западной Европы, автор также приводит данные о советских пленниках, высланных из Швеции и Норвегии.

В 1990-е гг. историки обращаются к таким вопросам, как пути и причины пленения, природа внутрилагерных взаимоотношений,²⁰ формирование немецких воинских частей из советских пленных²¹ и репатриация советских граждан в СССР.²² Особое место заняла проблема общей численности советских военнопленных в нацистских лагерях и число погибших.²³ В той или иной мере перечисленные аспекты рассматриваются в исследовании П.М. Поляна – одном из первых научных трудов, претендующих на комплексное изучение проблемы через призму концепции тоталитаризма.²⁴

Помимо узко профессиональных исторических журналов («Новая и новейшая история», «Вопросы истории», «Отечественная история»), множество общественных журналов, предназначенных для широкого круга читателей, в этот период активно публикуют материалы о советских военнопленных. Появляются статьи в журналах «Родина»,²⁵ «Знамя»,²⁶ «Новый мир».²⁷

В 1994 г., когда Комиссия при президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий рассмотрела материалы, посвященные репрессиям в отношении бывших военнопленных и репатриантов, тема приобрела не только общественное, но и государственно-политическое звучание. Выводы Комиссии были изложены на страницах «Новой и новейшей истории» в 1996 г.²⁸ Комиссия признала, что сталинское руководство действовало преступно в отношении советских военнопленных.

Одним из первых среди отечественных исследователей, кто начал знакомить читателей с трудами зарубежных историков, изучающих историю советских военнопленных, стал М.Е. Ерин. Он сделал подробный историографический обзор

отечественной и немецкой литературы по проблемам военного плена.²⁹ Помимо обоснования основных этапов в развитии историографии темы, М.Е. Ериным были выделены основные проблемы изучения истории советских военнопленных в разных странах, в том числе и в Норвегии.³⁰

В конце 90-х гг. в стране проводится ряд международных научных конференций, посвященных военному плену во Второй мировой войне.³¹ Это первые шаги в совместном освоении темы, попытки объединить усилия отечественных и зарубежных исследователей в изучении разных ее аспектов. Лишь в начале XXI века российские исследователи обратились к изучению положения советских военнопленных в разных странах мира.³² Правда ни в одной из работ история пленных в Норвегии не рассматривалась.

С середины 90-х гг. прошлого века на Западе, так же, как и в России, наступил новый историографический этап освоения темы военного плена.

В германской историографии этот период стал логическим разрешением методологического кризиса, возникшего в результате объединения Германии, в который так или иначе были вовлечены представители всех направлений.³³

В ряде немецких городов были организованы конференции и выставки, посвященные советским военнопленным. Первая в Германии специальная конференция о советских военнопленных прошла в Берген-Бельзене. Состоявшаяся в Дрездене в июне 2001 г. международная конференция «Советские военнопленные в Германском Рейхе, 1941-1945» имела, помимо прочего, важный практический результат: был разработан уникальный пилотный проект по созданию комплексной базы данных на основе хранящейся в Подольске (в Центральном архиве Министерства обороны России) трофейной немецкой картотеки советских военнопленных офицеров, умерших в тыловых штабалагах.

Помимо немецких специалистов историей советских военнопленных занимались также и австрийские исследователи. Центром ее изучения в современной Австрии стал Институт по исследованию последствий войн им. Л. Больцмана, созданный в 1993 г. Ведущие специалисты института г. Бошов, С. Карнер и Б. Штельц-Маркс в 2005 г. выпустили коллективную работу, в которой была предпринята попытка рассмотреть международно-правовые аспекты военного плена в рамках двух мировых войн, сравнить положение советских военнопленных в нацистском плену и немецких пленных в СССР.³⁴ Принципиально новым в этой работе стала попытка сравнить положение военнопленных разных национальностей в нацистских штабалагах.³⁵

Последнее десятилетие за рубежом активно развивается ревизионистское течение в историографии, центром которого, преимущественно, стали исследовательские институты США. Так, исследователи Institute for Historical Review настаивают на том, что представления большинства историков о политике Третьего Рейха в отношении евреев и славянских народов, в том числе и советских военнопленных, неверны. Ревизионисты отрицают Холокост, утверждая, что количество реальных жертв режима гораздо меньше, чем принято считать в официальной науке.³⁶

90-е гг. стали также принципиально новым этапом в изучении истории совет-

ских военнопленных в Норвегии. В сентябре 2000 г. в Архангельске прошла конференция, посвященная войне в Заполярье. На ней с докладами по истории военного плена в Норвегии выступили скандинавские исследователи У. Ларстувольд, М. Солейм, г. Брески. Тогда же появляются и первые научные исследования.³⁷ Особого внимания заслуживает диссертация М.Н. Солейм. Проведенное ею исследование основано на внушительном материале западных архивов. М.Н. Солейм предприняла попытку расширить проблематику исследований по Холокосту и, наравне с еврейями, включить в качестве еще одной категории лиц, подвергнутых в годы Второй мировой войны политике геноцида, советских военнопленных. Работа нашла положительный отклик среди отечественных скандинавистов, однако они в качестве основных недостатков указывают на отсутствие в распоряжении автора российских материалов и, прежде всего, архивных документов, воспоминаний бывших пленных и «перекос в сторону Северной Норвегии, оставший в тени положение пленных на юге страны».³⁸

Таким образом, развитие как отечественной, так и зарубежной историографии истории военного плена прошло три основных этапа, определявшихся, в значительной мере, как внутривойсковой ситуацией, так и международной обстановкой. В ходе исследований, проведенных отечественными и западными историками, были изучены проблемы истории движения Сопротивления и участия в нем советских пленных, освещена история как отдельных концентрационных лагерей, так и всего лагерного механизма нацистской Германии. Историками были подробно рассмотрены вопросы репатриации, коллаборационизма, численности советских пленных и количества жертв среди них. Были проведены сравнительные исследования положения советских военнопленных и оказавшихся в нацистском плену военнослужащих США, Великобритании и Франции, предприняты попытки сравнить положение советских и немецких пленных. Вместе с тем, большая часть исследовательской литературы посвящена советским военнопленным, находившимся на территории Германии, оккупированных Австрии, Польши, Франции, СССР, тогда как изучение некоторых аспектов истории советских пленных в Норвегии нашло отражение всего в нескольких работах популярного характера, которые не могут претендовать на полное освещение темы.

Вместе с тем, многие проблемы истории плена в Норвегии не стали предметом изучения. Среди них вопросы особенностей функционирования нацистских лагерей в Норвегии, психологического состояния узников, влияния климата на положение пленных и т.д. До сих пор остаются дискуссионными статистика плена, вопросы компенсации за труд советских пленных в Норвегии, впрочем, как и методологические подходы в исследовании темы.

Целью данного монографического исследования является изучение положения и основных сфер применения труда советских военнопленных в нацистских лагерях в Норвегии, выявление их специфики, а также освящение процесса последующей репатриации в СССР.

Источниковую базу монографического исследования сформировали неопубликованные и изданные материалы. Проанализировав все использованные источники, их можно условно объединить в несколько групп.

Основную группу источников составили неопубликованные архивные документы. В ходе проведения исследования были использованы материалы пяти архивохранилищ. В большей степени были привлечены фонды Государственного архива Норвегии (Riksarkivet). Особый интерес представляют фонды так называемого «трофейного немецкого архива», содержащие документацию о деятельности нацистских властей на территории оккупированной Норвегии. По окончании Второй мировой войны архив был изъят британскими войсками и переправлен в Великобританию. В 1970 г. по просьбе норвежской стороны он был возвращен в Государственный архив Норвегии. Помимо «трофейного архива», в работе использованы материалы фонда по репатриации, личного фонда майора Л. Крейберга, фонда, содержащего международные документы (Гагская конвенция 1907 г., Женевская конвенция 1929 г.), отчеты о деятельности немецкой «Организации Тодта» в Норвегии.

В архиве музея Сопrotивления г. Осло (Norges Hjemmefrontmuseum – NHM) также содержатся документы, посвященные немецкой оккупации Норвегии в период Второй мировой войны: приказы и распоряжения немецкого командования в Норвегии, отчеты о произведенных советскими военнопленными работах, документы, касающиеся репатриации. Данные источники обладают высокой степенью репрезентативности в силу следующих значимых факторов. Во-первых, немецкая педантичность и организованность работы механизма нацистской машины наложили отпечаток и на оставленные после них документы: они предельно подробны, четкие по содержанию, выдержаны в едином стиле. Множество детальнейших отчетов, характеристик и уточнений дают возможность проводить статистический анализ, сравнивать показатели во времени.

Особую ценность представляет личный фонд майора Л. Крейберга, ответственного за репатриацию советских военнопленных из провинции Тромс. Помимо поименных списков репатриантов в фонде содержится дополнительная информация, позволяющая прочувствовать эмоциональное настроение пленных накануне возвращения в СССР: описания рядовых событий, положения военнопленных в лагерях, состояния их здоровья позволяют отразить реальную ситуацию весны-лета 1945 г.

Кроме зарубежных архивов для написания исследования автором были привлечены материалы фондов отечественных архивохранилищ. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) центральным для изучения стал фонд, посвященный репатриации советских граждан из разных стран в СССР (Ф-9526). Помимо списков репатриантов, в нем содержится отчет «Смешанной советско-норвежской комиссии по расследованию условий жизни и работы бывших советских военнопленных в немецко-фашистском плену в Норвегии в период 1941-1945 гг.» Данные, полученные «Комиссией», расцениваются с точки зрения репрезентативности неоднозначно. С одной стороны, члены «Комиссии» старались максимально объективно оценить положение военнопленных, описать проделанные ими работы, так как выполняли поставленную высшим начальством задачу: собрать достаточные доказательства для предъявления претензий на выплату компенсаций бывшим пленным норвежской стороной. С другой стороны,

это стало одновременно и причиной искажения некоторых данных. Кроме того, «Комиссия» проводила свою работу во второй половине 1945 – 1947 гг., что также осложняло выявление достоверных фактов. Более того, в своей работе члены «Комиссии» широко опирались на сведения, полученные от населения тех районов Норвегии, где находились лагеря, а не на документы. Зачастую такие сведения были крайне неточными. Однако, несмотря на это, документы фонда 9526 являются официальными документами, вполне объективно отражающими положение советских военнопленных в Норвегии. Помимо вышеуказанного фонда, в исследовании привлечены материалы так называемых «Особых папок Молотова и Сталина» (Ф-9401). Данные документы, в основном, регламентируют порядок возвращения бывших узников нацистских лагерей в СССР, создание и деятельность проверочно-фильтрационных пунктов (ПФЛ) и т.д.

Не менее значимым для изучения истории советских военнопленных в Норвегии стал фонд Архива внешней политики Историко-документального департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВП РФ) «Референтура по Норвегии». В нем представлены материалы дипломатической переписки, в которой, преимущественно, обсуждаются вопросы о количестве и местонахождении погребений советских граждан в Норвегии, некоторые аспекты репатриации, представлены сводки зарубежных информационных агентств. Сведения Центрального архива Министерства Обороны представлены списками военнопленных, погибших в Норвегии в период 1941-1945 гг.

Отдельную группу составляют нарративные источники, включающие документы личного происхождения – мемуары, дневниковые записи, автобиографические повествования.³⁹ Помимо опубликованных источников этой группы особо можно выделить неопубликованные воспоминания. Такой вид источников имеет существенное значение не столько для достоверного восстановления исторических фактов, сколько для передачи эмоционального состояния военнопленных. Дневник одного из военнопленных лагеря Тронденес Константина Середницева, обнаруженный союзными войсками в 1945 г., стал уникальным источником для понимания чувств и переживаний человека, оказавшегося в нацистском плену. В 1988 г. был издан единственный в своем роде дневник воспоминаний бежавшего советского военнопленного Ивана Юрченко.⁴⁰

Данный источник принципиально отличается от письменных анкет, разосланных бывшим военнопленным спустя шестьдесят лет после окончания войны.⁴¹ В них респонденты предоставляют уже проанализированные, обдуманые сведения, в основном, касающиеся трудовой деятельности военнопленных, их положения в лагере, отношения к ним охраны. Однако здесь повествование теряет свою эмоциональную напряженность, человеческие переживания стираются с годами, оставляя в памяти достаточно пожилых людей только факты. Возможно, к такому изложению респондентов обязывала и форма опроса.

Говорить о репрезентативности такого источника, как воспоминания достаточно сложно, так как единственным критерием истинности здесь является человеческая память. Однако при анкетировании респондентов были использованы методики, позволяющие в той или иной мере установить истинность полученной

информации (вопросы-«ловушки», повторяющиеся перефразированные вопросы и т.д.). В результате, было установлено, что получаемая от респондентов информация являлась вполне достоверной.

В работе использована группа визуальных источников. Фотоматериалы служат дополнительным источником для восстановления исторической действительности: снимки лагерей для военнопленных, положения узников, их трудовой деятельности.⁴² Одним из важнейших корпусов источников является периодическая печать. При проведении исследования были обработаны периодические издания военного и первых лет послевоенного времени. В периодической печати указанного периода публиковались официальные документы, обращения правительства, приказы и распоряжения. В этом смысле особое значение имеют распоряжения и отчеты о проводимой советским правительством репатриации советских граждан в СССР («Известия»). Однако данный вид источников имеет свою особенность. Все просмотренные диссертантом издания указанного выше периода являлись официальными проводниками политики советской власти. Поэтому помещенная в них информация была согласована и подавалась читателю выборочно. Данный факт дает основание предположить, что не все сведения, размещенные на страницах газет «Известия», «Правда» можно считать достоверными, так как часть материала изданий носила пропагандистский характер.

В ходе работы над монографическим исследованием также использовались опубликованные документы: материалы расследований Чрезвычайной комиссии,⁴³ материалы Нюрнбергского процесса,⁴⁴ документальные сборники «Преступные цели – преступные средства»,⁴⁵ «Гриф секретности снят».⁴⁶ В основном, данные из них применялись для изучения положения узников в нацистских лагерях, получения статистических данных, проведения сравнительного анализа положения советских военнопленных в разных странах. Опубликованные в сборнике документов «Мировые войны XX века» директивы и приказы нацистского руководства позволили определить основные направления политики Третьего Рейха в отношении захваченных территорий, в том числе и оккупированной Норвегии.⁴⁷

Таким образом, проанализированные выше группы источников в комплексе и составили источниковую базу исследования. Степень их репрезентативности, с учетом данных им характеристик, является достаточно высокой, что позволяет с высокой степенью достоверности реализовать поставленную в исследовании цель.

Глава 1.

Нацистские лагеря для советских военнопленных в Норвегии в годы Второй мировой войны

Геополитические итоги Первой мировой войны привели к изменению соотношения сил между великими державами и одновременно заложили глубокие противоречия в международных отношениях. Защита завоеванных территорий одними государствами и борьба за возвращение отторгнутых земель другими во многом послужили причиной развязывания Второй мировой войны.

После заключения Версальского мирного договора Германия оказалась «ограбленной» и униженной. В германском обществе во все возрастающих масштабах стали формироваться реваншистские настроения. Их усилил экономический кризис периода «Великой депрессии». В этой ситуации нацистская партия широкой пропагандой своих программных требований и критикой буржуазно-демократической системы сумела обеспечить себе социальную поддержку и прийти к власти. 3 февраля 1933 г. на совещании с высшим командованием Гитлер изложил программу своего правительства, одним из ключевых пунктов которой была «борьба против Версаля».⁴⁸

Придя к власти, Гитлер стал быстро вводить антидемократические порядки, направленные на сплочение нации вокруг своей партии.⁴⁹ Максимальная концентрация всех средств и сил способствовала стремительному созданию мощной армии, при наличии которой идея реванша могла воплотиться в реальность.

Так, в 30-е гг. XX века на политической карте Европы появилось мощное тоталитарное государство, которое автоматически предполагало введение неотъемлемого для него «фактора страха». Именно в это время на территории нацистской Германии появляются первые концентрационные лагеря — «последовательные, институты тоталитарного правления», по выражению Х. Арндт. Их первоочередной задачей являлось «создание некоего человеческого вида, напоминающего другие животные виды, вся «свобода» которого состояла бы в «сохранении вида».⁵⁰

С началом Второй мировой войны система концентрационных лагерей начала стремительно распространяться по всей территории оккупированной Европы. Создавались новые типы лагерей, призванные использовать рабский труд. Широкомасштабное наступление войск Вермахта и всеобъемлющий террор позволяли привлекать в ряды немецкой трудовой армии не только население Германии, но и миллионы военнопленных и пригнанных с Востока гражданских рабочих. Их руками выполнялись промышленные, военные и сельскохозяйственные работы. Использование рабской рабочей силы позволяло нацистам извлекать максимальные прибыли при минимальных издержках и обеспечивать рост мощи нацистской военной машины.

С началом войны Германии с СССР большое количество советских военнослужащих оказались в нацистском плену с первых недель военных действий. По подсчетам немецкого историка К. Штрайта, только к концу 1941 г. было взято в плен 3,4 миллиона советских солдат и офицеров.⁵¹ Отечественный историк Б.В. Соколов склоняется к цифре 3,9 миллиона советских военнопленных за тот же период.⁵² Захваченные в плен военнослужащие Красной Армии составляли особую категорию пленных, на которую не распространялись ни нормы международного гуманитарного права, ни гуманное отношение со стороны захватчиков. Результатом жестокого обращения, массовых казней и голода стали колоссальные жертвы среди советских военнопленных.

1.1. Нацистские лагеря для советских военнопленных в Третьем Рейхе

Ведя военные действия на европейских театрах, нацисты отработали систему пленения, регистрации, трудоустройства и содержания военнопленных. Ответственность за судьбы советских военнопленных была поделена между Верховным главнокомандованием – ОКВ (Obercommando der Wehrmacht – ОКВ) и Главным командованием сухопутных сил – ОКХ (Obercommando des Heeres – ОКН). На территории Рейха военнопленные находились в компетенции Отдела по делам военнопленных главного штаба Вермахта и, частично, – Имперской службы труда. На территории оккупированных областей СССР ответственность за военнопленных брал на себя Отдел военной администрации начальника тыла сухопутных сил (ведомство генерал-квартирмейстера).

Как правило, пленение происходило непосредственно в прифронтовой полосе и оперативной зоне, занимавших территорию от 250 до 800 километров от передовой. В этой зоне военнопленные находились в компетенции регулярных войск ОКХ. Генералу-квартирмейстеру подчинялись начальники военнопленных в оперативных районах групп армий, а тем, в свою очередь, окружные коменданты по делам военнопленных и коменданты войсковых сборных и пересыльных лагерей. ОКХ отвечало за отбор рабочей силы и использование труда военнопленных в оперативной зоне. На этом компетенция ОКХ в отношении военнопленных

заканчивалась: взятые в плен военнослужащие направлялись в дивизионные и корпусные приемные лагеря (Aufgangslager), оттуда – в армейские сборные пункты (Armeekriegsgefangensammelstelle). Далее военнопленные перевозились в пересыльные (транзитные лагеря) – «дулагы» (Durchgangslager), где они, в соответствии с приказом РСХА от 17 июля 1941 г., подвергались фильтрации по национальному признаку.⁵³ По прибытии военнопленных в стационарные лагеря, находившиеся на оккупированных территориях, ответственность за них возлагалась на ОКВ, которое на протяжении всей войны возглавлял генерал В. Кейтель. Военнопленными в ОКВ занимался Отдел по делам военнопленных, который входил в состав Службы общего руководства армией (Allgemeines Wehrmachtamt – АВА) и подчинялся начальнику штаба ОКВ генерал-полковнику А. Йодлю. В октябре 1944 г. отдел по делам военнопленных был выведен из компетенции ОКВ и передан рейхсфюреру СС г. Гиммлеру.⁵⁴

В системе управления лагерями для военнопленных основную контролирующую функцию над ОКХ и ОКВ выполнял Главный инспектор по делам военнопленных. С введением этой должности в июне 1943 г. до упразднения в декабре 1944 г. ее занимал генерал-лейтенант Реттиг.⁵⁵ В его обязанности входили проверки учреждений по делам военнопленных, контроль над вопросами охраны, трудоустройства, снабжения военнопленных, назначение судебных расследований. Главный инспектор подчинялся непосредственно Верховному главнокомандующему.

В компетенции ОКВ существовало несколько типов лагерей: лагеря для офицерского состава – «офлагы» (Offizierslager), для остальных чинов – «шталагы» (Stammlager). Подобные лагеря для военнопленных имели военно-воздушные силы (Люфтваффе) – «люфтлагы» (Luftlager) и военно-морские силы (Кригсмарине) – «морлагы» (Marlag/Milag) (см. приложение 3).

Нумерация лагерей для военнопленных соответствовала номеру военного округа, букве алфавита и названию города, где располагался лагерь.⁵⁶ Таким образом, система управления лагерями представляла собой широко разветвленный аппарат, где основные функции распределялись между ОКХ и ОКВ.

Поступив в лагерь в самой Германии или на оккупированной территории, военнопленные (в том числе, и советские) проходили регистрацию. Им присваивался текущий номер, который был строго индивидуальным и после смерти военнопленного повторно не присваивался. При регистрации военнопленных использовалась особая канцелярская форма, которая представляла собой зеленую карточку из четырех частей. Одна из них являлась бесплатным почтовым уведомлением для родственников, на обороте которой содержался следующий текст: «Я попал в германский плен. Я здоров (или легко ранен). Я вам напишу будущий мой адрес. Сердечный привет».⁵⁷ Форма направлялась в «Справочную службу Вермахта о военных потерях и военнопленных» в Берлине. Оттуда почтовая карточка отправлялась адресату, а остальные три идентичные карточки – в три специальные картотеки: для страны происхождения военнопленного, для Международного Красного Креста в Женеве, последняя оставалась в «Справочной службе Вермахта».

Текущая отчетность в ОКВ поступала из лагерей для военнопленных каждые десять дней. В ней фиксировались прибывшие и убывшие. В администрации лагерей заводились специальные персональные карточки: белая – персональная карта военнопленного, зеленая – перевод из одного лагеря в другой, розовая – пребывание в госпитале, синяя – передача в концентрационный лагерь. Формуляры для офицеров выделялись диагональной красной чертой.⁵⁸

Приказом ОКВ от 27 мая 1942 г. «О почтовом обмене советских военнопленных» были введены карточки на немецком, немецко-русском, немецко-украинском и немецко-белорусском языках с заранее отпечатанными текстами. В них военнопленные могли сообщить родственникам о своем местонахождении посредством подчеркивания или вычеркивания в тексте карточки. Изменения и дополнения были запрещены.⁵⁹

Особой формой содержания советских военнопленных являлись концентрационные лагеря. В связи с расширением сети концлагерей в сентябре 1939 г. было создано Управление имперской безопасности (РСХА), которое возглавил Р. Гейдрих. 1 февраля 1942 г. было принято решение реорганизовать все бюрократические и управленческие структуры СС в единый орган – ВФХА – Главное административно-хозяйственное управление СС.⁶⁰ В марте 1942 г. ВФХА вобрало в себя Инспекцию концентрационных лагерей. Главой Инспекции был назначен Р. Глюкс (схема 1.).

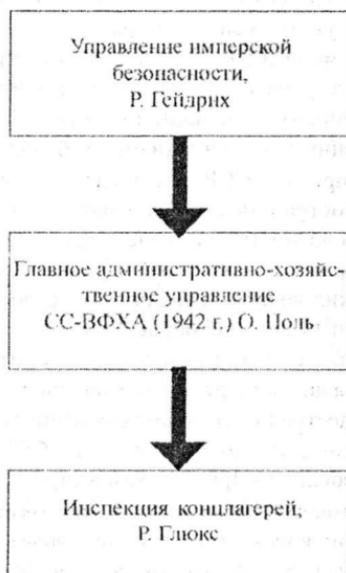

Схема 1. Система управления концентрационными лагерями

Как и в лагере для военнопленных, заключенным в концлагере присваивался личный номер. С распространением концлагерей по территории оккупированной Европы характерной стала отметка на робе с первыми буквами названия страны заключенного. Для советских заключенных и военнопленных использовались буквы «SU» - «Sowjetunion».⁶¹

Фильтрация военнопленных обычно проводилась в транзитных лагерях – «ду-лагах», которые находились в компетенции ОКХ. Оттуда в концлагеря направлялись в первую очередь политические комиссары. В соответствии с приказом от 13 мая 1941 г. и приказом ОКВ от 6 июня того же года, расстреливаться должны были все «политработники из состава военнослужащих Красной Армии».⁶² Но поскольку выявить их было нелегко, то подозреваемые направлялись в концентрационные лагеря.

Еще одной категорией советских военнопленных, направляемых в концентрационные лагеря, были командиры войсковых формирований. Они также, как комиссары, по мнению германского командования, являлись опасными для нацизма элементами. Помимо командиров и политработников оказаться в концлагере мог и рядовой военнопленный за совершение преступления, попытку к бегству или иные проступки.

Так, возникший в нацистской Германии тоталитарный режим посредством своих неотъемлемых элементов – идеологии и террора – породил универсальный механизм унижения, уничтожения и порабощения человеческой личности – лагерь. Меняясь во времени и распространяясь по территориям, лагерь не только продолжал выполнять свои функции, но и расширял их, становясь значимым экономическим компонентом функционирования Третьего Рейха. Волею судьбы советские военнопленные стали жертвами этой системы.

Война Германии против СССР была не просто войной по завоеванию территории, «жизненного пространства», но, в первую очередь, столкновением двух миров, двух разных идеологий. Война велась нацистами на уничтожение, что, кроме сказанного, определялось и стратегией «блицкрига». Оправдывая свои приказы в отношении советских военнопленных, Гитлер обвинял СССР в неподписании Женевской конвенции 1929 г. «Об обращении с военнопленными».⁶³

Часть приказов немецкого командования в отношении советских военнопленных разрабатывалась еще до начала военных действий против Советского Союза. Директиву расстреливать советских военнопленных Гитлер подписал 12 мая 1941 г.⁶⁴ Кроме того, незадолго до войны с СССР 8 июня 1941 г. командованию групп армий разослали «Приказ о комиссарах». Согласно ему, политических комиссаров предписывалось физически «уничтожать... силами войск, вне зоны боевых действий своих войск, незаметно, по приказанию офицера».⁶⁵ По мнению К. Штрайта, этот приказ стал символом вовлечения Вермахта в национал-социалистическую политику уничтожения политических противников.⁶⁶

Одним из основных документов, принятых немецким командованием в отношении советских военнопленных, является приказ РСХА № 8 от 17 июля 1941 г. В соответствии с ним были созданы оперативные команды, которые предлагалось

вести в лагерях для военнопленных в составе одного СС фюрера и 4-6 рядовых для выявления «большевистских элементов». ⁶⁷ Своей размытой формулировкой приказ фактически развязывал руки членам оперативных команд. Разрабатывая его, немецкое командование действовало в русле заранее продуманных планов: перед нацистами были поставлены конкретные задачи по уничтожению «еврейско-большевистских» руководящих прослоек в Советском Союзе, порабощению славянских народов и их частичному уничтожению. ⁶⁸

В продолжение политики в отношении советских военнопленных было подготовлено специальное секретное «Распоряжение об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях для военнопленных» от 8 сентября 1941 г. Первые строки Распоряжения превращают военные действия на советско-германском фронте в мощную идеологическую войну: «Большевизм является смертельным врагом национал-социалистической Германии. Впервые перед немецким солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего большевизма». ⁶⁹ В соответствии с этим Распоряжением, в отношении советских военнопленных разрешалось «даже из дисциплинарных соображений ... весьма резко прибегать к оружию», «по совершающим побег военнопленным ... стрелять немедленно». ⁷⁰

Таким образом, ряд положений и приказов в отношении советских военнопленных выделял их из общего числа узников нацистских лагерей и ставил их на грань вымирания. Женевская конвенция едва ли могла регулировать отношение нацистов к советским военнопленным, так, по приказам командования Вермахта истреблялись миллионы больных и раненых пленных, несмотря на присоединение Советского Союза к соответствующим договоренностям о защите указанных категорий узников. Здесь действовал другой закон – идеологическое неприятие большевизма и геноцид славянских народов. Именно поэтому жертв среди советских военнопленных было особенно много.

Однако уже к началу 1942 г. нацисты стали рассматривать советских пленных как неиссякаемый источник бесплатной рабочей силы. Идея массового использования труда военнопленных и захваченных в плен гражданских лиц возникла у немецкого командования в связи с провалом «блицкрига». Затяжная война требовала колоссальных ресурсов: сырьевых, технологических, людских. 18 февраля 1942 г. на заседании в Рейхстаге руководитель «Группы по работам в соответствии с четырехлетним планом» Мансфельд выступил с официальным заявлением о том, что: «нынешние трудности с рабочей силой не возникли бы при своевременном принятии решения о широком использовании русских военнопленных» ⁷¹. В связи с этим, в октябре 1942 г. фюрер выдвинул новую неотложную программу вооружения, которая предполагала «введение в дело дополнительно двух миллионов иностранных рабочих». ⁷²

Среди советских военнопленных было большое количество специалистов в разных отраслях. Так, в сообщении Министерства труда (Reichsarbeitsminister) от 14 октября 1941 г. к Высшему командованию Вермахта в Берлине отмечалось, что среди русских военнопленных «находятся чрезвычайно ценные для военной экономики квалифицированные рабочие». ⁷³ В сообщении было предложено со-

здать специальные лагеря для русских военнопленных, в которые бы свозились горнорабочие, металлурги, работники транспорта и лесной промышленности для дальнейшего использования их на производстве.

На выявление высококвалифицированных рабочих среди советских пленных обращалось внимание и несколько ранее – в самом начале войны. Еще 14 августа 1941 г. в письме ОКВ к президенту Биржи труда были даны четкие указания в отношении использования труда советских военнопленных. В соответствии с ними должны были составляться картотеки профессий военнопленных и формироваться группы по профессиональному признаку для вывоза на работы. В сообщении также отмечалось, что работы должны проводиться только в условиях полной изолированности от иностранных гражданских рабочих и местного населения.⁷⁴

Если до конца 1941 г. советские военнопленные привлекались на работы в основном в сельское хозяйство и строительство, то впоследствии они стали использоваться в тяжелой индустрии и военной промышленности. 10 января 1942 г. был отдан приказ генерала В. Кейтля о направлении советских военнопленных в военную промышленность Германии.⁷⁵ В приказе требовалось к десятому числу каждого месяца, начиная с 10 февраля 1942 г., представлять отчетность о количестве советских военнопленных, переданных Биржей труда в военную экономику (табл.1).

Таблица 1

**Количество советских военнопленных, находившихся в лагерях ОКВ
и использованных в качестве рабочей силы
в немецкой военной промышленности в 1942-1945 годах⁷⁶**

По состоянию на	В лагерях ОКВ	В военной промышленности	Всего
1 февраля 1942 г.	1 020 531	147 736	1 168 267
1 сентября 1942 г.	1 675 626	375 451	2 021 077
1 февраля 1943 г.	1 038 512	493 761	1 532 273
1 августа 1943 г.	807 603	496 106	1 303 709
1 марта 1944 г.	861 052	594 279	1 455 331
1 сентября 1944 г.	905 864	756 444	1 671 308
1 января 1945 г.	930 287	750 000	1 680 287

Из данных таблицы 1. следует, что в начале февраля 1942 г. в военную промышленность было направлено около 15 % пленных, а к концу войны – уже более

80 %. Делая ставку на «блицкриг», фашистское руководство в начале войны не желало обременять себя содержанием восточных «недочеловек», да и военная промышленность предполагала сравнительно более высокую квалификацию рабочей силы. Срыв «блицкрига» на Восточном фронте и затягивание войны обусловили начало массовых мобилизаций на фронт, а потому и резкую потребность в рабочей силе даже на военном производстве Германии.

Широко используя труд советских пленных, нацисты крайне занижали нормы питания для них. В сообщении Министерства труда от 16 октября 1941 г. прямо говорилось о том, что «Советский Союз не присоединился к соглашению от 27 июля 1929 г. и мы (Верховное командование – прим. автора) не обязаны предоставлять военнопленным продовольственное снабжение».⁷⁷ Осенью 1941 г. в большинстве лагерей Германии энергетическая ценность ежедневного пайка советского военнопленного составляла около 1 500 ккал, что почти в 2 раза ниже физиологической потребности человека.⁷⁸

Указом ОКХ от 3 июля 1941 г. устанавливались нормы питания для захваченных в плен солдат и офицеров Красной армии: на семь дней приходилось 600 гр. хлеба и 150 гр. мяса или мясных изделий на одного человека. Отмечалось, что за ночные работы надбавки в рационе советских военнопленных не предполагались.⁷⁹ Тем самым нацисты нарушали 11-ю статью Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными», которая предусматривала обеспечение продовольствием всех военнопленных в том же объеме, что и в действующей армии.⁸⁰ Естественно, что такие нормы питания являлись недостаточными для поддержания жизнедеятельности и вели к истощению организма. Следствием мизерных продовольственных норм и антисанитарных условий в лагерях для советских военнопленных стали эпидемии инфекционных заболеваний, крайнее истощение узников, педикулез и дизентерия.

С началом Второй мировой войны в Третьем Рейхе возникла разветвленная лагерная сеть для военнопленных и гражданских лиц. Созданная как инструмент идеологического террора и изоляции, с провалом «блицкрига» и затягиванием войны на Восточном фронте лагерная система приспособилась к потребностям германской экономики, направляя на работы миллионы узников.

1.2. Нацистские лагеря для советских военнопленных в Норвегии и условия содержания в них

26 февраля 1940 г. верховным командованием Вермахта были опубликованы «Соображения о политических и административных мероприятиях при оккупации Норвегии, Дании, Швеции».⁸¹ В них определялись масштабы оккупации северных государств, среди которых Норвегия занимала особое место. В документе отмечалось, что в первую очередь в Норвегии должны быть созданы немецкие военные базы в Осло, Арендале, Кристиансанде, Ставангере, Бергене, Трондхейме, Нарвике и Андалснесе. Далее говорилось о важности обеспечения работы

железнодорожных линий Осло – Лиллехамер – Трондхейм и Нарвик – Риксгрэн-ээн – Лулео.⁸² Налаживание системы транспортного сообщения, в первую очередь, было связано с планами нацистов использовать сырьевые ресурсы страны в интересах экономики Рейха и создать в Скандинавии мощный военный плацдарм. Впрочем, это была лишь часть программы мероприятий нацистов на оккупированных территориях Скандинавского полуострова. Последующее содержание «Соображений» раскрывает основную цель захвата северных стран. «Оккупация Норвегии и Дании будет иметь своим следствием установление полной блокады стран Северного и Балтийского морей со стороны Англии. Вследствие этого прекратится ведущаяся по морю в направлении запада внешняя торговля... Поставки продовольствия и сырья в этом направлении прекратятся».⁸³ Таким образом, для руководства Вермахта Норвегия была крайне важным военно-стратегическим объектом.

Когда в результате военной операции «Везерюбунг» в апреле 1940 г. территории Норвегии и Дании были оккупированы нацистскими войсками, перед германским командованием возник вопрос об источнике рабочей силы для реализации задуманных планов. Именно потребность в трудовых ресурсах и стала основной причиной появления на территории Норвегии разветвленной системы лагерей для военнопленных и «восточных рабочих». Уже 5 июля 1941 г. командованием ОКВ было отдано распоряжение о направлении в Норвегию двадцати тысяч советских военнопленных.⁸⁴

Советские пленные, попав на территорию Норвегии, распределялись в три базовых лагеря-«шталага», которые являлись распределительными пунктами для отправки военнопленных в рабочие лагеря.⁸⁵ Каждый из шталагов нес ответственность за лагерь, находившиеся в его подчинении на определенной территории. Все шталаги охранялись караульным батальоном (Landeschutzenbataillone nе). Батальон № 444 нес охрану шталага № 303 в Лиллехамере, батальон № 309 – шталага № 330 в Нарвике, батальон № 884 – шталага № 380 в Опдале⁸⁶ (схема 2). Каждый караульный батальон состоял из 60 офицеров и 450 солдат.

Помимо шталагов, в Норвегии находились рабочие, а также строительные батальоны (Kreigsfangenen-Bau und Arbeitsbataillone) и батальоны снабжения, состоявшие из военнопленных. Эти подразделения подчинялись непосредственно коменданту по военнопленным в Норвегии генерал-майору Клемму.

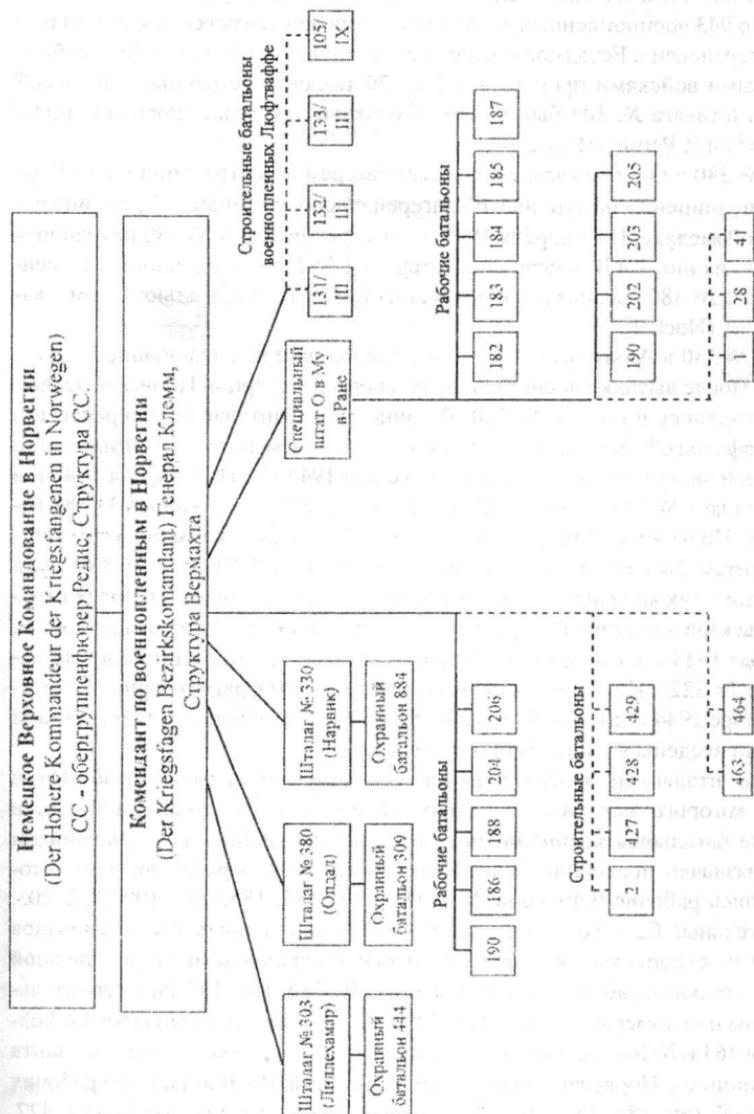

Схема 2. Система управления шталагами и батальонами на территории Норвегии⁸⁷

В компетенции шталага № 303 в Лиллехамере находились 84 лагеря, располагавшихся в южной и центральной части Норвегии. На 1 апреля 1945 г. в них содержалось 6 943 военнопленных и 1 651 обслуживающего персонала.⁸⁸ Позднее шталаг был перенесен в Естадмоен: через него с конца лета 1942 г. и до освобождения союзными войсками прошло от 65 до 70 тысяч иностранных пленных.⁸⁹ Комендантом шталага № 303 был назначен полковник Пенике (Ponicke), адъютантом – капитан Р. Реннер (R. Renner).⁹⁰

Шталаг № 380 в Опдале являлся базовым лагерем в центральной части Норвегии. В его подчинении находились 65 лагерей, расположенных в Треннинлаге, в Нурланне и Ромсдале. На 1 апреля 1945 г. в лагерях шталага № 380 находилось 6 840 человек, из них 2 478 – персонал лагеря и 4 362 военнопленных.⁹¹ Комендантом шталага № 380 был назначен полковник Каниц (Canitz), адъютантом – капитан Р. Нукель (Nuckel).⁹²

Шталагу № 330 в Альте были подведомственны лагеря, находившиеся на севере страны. После высадки военнопленных в портах Северной Норвегии заключенные направлялись в шталаг № 330. В конце 1944 г. шталаг был перенесен в Нарвик (Бейсфьорд).⁹³ Это было связано с отступлением немцев из Финляндии и последующей эвакуацией из Финмарка осенью 1944 г.⁹⁴ На 1 апреля 1945 г. в структуру шталага № 330 входили 122 лагеря, в которых содержалось 11 588 военнопленных. Полковник Ширмбахер (Schirmbacher) являлся комендантом шталага, адъютантом был назначен капитан Рутер (Ruther).⁹⁵ Шталаг № 330 имел особое значение, так как распределял военнопленных на один из основных строительных объектов в Северной Норвегии – железную дорогу «Нордландсбанен».

До октября 1944 г. на территории Норвегии находился еще один базовый лагерь – шталаг № 322 в Киркенесе. Однако сведения о нем фрагментарны. Известно, что в октябре 1944 г. шталаг № 322 и шталаг № 9, находившийся в Финляндии (г. Сала), были введены в состав шталага № 330.

Наряду со шталагами, в Му в Ране располагался специальный штаб «О», в подчинении которого находились рабочие (Kriegsfangenen-Arbeitsbataillone) и строительные батальоны военнопленных (Bau-Pionierbataillone).⁹⁶ Начальником штаба был назначен полковник Бушвайзер (Buschwisser), в распоряжении которого находились рабочие батальоны №№ 182, 183, 184, 185, 187, 190, 202, 203, 205 и строительные батальоны №№ 1, 28, 41. Военнопленные этих батальонов были заняты на строительстве железной дороги «Нордландсбанен» в Северной Норвегии.⁹⁷ Остальные рабочие батальоны №№ 180, 186, 188, 204, 206, строительные батальоны под номерами 2, 427, 428, 429 и батальоны снабжения (Nachschub-Bataillone) № 463 и №464 находились непосредственно в подчинении коменданта по военнопленным в Норвегии генерал-майора Клемма. Военнопленные рабочих батальонов №№ 180, 186, 188, 204, 206 и строительных батальонов №№ 2, 427, 428, 429 были заняты на возведении укреплений, автодорог и вырубке леса.⁹⁸

В рабочих батальонах содержалось 35 986 военнопленных. Известно, что на строительстве железной дороги «Нордландсбанен» были задействованы военнопленные 9 из 14 вышеуказанных рабочих батальонов. Количество пленных в этих девяти батальонах на 8 мая 1945 г. составило 22 406 человек.¹⁰⁰ Военнопленные оставшихся пяти рабочих батальонов в составе 13 580 человек использовались на

иных работах: строительстве укреплений, разгрузках в портах и т.д. В рабочих батальонах военнопленные были поделены на роты, которые, в свою очередь, делились на малые рабочие группы вблизи места проведения работ.

Таблица 2

Численность военнопленных в рабочих батальонах на 8 мая 1945 г.⁹⁹

№ рабочего батальона	Место нахождения	Количество военнопленных
1. 180	Стринида	2 859
2. 182	Фауске	1 089
3. 183	Струволлен	2 522
4. 184	Фауске	2 794
5. 185	Фауске	2 550
6. 186	Бейсфьорд	2 832
7. 187	МУ в Ране	2 437
8. 188	Драммен	3 610
9. 190	Бренне	3 446
10. 202	Серелва	2 302
11. 203	Мегарден	2 412
12. 204	Квесменес	1 862
13. 205	Инган	2 890
14. 206	Трондхейм	2 381

Строительные батальоны также подчинялись специальному штабу «О» и коменданту по военнопленным в Норвегии. Документы свидетельствуют о том, что военнопленные строительных и рабочих батальонов вели совместные работы на разных объектах. Очевидно, это было необходимым условием для обеспечения эффективности их труда.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что всего в строительных батальонах содержалось 5 204 военнопленных, из них 2 764 человека в составе строительных батальонов №» 2, 427, 428, 429, узники которых были задействованы

на строительстве «Нордландсбанен» (табл.3). Таким образом, если суммировать число военнопленных в рабочих и строительных батальонах, прикрепленных к данному строительному объекту, то количество пленных составит 25 170 человек. Если те же вычислительные действия проделать в отношении оставшихся рабочих (№№ 180, 186, 188, 204, 206) и строительных (№№ 1, 28, 41) батальонов, то число военнопленных, занятых на различных строительных объектах и работах, составит 16 020 человек. Таким образом, проект «Нордландсбанен» оттянул на себя больше рабочих рук, чем остальные виды работ, где использовался труд военнопленных. Эти цифры демонстрируют размах строительной деятельности по проекту «Нордландсбанен» и говорят о его значимости для нацистов.

Таблица 3

Количество военнопленных в строительных батальонах на 8 мая 1945 г.¹⁰¹

№ рабочего батальона	Место нахождения	Количество военнопленных
1. 1	Страмсунд	539
2. 2	Фауске	475
3. 28	Рогнан	750
4. 41	Лонсдал	1 151
5. 427	Тернигмоен	690
6. 428	Рисламоен	699
7. 429	Квесменес	900

Обеспечением продовольствием и предметами первой необходимости всей немецкой лагерной системы в стране занимались два батальона снабжения – № 463 и № 464. Они подчинялись коменданту по военнопленным в Норвегии и располагались в Осло. В батальоне № 463 под командованием коменданта майора Шмида (Schmid) содержалось 324 военнопленных. В батальоне № 464 под руководством капитана Брандта (Brandt) – 771 военнопленный.¹⁰²

Помимо рабочих, строительных батальонов и батальонов снабжения в Норвегии располагалось четыре специальных авиационно-строительных батальона из состава военнопленных, которые находились в компетенции немецких военно-воздушных сил (Luftwaffen-Bau-Battallione) (табл.4).

Численность военнопленных в авиационно-строительных батальонах германских военно-воздушных сил на 1 мая 1945 г.¹⁰³

№ батальона военнопленных Люфтваффе	Место расположения	Численность военнопленных
1. 151/III	Тернингмоен Евьемоен Еггемоен	1 469
2. 132/III	Сундлия Елвенес	1 746
3. 133/III	Тернингмоен Еггемоен	1 584
4. 105/XI	Еггемоен Лахаугмоен Ваалер	1 389

Таким образом, в авиационно-строительных батальонах для военнопленных ВВС Германии содержались 6 188 человек. В непосредственной близости от этих батальонов находились основные места их занятости – аэродромы ВВС Германии. Пленные данных батальонов, преимущественно, были заняты на строительстве взлетно-посадочных полос и расчистке их от снега в зимний период.

Итак, нацистскую лагерную систему в Норвегии, возглавляемую комендантом по военнопленным генерал-майор Клеммом, составили шталагы с лагерями для военнопленных (22 893 человек), авиационно-строительные батальоны военнопленных ВВС Германии (6 188 человек), строительные батальоны (5 204 человек), рабочие батальоны (35 986 человек) и батальоны снабжения (1 095 человек).¹⁰⁴ Отправляемые в Норвегию советские военнопленные проходили предварительный отбор по двум основным критериям. Во-первых, учитывались их физическое состояние и способность выполнять различные работы. Во-вторых, часть из них также отбиралась и по профессиональному признаку, что было типичным явлением и на других оккупированных территориях.

Советские военнопленные, как правило, попадали в Норвегию через территорию Германии. Все перевозки пленных в этом направлении осуществлялись через немецкий портовый город Штеттин. Это подтверждают как немецкие транспортные списки, так и воспоминания военнопленных. Бывший узник нацистского лагеря в Норвегии Василь Рудык вспоминает: «Приблизительно 12 мая 1943 года

нас из немецкого города Штеттин пароходом отправили в Осло, оттуда – в Берген... В Бергене нас снова загрузили в пароход и отправили через фьорд Зоги в город Ордалстанген». Другой бывший военнопленный Александр Киселев рассказывает, что «был взят в плен в Кубанском районе 27 февраля и выслан в Крым. Симферополь, затем в Констанцу (Румыния). Из Румынии через Естеррике и Унгари в Штутгард (Германия)... Однажды в лагерь пришла группа нацистов и отобрала 500 человек, которые были вывезены на грузовых машинах в Штеттин. Оттуда грузовыми баржами прямо в Берген, куда мы прибыли в октябре 1943 года».¹⁰⁵ Помимо этого, в нацистский плен в Норвегии попадали советские моряки и летчики на маршруте конвоев, однако их было сравнительно немного.

Командованием Вермахта была разработана специальная инструкция по транспортировке советских военнопленных в Норвегию.¹⁰⁶ В соответствии с ней, военнопленные перевозились на грузовых судах вместимостью по 800 человек. По прибытии в Норвегию узников доставляли литерными поездами до одного из трех основных штаблагов. Пеших маршей по возможности избегали.¹⁰⁷ К вагонам, в которых осуществлялась перевозка военнопленных, предъявлялись особые требования: окна вагонов забивались досками, снимались замки, закрывающиеся изнутри.¹⁰⁸ Охрана получала четкие инструкции: в каждом вагоне помимо немецких солдат находился офицер, который информировал начальника состава о количестве военнопленных и дисциплине в вагонах.

Первые партии советских военнопленных были доставлены на территорию Норвегии в августе 1941 г. К 9 ноября 1941 г. их насчитывалось уже 2 847 человек. В первую очередь, их направляли в Северную Норвегию – наиболее опасный в то время участок, где, как известно, проводились крупномасштабные операции британо-советских сил (табл. 5).

Таблица 5

Распределение первых советских военнопленных в Норвегии по лагерям осенью 1941 г.¹⁰⁹

Общественное ведомство	Местонахождение	Численность
Штаб ОАК (Северная Норвегия)	Нарвик	800
Штаб ОАК	Киркенес	1 100
Штаб ОАК	Альта	447
Штаб ОАК	Лаксельв	200
Штаб ОАК	Нордрейса	200

Штаб ОАК	Саланган	100
Люфтваффе	Трондхейм	200
Люфтваффе	Ставангер	200

Из 2 847 человек 2 447 военнопленных оказались в распоряжении Высшего командования армии в Норвегии (Armeoberkommando Norwegen – ОАК). Они были направлены в северные районы, а остальные 400 человек были переданы в ведомство Люфтваффе. Это именно те районы, которые выделялись немецким командованием как места для строительства военно-морских баз, береговых укреплений и линий железных дорог.

В документах немецкого командования в Норвегии указывалось, что в структуру четырех основных штаблагов входил 271 лагерь для военнопленных.¹¹⁰ В них, наряду с советскими военнопленными, содержались пленные сербы, югославы, поляки и представители других стран. В отчете, составленном Высшим командованием королевских норвежских вооруженных сил, отражено следующее количество советских, польских и югославских военнопленных, содержавшихся в лагерях в различных провинциях Норвегии на 25 апреля 1945 г. (табл. 6).

Таблица 6

Количество советских, польских и югославских военнопленных в Норвегии¹¹¹

Провинция	Русские	Поляки	Югославы
Финнмарк			
Тромс	8 000-9 000		
Нурланн	21 000-23 000	700-800	900-1 000
Тронделаг	5 000-6 000		
Мерэ и Ромдал	300-400		
Согн и Фьерданэ	1 100-1 300		
Хурдэданд	2 000-2 200		
Рогаланд	700-900	200-300	
Вест-Агдер	1 300-1 500		

Ауст-Агдер	200-300		
Телемарк	100-200		
Вестфольд	1 000-1 200		
Бускерунд	700-800		
Опланд	1 200-1 500		
Хэдмарк	700-800		
Акерхус	1 700-2 000	200-300	150-200
Остфольд	600-700	100-150	
Всего	45 600-51 700	1 200-1 550	1 050-1 200

Несмотря на то, что источник, на который опирались норвежские аналитики, вызывает сомнение (численность военнопленных дается приблизительно, с погрешностью в тысячи человек), данные таблицы позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, можно говорить о том, что около 93-95 % от общего числа военнопленных составляли советские военнослужащие, Во-вторых, наибольшее количество иностранных военнопленных было сосредоточено в северной провинции Нурланн, где велись работы по строительству железнодорожной магистрали.

В отчете же союзных войск, датированном 1 сентября 1944 г., отмечено 135 лагерей, закрепленных за шталагами, где содержались советские военнопленные¹¹² (см. приложение 1). Очевидно, что в данном документе количество военнопленных, состоявших в специальных (авиационных, строительных, рабочих) батальонах не учитывалось, как не учитывалось и число оstarбайтеров из СССР.

Вопрос о численности советских военнопленных в Норвегии в годы Второй мировой войны остается дискуссионным. Это, в первую очередь, связано с противоречивыми данными, которые дают основные источники. Единственным методом, претендующим на высокую степень достоверности, является метод составления поименной картотеки погибших и репатриированных из Норвегии советских граждан.

В нашем случае основными документами, позволяющими судить о количестве советских военнопленных, являются три группы документов, отличающиеся друг от друга степенью репрезентативности: 1) материалы «Смешанной советско-норвежской комиссии по расследованию условий жизни и работы бывших советских военнопленных в немецко-фашистском плену в Норвегии в период 1941-1945 гг.» (далее «Комиссия»); 2) отчеты союзных войск в Норвегии; 3) документы немецкого командования в Норвегии. Лишь анализ и сопоставление материалов всех трех групп могут дать наиболее полные статистические данные, а именно: сведения о количестве советских граждан (включая военнопленных и оstarбайтеров), численности репатриированных и погибших в Норвегии советских граждан.

Наиболее репрезентативными представляются материалы немецкого командования: транспортные списки, отчеты о строительной деятельности и привлечении советских военнопленных на работы. Точность и педантичность немцев хорошо известна. Учет военнопленных они вели с особой скрупулезностью, поскольку не только строго регистрировали выход на работу, но и несли ответственность за побеги. Материалы «Комиссии», так же, как и отчеты союзных войск о деятельности Норвегии, составлены во второй половине 1945-1947 гг. Более того, в своей работе «Комиссия» широко опиралась на сведения, полученные от населения тех районов Норвегии, где находились лагеря, а не на документы. Зачастую такие сведения были крайне неточными. Отчеты же союзных войск представляют особый интерес при разработке вопроса о «спорных людях», об организации репатриации и количестве репатриантов. Известно, что значительная часть германских архивных документов была захвачена союзными войсками и в настоящее время находится в архивах США (NARA) и Великобритании (PRO и Imperial War Museum). Поэтому можно предположить, что именно на германские документы опирались союзные аналитики, исследуя статистику плена в Норвегии.

Точные данные о численности советских военнопленных в Норвегии можно дать лишь тогда, когда будет составлена максимально полная поименная картотека советских военнопленных. К сожалению, даже картотеки пленных во Фрейбурге и Осло полными не являются. Предстоит многолетняя и трудоемкая работа, возможно, нескольких поколений историков для проведения этого исследования. Поэтому диссертант вынужден опираться лишь на имеющиеся сводные данные, приведенные в немецких, норвежско-русских и союзных документах.

Как было указано выше, максимально репрезентативным источником являются немецкие транспортные списки, поскольку именно в точном соответствии с ними германские интендантские части не только подавали транспорт, но и рассчитывали нормы выдачи продовольствия, предметов первой необходимости и т.п. Согласно этим документам, за 1941-1945 гг. в Норвегию были отправлены 84 318 советских военнопленных (табл.7).

Таблица 7

**Количество советских военнопленных, отправленных в Норвегию
в период с 1941- 1945 гг.¹¹³**

Период	Январь-июль	Июль-декабрь	Всего
1941 г.		3 253	3 253
1942 г.	8 320	11 836	20 156
1943 г.	21 427	11 800	33 227
1944 г.	10 657	7 267	17 924
1945 г.	9 758		9 758

Однако данные документы, свидетельствующие о транспортировке 84 318 советских военнопленных, отражают неполное количество советских военнопленных, находившихся в плену на норвежской территории. Это связано с тем, что часть из них при транспортировке «проходила» по другим документам. Возможно, что в годы войны осуществлялась ротация военнопленных, в результате чего определенное количество узников могло быть перемещено обратно в Германию или в одну из оккупированных стран. Несмотря на эти обстоятельства, показатели, отмеченные в таблице 7., дают возможность проследить динамику доставки советских военнопленных каждые полгода.

Данные «Комиссии» по рассматриваемому вопросу ограничиваются самыми общими цифрами и фразами, указывающими на то, что в немецком плену в Норвегии «находилось около 100 000 советских граждан, большей частью военнопленных».¹¹⁵ Складывается впечатление, что вопрос о количестве находившихся в стране военнопленных и остарбайтеров не привлекал особого внимания советской стороны, чего нельзя сказать, например, о проблеме, связанной с установлением стоимости труда узников лагерей.

В отчетах союзных войск, проводивших инспекцию лагерей, общее количество советских военнопленных не подсчитывалось. В преамбуле доклада указывается, что установить точное число узников не представляется возможным.¹¹⁶

Интересно отметить, что общая численность военнопленных и остарбайтеров в стране оставалась неизвестной и для норвежских властей. Так, министр социального обеспечения Норвегии С. Стейстад в ответном письме начальнику отдела гражданских дел генерал-полковнику А.В. Геллиону указывал на разные данные о количестве советских граждан: в МИДе Норвегии заявляли о 30-40 000 человек, по другим данным — до 63 000 советских граждан, включая военнопленных и остарбайтеров.¹¹⁷ Таким образом, данный статистический показатель достаточно сложно определить по архивным материалам всех групп источников, что предполагает применение метода математических вычислений (см. ниже).

Необходимо учитывать, что помимо военнопленных, в Норвегию были пригнаны советские граждане, точное количество которых установить не представляется возможным, поскольку регистрации и учета этой категории заключенных из СССР при транспортировке их в Норвегию не проводилось. Однако в ряде архивных документов, как советских, так и союзных, фигурирует цифра 9 000 советских остарбайтеров.¹¹⁸ Полагаю, что эта цифра взята условно, но отражает примерное число «восточных рабочих» из СССР в Норвегии. Известно, что из 9 000 остарбайтеров, пригнанных в Норвегию, по окончании войны были репатриированы 6 963 человека, включая женщин и детей.¹¹⁹ Следовательно, можно предположить, что из числа остарбайтеров погибли или остались на Западе свыше 2 000 человек.

Так, на данный момент с уверенностью можно говорить лишь о 84 318 тысячах военнопленных и 9 000 остарбайтеров, то есть приблизительно о 93 300 советских граждан, находившихся в годы войны в Норвегии.

Однако установлению численности советских граждан в Норвегии также могут способствовать и данные о количестве погибших среди них. Вполне воз-

можно, что наиболее достоверным источником по данному вопросу являются документы немецкого командования в Норвегии, которые передавались в штаб от комендантов штаблагов и начальников специальных «батальонов». В определенной степени их уточняют и дополняют материалы норвежского Департамента по захоронениям и данные «Комиссии».

По данным Департамента по захоронениям, на территории Норвегии в годы Второй мировой войны погибли 13 700 советских пленных.¹²⁰ Однако в подсчетах Департамента не могли быть учтены абсолютно все погибшие. В частности, возможно, были упущены сведения о могилах военнопленных, расстрелянных при попытке к бегству, за нарушение режима или погибших на работах в результате несчастного случая.

«Комиссия» установила, что на декабрь 1945 г. число погибших в стране советских пленных составило 14 902 человека (табл. 8).

Таблица 8

Количество погибших советских военнопленных в Норвегии¹²¹

Провинции	Число погибших
Ослофьорд Естфольд Вестфольд	214
Телемарк Ауст-Агдер Вест-Агдер	292
Рогаланд Телемарк Бюскеруд Хедмарк	1636
Нурлани Согн ог Фьордане	736
Румсдаль Трондхейм Норд-Трондхейм	744
Нурлани Тромсе Финнмарк	10580
Обнаруженные могилы	700

Здесь расхождение в показателях составляет 1 203 человека. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, отчеты «Комиссии» позволяют судить о том, что подсчет погибших членами «Комиссии» производился на местах захоронений вблизи лагерей. Однако подобная методика представляется сомнительной, поскольку едва ли проводилась эксгумация и идентификация тел, так как этот процесс должен обеспечиваться определенным медицинским и техническим сопровождением. Да и времени у членов «Комиссии» на это просто бы не хватило. Поэтому, основным источником при работе «Комиссии» являлись либо сами могилы с надписями, либо информация, полученная от представителей коммун. Во-вторых, членами «Комиссии» могли быть включены погибшие остарбайтеры или военнослужащие Красной Армии, принимавшие участие в освобождении Норвегии.

Учитывая вышеизложенное, в данном исследовании, говоря о количестве жертв среди советских пленных, будем придерживаться цифры 14 000 человек – цифры, которая представляется нам наиболее достоверной.

Итак, в распоряжении автора имеются два относительно достоверных показателя: количество репатрировавшихся и погибших на территории Норвегии советских граждан. На основе имеющихся материалов и их анализа можно с высокой степенью вероятности предположить, что количество советских граждан, находившихся на территории Норвегии в годы Второй мировой войны, составляло около 100 800 человек. Из них – около 91 800 военнопленных и 9 000 остарбайтеров. По окончании войны были репатрированы 77 812 бывших военнопленных и 6 963 остарбайтера из СССР (расчеты см. во второй главе). Следовательно, около 2 000 гражданских лиц погибли или попали в категорию «disputed persons» (то есть жителей территорий, вошедших в состав СССР после 1 сентября 1939 г.).

Установив численность находившихся в Норвегии советских военнопленных и количество погибших среди них, необходимо изучить, в каких условиях содержались узники и какие факторы влияли на их положение в нацистских лагерях.

Среди документов немецкого командования в Норвегии диссертантом была обнаружена так называемая «Памятка» (Merkblatt), которая являлась инструкцией для лагерей, находившихся в ведении шталага № 303.¹²² Можно предположить, что подобные инструкции были также разработаны комендантами других шталагов. В данном документе неоднократно подчеркивалось, что военнопленные должны содержаться таким образом, чтобы сохранялась их работоспособность и «достигалась максимальная производительность труда».¹²³ Такие установки в очередной раз подчеркивают основную цель отправки пленных в Норвегию – использование в качестве рабочей силы.

По масштабам и численности пленных лагеря были разные: от нескольких сотен до нескольких десятков тысяч человек. Заранее возведенных лагерных зданий не было, поэтому военнопленные размещались в бараках, заброшенных зданиях или сараях. Тяжелее всего приходилось первым узниками лагерей: они жили в землянках, оказываясь незащищенными от суровых погодных условий Норвегии. Зачастую военнопленные не получали никаких строительных материалов и инструментов для строительства своих жилищ и вынуждены были возводить их вручную.¹²⁴

В соответствии с инструкцией лагерь должен был быть расположен на хорошо просматриваемом месте для облегчения его охраны.¹²⁵ По периметру его территория, как правило, огораживалась двумя рядами колючей проволоки высотой 2,5 м., причем расстояние от земли не должно было превышать 50 см., а расстояние между двумя рядами (по инструкции) составляло 2 м. Лагерь должен был иметь хорошее наружное освещение.¹²⁶ Один из бывших военнопленных В.В. Любов, говоря о внешнем устройстве лагеря, вспоминал: «Лагерь был небольшим, где-то на 150 человек. Вокруг решетки и колючая проволока. Там было два одноэтажных здания, где жила охрана, бараки были для пленных, так же отдельное помещение было выделено под лазарет».¹²⁷

Внутреннее устройство лагеря также документально регламентировалось.

Нары в бараках располагались друг над другом в три яруса. При погрузке в Германию каждый военнопленный должен был получать набор, в который входили скатерть, полотенце, чашка и ложка для пользования при транспортировке и в лагере.¹²⁸ Очевидно, что такими мерами немецкое командование пыталось предотвратить распространение инфекционных заболеваний и эпидемий. Постельными принадлежностями в лагерях служили соломенные матрацы и старые одеяла, однако зачастую не было и их. Тогда военнопленные спали на соломе или на голом полу.¹²⁹ «В лагере я жил у выхода, — вспоминает бывший военнопленный Александр Киселев, — где находилась охрана. Я спал на верхнем ярусе кровати, наверху спали все молодые, пожилые спали внизу. Койки были покрыты не соломой, а сухими водорослями. Мы ели из плошек по очереди, потому что ложек было мало, их не хватало».¹³⁰

Можно предположить, что в лагерях среди военнопленных существовала определенная иерархия, характерная для концентрационных лагерей. В своем исследовании Ж. Котек и П. Ригуло подробно описывают систему взаимоотношений пленных в лагерях, выделяя среди них особые группы: помощники и подручные администрации лагеря — так называемые «проминенцы», «курьеры», полицаи и т.д. Привилегированный класс составлял 5-10 % от общего числа заключенных. Причинами появления такой прослойки можно считать нежелание немецкой администрации лагерей выполнять свои прямые обязанности. За большую пайку некоторые военнопленные занимались патрулированием лагерей, работали на кухне, доносили о настроениях среди узников и даже вели бухгалтерию лагеря.¹³¹ Например, в Ленинградской области подобные «привилегированные» советские военнопленные («Hilfswilliger» — добровольные помощники), даже имели свою специальную форму.¹³²

Сложно однозначно говорить о том, насколько это явление было распространено в нацистских лагерях в Норвегии. Однако в немецкой «Памятке» утверждалось, что нередко охрана лагеря состояла из самих военнопленных, которые за дополнительный паек и лучшие условия содержания «добровольно шли на сотрудничество с нацистами».¹³³

В немецких документах отмечалось, что лагерь должен был отапливаться так, чтобы военнопленные не переохлаждались и могли просушить одежду.¹³⁴ Однако «Комиссией» было установлено, что помещения лагерей плохо или совсем не отапливались. Это вело к частым случаям замерзания в бараках. Военнопленные были вынуждены сами добывать топливо, которого зачастую не было вблизи их размещения или мест работы.¹³⁵ «Мы очень часто приходили с работы сырыми, а в каждом бараке была всего одна печка, обсохнуть все не успевали, поэтому шли на следующий день в мокрой одежде», — вспоминает А. Киселев.¹³⁶

По сообщениям «Комиссии», хорошая одежда и обувь у военнопленных отнимались. Несмотря на сильные морозы у многих из них не было даже верхней одежды. Пленные, как правило, не имели носков, рукавиц и нательного белья.¹³⁷ Никакой специальной одежды для работы военнопленные не получали. Отсутствовали защитные средства от дождя и холода, что крайне ухудшало условия работы, особенно в зимнее время.¹³⁸ «Одежда представляет собой ужасные

лохмотья, — вспоминает норвежка Мария Эстрем, — ноги обернуты бумагой или мешковиной. Рассказывают, что гитлеровцы отобрали у них ватную одежду и взамен выдали свои обноски...».¹³⁹ Подобная ситуация имела место и в лагерях на территории Германии. Более того, там военнопленные зачастую размещались под открытым небом и оказывались незащищенными от непогоды.

Помимо неудовлетворительного содержания военнопленных в нацистских лагерях Норвегии, одной из основных причин смертности среди узников являлись мизерные продовольственные нормы.

11-я статья Женевской конвенции 1929 г. «Об обращении с военнопленными» гласила, что помимо продуктового пайка, «военнопленные могли получать необходимые принадлежности для приготовления дополнительной порции. Пленные имели неограниченный доступ к питьевой воде и должны были получать табачные изделия».¹⁴⁰ Однако немецкое Верховное командование сухопутных сил в Норвегии, ссылаясь на неподписание СССР Женевской конвенции, в августе-сентябре 1941 г. выработало свои решения по вопросу продовольственного снабжения военнопленных. Основным принципом являлся принцип сохранения работоспособности. Во многих лагерях, особенно на севере Норвегии, отсутствовали помещения кухонь и столовых. Военнопленные сами готовили себе еду на кострах. Зачастую для приготовления пищи использовались жестяные банки и ведра.¹⁴¹

Ежедневный рацион советских военнопленных в Норвегии составлял литр вегетарианского супа, 300 г хлеба, иногда немного мяса, картофеля или рыбы.¹⁴² Это подтверждается и воспоминаниями бывшего военнопленного: «Ели три раза. С утра пили холодный чай. Днем суп из гнилых овощей и брюквы. И заключенные, и немцы называли этот суп «колючей проволокой». Немного хлеба и чай на ужин, 200 граммов маргарина делили на 20 человек».¹⁴³ Вот еще одно свидетельство бывшего военнопленного К. Середничева: «Рацион нашего питания следующий: утром мы едим суп. Я не знаю, что это за суп, кипяченая вода с мукой. Дома мои свиньи ели лучше. Обед в 12 часов: 1 кг хлеба на троих, 25-30 граммов жира с рыбными консервами — 800 граммов на 12 человек, $\frac{3}{4}$ литра кофе. Ужин в 6 часов: суп ужасен, большинство отказывается, очень редко кто-нибудь найдет картошину в нем. Очень редко готовят суп из мясных консервов. Он вкусный, но очень жидкий. Мы едим суп без хлеба и по этому не наедаемся».¹⁴⁴ По расчету калорийности такой рацион был примерно на 40-60 % меньше, чем необходимо для человека, занятого тяжелым физическим трудом.

24 ноября 1941 г. на заседании Министерства снабжения Германии был разработан следующий дневной рацион для советских военнопленных, находившихся в лагерях на территории Третьего Рейха. Он составлял 409 гр. хлеба (65 % ржаных отрубей, 25 % отжимов сахарной свеклы и 10 % молотой соломы), 35 г мяса, 18 г жиров, 160 г свежих овощей, 420 г картофеля, 10 г сахара и 39 г кислой капусты, что составляло около 1500 — 1800 ккал.¹⁴⁵

Такая продовольственная ситуация естественным образом отражалась на состоянии здоровья военнопленных. В соответствии с «Памяткой» для шталага № 303, за «состоянием здоровья военнопленных и гигиеническими условиями в

лагере должен был «проводиться тщательный контроль».¹⁴⁶ Ответственность за это возлагалась на врача лагеря. В каждом лагере должны были быть отведены лазареты для больных. Медикаменты и перевязочные материалы должны были доставляться в лагерь в необходимом количестве.¹⁴⁷

Вместе с тем, материалы «Комиссии» подтверждают, что распоряжения командантов шталаггов в лагерях для советских военнопленных не выполнялись. Лишь в конце войны на территории Норвегии появилось спецлагеря, находившиеся в разных районах Норвегии, куда свозились нуждающиеся в лечении пленные. Судя по всему, инициаторами создания таких лазаретов были союзники, готовившие и проводившие репатриацию военнопленных и остарбайтеров. До этого, как отмечается в отчете «Комиссии», больные военнопленные не получали никакой медицинской помощи, а просто изолировались от здоровых, продолжая находиться в таких же условиях.¹⁴⁸

Врачи в лагерях были, как правило, из числа военнопленных. Туберкулез, грипп, авитаминоз и безбелковые отеки являлись основными заболеваниями и причинами смертности среди узников нацистских лагерей в Норвегии. Такой перечень заболеваний указывает на то, что помимо недостаточного продовольственного снабжения, немалое влияние на состояние здоровья узников оказывал неблагоприятный климат северных районов страны, где была сосредоточена большая часть военнопленных. Хорошо известно, что при систематическом переохлаждении, сниженном иммунитете и высокой степени влажности атмосферного воздуха ослабленный организм крайне подвержен простудным заболеваниям и заболеванию туберкулезом.

Другая ситуация сложилась в Германии, где дизентерия стала основным заболеванием среди военнопленных, ведущим к гибели. Это объясняется большой скученностью узников в лагерях и полным пренебрежением правилами гигиены со стороны администрации лагерей и отсутствием санитарной обработки помещений. Очевидно, руководство лагерями в Норвегии учитывало подобные обстоятельства, опасаясь распространения инфекционных заболеваний как среди военнослужащих германской армии, так и местного населения.

Вместе с тем, в «Памятке», действующей на территории Норвегии, особое внимание обращалось на гигиеническое содержание помещений, где находились военнопленные. Указывалось, что, в первую очередь, это необходимо для предотвращения распространения инфекций. Однако, несмотря на то, что «Комиссия» после осмотра лагерей в конце 1945 г. пришла к выводу, что военнопленные содержались в «исключительно антисанитарных условиях»,¹⁴⁹ бывший узник А. Киселев вспоминает, что «... мылись раз в неделю, а свою грязную одежду бросали в прогретую комнату, чтобы она могла высохнуть».¹⁵⁰

В письме майора Л. Крейберга (ответственного за репатриацию военнопленных из провинции Нурлани) от 30 декабря 1943 г. в Лондон отмечалось, что в Северной Норвегии эпидемиологическая ситуация очень сложная: помимо повсеместного педикулеза, частых случаев туберкулеза и дизентерии, в области Киркнеса около 2 300 случаев паратифа и неизвестной до оккупации инфекции.¹⁵¹ Однако как таковых эпидемий, приводивших к массовой гибели пленных в лагерях

на территории Норвегии, выявлено не было. Это в корне отличается от ситуации, имевшей место в лагерях Германии: где, например, в шталаге Цайнтхайн около 58 % умерло от дизентерии и 14 % — от туберкулеза.¹⁵²

Вместе с тем, во многих лагерях в Норвегии процент больных оставался очень высоким до конца войны. Так, в день освобождения в лагере Опдал из 964 военнопленных 360 были лежачими больными, в лагере Нес количество больных составляло 90 %.¹⁵³

Большое количество больных среди военнопленных осложняло процесс репатриации: требовалось время для их реабилитации и лечения. О плохом состоянии здоровья советских пленных говорилось и в немецких документах. Руководитель строительных работ лагеря в Енганг-Крокен, узники которого были заняты на строительстве «Нордландсбанен», в январе 1945 г. писал: «Состояние здоровья военнопленных в лагерях настолько плохое, что их работоспособность не может считаться нормальной. В результате врачебного освидетельствования было установлено, что одна треть людей трудоспособна, вторая треть — условно трудоспособна, то есть может выполнять легкие работы, а третья — абсолютно нетрудоспособна вследствие болезней и истощения».¹⁵⁴

Еще одной причиной смертности среди советских военнопленных, помимо голода и болезней, стало жестокое обращение со стороны охраны.

«Советские военнопленные являются врагами Вермахта, поэтому по отношению к ним должны проявляться особая осторожность и бдительность», — отмечалось в «Памятке» шталага № 303.¹⁵⁵ 6 сентября 1941 г. было издано распоряжение немецкого командования в Норвегии об обращении с советскими военнопленными. В документе указывалось на запрет общения с пленными и передачи им корреспонденции. На территории лагерей устанавливались таблички с надписью на русском языке: «Стоять, если пойдешь дальше, то будешь расстрелян». При попытке к бегству караул имел право применять оружие.¹⁵⁶ «Однажды, — вспоминает А. Киселев, — два немецких солдата сопровождали двух пленных на работы в Саксенвик. Охранники отвлеклись на несколько минут, чем воспользовались пленные и убежали в стоящий рядом дом, где пытались найти что-нибудь съестное. Реакция охранников была мгновенной. Один из пленных упал на колени и просил прощения. Но охранник застрелил его на глазах местных жителей. Случаи такой жестокости были скорее правилом, чем исключением».¹⁵⁷

Караульный был обязан находиться на таком расстоянии от военнопленного, чтобы в любой момент иметь возможность воспользоваться оружием. Было запрещено поворачиваться спиной к военнопленным. Для надзора выделялись солдаты из расчета на 10 пленных — один охранник. Отказ от работы или протест немедленно пресекались. В случае расстрела советского военнопленного охранник был обязан доложить об обстоятельствах произошедшего.¹⁵⁸

Охрана лагеря неслась круглосуточно. Посты находились с внешней стороны лагеря, по его периметру. Гражданские лица, прибывшие в лагерь по служебным делам, могли находиться на территории лагеря только в сопровождении охраны. Вход на территорию лагеря женщинам и девушкам был строго запрещен.¹⁵⁹ Дважды в день — утром и вечером — военнопленные выстраивались на поверку. «В

5 часов утра немцы выгоняют пленных из барак. На ледяном ветру происходила поверка. Затем всех разбивают на партии и гонят на работу», — вспоминает Мария Эстрем.¹⁶⁰

В положении военнопленных в Норвегии имелись некоторые особенности. Одной из основных являлся суровый климат Скандинавского полуострова, особенно в северных регионах, где и находилось наибольшее число пленных. Высокая влажность, холод, неотапливаемые бараки и мизерный продовольственный паек стали причиной высокой смертности. С другой стороны, сочувствовавшие узникам норвежцы даже под страхом сурового наказания постоянно оказывали помощь заключенным, что было скорее исключением, чем правилом на территории Германии или Австрии.

Материалы «Комиссии» по расследованию условий жизни и труда советских военнопленных в Норвегии указывали на то, что «обращение с советскими военнопленными было исключительно плохим, грубым и издевательским».¹⁶¹ Военнопленным категорически запрещалось вступать в контакт с местным населением, получать какую-либо помощь от них. За попытку подобрать что-либо съестное пленные избивались винтовками и могли быть застрелены. В лагерях практиковался расстрел военнопленных за отказ работать и за побег. Так, в лагере Гейтригген в 1944 г. сбежали четыре военнопленных, за что было расстреляно столько же невиновных. За убийство двух немецких конвоиров в лагере Хаслемуен весной 1944 г. были расстреляны двадцать военнопленных.¹⁶² 23 апреля 1942 г. норвежскими кругами в Лондоне были получены сообщения о «зверском обращении гитлеровцев с пленными красноармейцами. Они гибнут от пыток, болезней и голода», — говорилось в заявлении. В течение зимы 1942 г. из 300 военнопленных, доставленных осенью в Нарвик, 50 человек умерли.¹⁶³ По сообщениям Норвежского Информбюро, из 280 советских военнопленных, прибывших в Сетермуен осенью 1941 г., 36 человек были расстреляны или умерли по другим причинам еще до 1 декабря 1941 г.¹⁶⁴ Вместе с тем, таких изощренных издевательств, как «игра в дикого кабана», когда охранники стреляли по убегающим военнопленным, или избивания до смерти кнутами, что часто случалось в лагерях Германии, в Норвегии зафиксировано не было.

Более того, некоторые бывшие пленные отмечают и сравнительно гуманное отношение к ним. «Немец, который был нашим начальником, — вспоминает В. Рудык, — оказался прекрасным человеком. Его звали Шаки. Он заботился о нас и говорил, что «мне ваша работа не нужна», поэтому мы не слишком перетруждались. Зато в столовой он всегда требовал для нас двойную порцию. Он интересовался нашей жизнью, часто приходил к нам в гости. Мы любили его, приглашали на праздники, фотографировались вместе с ним, хотя он говорил, что если эти снимки попадут в гестапо, то ему не сдобровать».¹⁶⁵ «По поводу дисциплины надо сказать то, что она не была уж столь жестокой, — вспоминает В.В. Любов, — но давали понять, что будет с нами за какие-либо нарушения, предъявив в качестве наглядности застреленного беглеца. Его положили у всех на виду за оградой». Судя по всему, режим в лагере определялся, в основном, комендантом и его помощниками.

С первых дней пребывания советских военнопленных в Норвегии нацистские

власти сразу же предприняли строгие меры к тому, чтобы не допустить контактов местного населения с узниками лагерей. Для запугивания местных жителей и предотвращения общения с советскими военнопленными немецкое командование в Норвегии установило строгие меры наказания. «В Осе, – писала М.Эстрем, – кругом расклеены плакаты. Один из них висит на столбе у нашего дома. Самое строгое наказание, вплоть до смертной казни, за малейшую помощь пленным или какое-либо проявление сочувствия и симпатии».¹⁶⁶ Согласно распоряжению Гитлера о полномочиях правительства Норвегии от 24 апреля 1940 г., запрещалась всякая прямая или косвенная связь с военнопленными. Исключение составляли те, кто исполнял служебные обязанности. Нарушение установленных правил наказывалось тюремным заключением. При непреднамеренном нарушении накладывался штраф. Наказание за нарушение данного предписания возлагалось на СС и управление полиции. Распоряжение вступило в силу в день его опубликования 28 сентября 1941 г.¹⁶⁷

Как правило, лагеря для советских военнопленных находились на окраине населенных пунктов и недалеко от дорог, поэтому местные жители могли оставлять свертки с едой на обочинах или у заборов лагерей. «Однажды я собрала немного еды, – вспоминала М. Эстрем, – сделала маленькие свертки и разложила их вдоль дороги, по которой должны были пройти русских. Стоя в укрытии, я видела, как они один за другим нагибаются, подбирая их. Многие другие тоже участвуют в помощи. Но военнопленных много, они постоянно голодают. Хуже всего приходится больным, которые не могут выйти из лагеря».¹⁶⁸ Вот воспоминания еще одной норвежки, жившей неподалеку от лагеря советских военнопленных: «Рождество 1941 года было относительно спокойным, но настроение было далеко не праздничное. Тяжелые мысли. Все то страшное, что мы пережили. Русские военнопленные, что страдают от голода и холода, немцы их бьют. Мы пытаемся помочь, чем можно. Многих сажают в тюрьму за то, что дали пленным кусок хлеба. Одна бедная женщина должна была заплатить штраф в 600 крон или отсидеть месяц в тюрьме. Она выбрала тюрьму. Русские роются в мусорных ящиках, ищут обеды. Я продолжаю класть еду в наш ящик для золы от печи. Они могут ее оттуда забрать. Очень холодно, у многих из них нет обуви. Ноги обернуты обрывками мешков и бумаги. Ужасно смотреть на их страдания, когда знаешь, что не можешь помочь. То небольшое, чем я могу помочь – капля в море, ведь пленных – тысячи».¹⁶⁹

Помимо продовольственной помощи норвежцы часто укрывали сбежавших военнопленных, зная, что за содействие побегу им грозила смертная казнь. Местные жители помогали беглецам одеждой, продуктами, направляли советских военнопленных в ряды организации норвежского Сопrotивления (Hjemmefront). В Норвегии действовал целый отряд бежавших из лагерей советских пленных. Они устраивали засады, диверсии, организовывали акты саботажа против нацистов.

Советские военнопленные ценили помощь и поддержку норвежцев. Письмо, написанное 14 мая 1945 г. и подписанное 492 пленными одного из лагерей, выражало чувство благодарности местному населению. «В это тяжелое время нор-

вежское население очень помогало нам, и мы хотим выразить сердечную признательность норвежскому народу. Несмотря на все запреты немцев, они приносили последнее». ¹⁷⁰

Не только в воспоминаниях, но и в официальных документах отмечалась помощь местного населения советским военнопленным. Так, в протоколе «Комиссии» последним пунктом указано: «Число погибших советских военнопленных было бы гораздо больше, если бы военнопленные не получали материальной помощи от норвежского населения, которое, несмотря на строгий запрет и суровые наказания, находило возможности оказывать большую помощь советским военнопленным». ¹⁷¹

Изучив основные факторы, влиявшие на положение советских военнопленных в нацистских лагерях на территории Норвегии, можно выделить некоторые характеристики психологического состояния пленных. Все типы нацистских лагерей создавались не только как места лишения свободы, тотального контроля над узниками и эксплуатации их труда, но, в первую очередь, как особая резервация, мир без привычных пространственно-временных рамок, моральных норм и общечеловеческих ценностей. Очевидно, что одной из основных целей нацистских лагерей было разрушение личности заключенных, превращение их в массу, пригодную для управления и не способную на индивидуальное или групповое сопротивление. С этой целью в лагерях отработывались методы наиболее эффективного управления массами: выявлялся уровень минимальных потребностей человека и границы его страха перед наказанием. ¹⁷²

Несомненно, что положение советских военнопленных в разных лагерях не было одинаковым. Практически все в лагере зависело от воли коменданта. Еще одним фактором, определяющим внутреннее состояние пленного, являлась степень психологической устойчивости узника: одни, попадая в лагерь, не теряли ясности ума, оставались способными адекватно реагировать на происходящее вокруг, другие впадали в депрессию, теряли рассудок, сходили с ума и, как правило, погибали.

Уже на пути в лагерь человек чувствовал, что уходит в полную неизвестность, из которой он может никогда не вернуться. С первых минут пребывания в лагере случался так называемый «шок прибытия» — начало трансформации сознания заключенного. Он выражался в получении лагерной одежды, побоев, голода, жестокого обращения со стороны охраны и т.д. Пробыв в лагере несколько дней, состояние узника менялось от «шока прибытия» к ощущению «выпадения из мира», когда все, что находится за пределами лагеря, в представлении заключенного теряет черты реальности.

Психологи также утверждают, что длительные утренние и вечерние поверки в любую погоду помимо решения первостепенной задачи были предназначены для подавления человеческого достоинства без применения видимого насилия. ¹⁷³

Особое значение имели и условия содержания пленных в лагерях. Внутрилагерное пространство, как правило, отличалось перенаселенностью. Даже пространство для сна было сокращено до минимума и характеризовалось постоянным телесным контактом из-за большой скученности. Более того, пространство

ограничивалось не только горизонтально, но и вертикально, так как нары располагались в несколько ярусов. Эти обстоятельства еще более усугубляли ощущение постоянного внешнего давления. Отрицательное воздействие оказывало также постоянное присутствие рядом других людей.

Однако самым сложным испытанием для советских военнопленных в нацистских лагерях стало испытание голодом. Установленные продовольственные нормы гарантировали советским узникам истощение и голодную смерть. В результате голодания и нечеловеческих условий существования у многих пленных случались психические расстройства, возрастало количество самоубийств, наступало безразличие ко всему, кроме еды. Искусственно вызванный голод привел не только к массовой смерти, но и к тому, что в нацистских лагерях каннибализм стал нередким явлением. Однако такое положение было характерным скорее для нацистских концлагерей.

Учитывая данные факторы, представляется целесообразным классифицировать положение советских военнопленных в нацистских лагерях по трем типам, положив в их основу следующие критерии: питание, содержание, степень тяжести и продолжительности работ, обращение с пленными охраны и, как следствие, уровень смертности среди узников. К первому типу относится положение советских пленных, в котором они оказывались, находясь в концентрационных лагерях и в лагерях, где смертность составляла более 50 %. Таких лагерей было особенно много на территории Германии, Австрии, Польши и СССР. К этому типу в Норвегии следует отнести несколько лагерей на севере страны, узники которых были заняты в основном на строительстве железной дороги «Нордландсбанен».

Второй тип положения характеризуется смертностью среди военнопленных в среднем не более 25-35 %. Таких лагерей было большинство. Как правило, в них были менее тяжелые и продолжительные работы, охраной лагеря не практиковались частые расправы над пленными. К третьему типу положения узников лагерей относятся лагеря, где уровень смертности составлял примерно 10-20 %. В них были созданы сносные условия жизни и труда, в той или иной мере соблюдались продуктовые нормы. В Норвегии к такому типу можно отнести большую часть лагерей в центральной и южной провинциях страны. В соответствии с выделенными типами складывалось и морально-психологическое состояние военнопленных.

Создать объективный психологический портрет военнопленного, находившегося в немецких лагерях в Норвегии, учитывая все вышеизложенные факторы, достаточно проблематично, в первую очередь, из-за уникальности и неповторимости рассматриваемого здесь объекта – человеческой личности. Однако дать общую характеристику психологического состояния военнопленных представляется возможным.

При проведении данного анализа основными для раскрытия психологического состояния пленных являются несколько групп источников: воспоминания военнопленных, которые, преимущественно, через призму эмоциональных переживаний автора, позволяют определить его психологическое состояние. Вторая группа – фотодокументы, позволяющие проанализировать условия содержания

пленных в лагерях. Одним из основных материалов первой группы источников является дневник советского военнопленного Константина Середницева из лагеря Тронденес (Северная Норвегия). Автор вел записи, уже находясь какое-то время в плену, поэтому можно говорить о его психологическом состоянии на стадии «выпадения из мира», когда его повседневная жизнь сформировалась в рамках лагеря, он жил по ее новым законам. Однако переезд в новый лагерь вызывает у узника чувство полной неизвестности: «Место, куда нас везут, нам неизвестно. Надеемся только на бога. Прощай, Трондхейм, лагерь № 3». ¹⁷⁴

Мир, оставшийся за колючей проволокой, был сконцентрирован для него в эмоциональных ощущениях – в тоске по родному дому, семье, детям. Полное неведение о судьбе его близких приводит пленного в состояние глубокой душевной тревоги: «Мое дорогое, драгоценное дитя. Живы ли вы, как переживаете это тяжелое время?» – пишет автор дневника. ¹⁷⁵

К. Середницев имеет тонкую связь с окружающим миром: он выполнял строительные работы на объектах вместе с норвежцами, сербами, поляками, датчанами, которые передавали вести о ходе военных действий на западном фронте, о победах советской армии. Этот источник информации является значительным фактором в формировании эмоционально-психологического состояния узника. Он пишет о любви к советской России, о преданности идеям коммунизма, обращается к высказываниям К. Маркса. ¹⁷⁶

Сведения из дневника также свидетельствуют о жестоком обращении немцев с военнопленными, о намеренном унижении узников лагерей: «Если бы ты только знала, какую нужду испытывает твой отец в сырой, туманной и грубой Норвегии, – пишет К. Середницев, обращаясь к своей дочери. – Ничего не может быть хуже, чем эта жизнь. Точнее, это не жизнь, а если и жизнь, то жизнь скотины, где все проявления культуры, все политические права и свободы уничтожены. Когда они смеются над тобой, имеют право плюнуть тебе в лицо, ударить, не объясняя за что, это условия жизни раба. Что может быть хуже или позорнее? Можно добавить к этому полуголодное существование. Все наши мысли приводят к одному: как было бы хорошо поесть досыта». ¹⁷⁷

В лагере, куда перевезли пленных, узники столкнулись со смертью лицом к лицу, там она стала обыденным явлением: «Мы прибыли на новое место, на остров. Лагерь расположен в 3 или 4 километрах от города и намного хуже прежнего. Летние бараки, как конюшни: грязные, сырые и холодные. Я узнаю о правилах в лагере, но и сегодня уже понятно, что мы сюда доставлены, что бы умереть. Господи, будь милостив, прости мои грехи и помоги мне все вынести. Как страшно умирать неизвестным в чужой стране. У меня есть семья, двое бедных детишек, старый отец. Мои дорогие детки, молитесь за спасение своего папы». ¹⁷⁸ От безысходности и отчаяния пленный обращается к богу, он чувствует, что жизненные силы покидают его, что возможность выжить в таких условиях ничтожна: «Я здесь всего 10 дней, а силы мои тают. Мои ноги настолько слабы, что я не могу встать без помощи рук. Я хожу медленно. Я уже забыл, как бегать. А еще год назад я бегал 100 метров за 12 секунд. Если моя судьба распорядится так, что я когда-нибудь вернусь домой, то я никогда не смогу быть полностью здоровым че-

ловеком. Мы, которые умираем медленной смертью, считаем каждый час и ждем минуту принятия пищи». ¹⁷⁹ Автор дневника снова и снова возвращается к мыслям о еде, голод мучает его постоянно: «Я мечтаю о доме, о хорошем обеде. Всегда, когда я просыпаюсь, я не могу избавиться от мыслей о еде. Я вижу в своих мыслях жирный борщ с помидорами и горчицей, блюдо, полное мяса, молоко, сыр, толсто нарезанный хлеб и многое другое. Когда я думаю, что мы выбрасывали дома хлеб, мое сердце разрывается». ¹⁸⁰

Необходимо отметить, что лагеря, в которых содержался К. Середницев, находились на севере страны, и положение пленных в них было гораздо более тяжелым, чем в лагерях в других частях Норвегии. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что пленный находился в рассудке, достаточно точно ориентировался во временном пространстве (в дневнике отмечены даты и дни недели, часы начала и окончания работ, время приема пищи и т.д.). Однако, наряду с этим, очевидно, что человек постоянно пребывал в состоянии сильного голода, испытывал моральные и физические страдания от издевательств охраны и плохих условий содержания.

Лагерь, где содержался узник, соответствует второму типу положения советских военнопленных, о чем свидетельствует сам военнопленный: «Из 600 военнопленных, прибывших сюда 4 месяца назад, осталось только 244 человека». Таким образом, ежемесячно в нем умирало не менее 40 % заключенных. На основании статистических данных об уровне смертности в лагерях на Севере Норвегии можно утверждать, что большая часть лагерей на данной территории также относятся ко второму типу. Известно, что положение советских военнопленных на Юге и в центральной части страны было лучше, поэтому есть основания предполагать, что расположенные там лагеря относятся ко второму и третьему типам.

Таким образом, в годы Второй мировой войны Норвегия играла значительную роль в военно-стратегических планах нацистской Германии. Для создания мощного плацдарма Третьего Рейха в Скандинавии инфраструктуру Норвегии было необходимо расширить и усовершенствовать. Данная задача, по плану нацистского командования, должна была быть выполнена, в том числе, и силами советских пленных.

Узники из СССР общей численностью около 100 800 человек содержались в лагерях и различных профильных спецбатальонах. Сравнивая положение советских военнопленных в Германии и Норвегии, можно проследить некоторую специфику положения узников на территории последней. Во-первых, на положение советских пленных в Норвегии влияние оказывали погодно-климатические условия, во многом обусловившие высокий уровень смертности – около 40 % в северных провинциях.

Условия содержания узников в лагерях были немногим лучше, чем в Германии, где зачастую военнопленные жили под открытым небом, в антисанитарных условиях, ставших причиной массовых эпидемий дизентерии и сыпного тифа. При схожих продовольственных нормах, которые были мизерными в обеих сравниваемых странах, обеспечить снабжение продуктами 100 тысяч пленных в Норвегии было гораздо более легкой задачей, нежели приблизительно 5 миллионов

узников в Германии. Более того, помощь норвежцев советским военнопленным сыграла не последнюю роль в выживании последних.

Важным фактором, влиявшим на положение военнопленных в лагерях, является обращение охраны с узниками. В Германии этот фактор, учитывая изощренные издевательства и массовые расстрелы пленных, наряду с голодом и эпидемиями, имел основополагающее значение. Вместе с тем, в Норвегии обращение нацистов с военнопленными не стало одной из основных причин смертности среди узников, хотя, конечно, статьи Женевской конвенции 1929 г. «Об обращении с военнопленными» ими также нарушались.

Жертвами нацизма в Норвегии стали около 14 000 советских пленных, из которых около 75 % умерли на севере страны. Вместе с тем, показатель смертности среди военнопленных в самой Германии, по расчетам К. Штрайта, составил около 57,8 %.¹⁸¹ Однако, если учесть этот же показатель среди захваченных в плен английских и американских солдат, составивший лишь 3,5 %, ¹⁸² то можно утверждать, что при обращении с советскими военнопленными в Норвегии нацисты, не соблюдая нормы международного гуманитарного права, также руководствовались принципами национал-социалистической идеологии.¹⁸³

1.3 Использование труда советских военнопленных в Норвегии

Основной целью, которой руководствовалось немецкое командование, направляя советских военнопленных в Норвегию, являлось использование подневольного труда военнопленных в интересах Вермахта.

Государственный комиссариат Норвегии во главе с генералом И. Тербовеном являлся органом, который нес ответственность за использование труда военнопленных на территории страны. В Отделе техники и транспорта Государственного комиссариата (Abteilung Technik und Verkehr) под руководством доктора Клейна разрабатывались планы, обрабатывалась информация о направлениях, масштабах и итогах работы пленных на разных строительных объектах. Отчасти схожие функции также исполняла немецкая «Организация Тотта». Первоначально, в 1940 г., отделом планировалось использование труда военнопленных только на строительстве железной дороги в Северной Норвегии и шоссейной дороги между Осло и Ставангером. Однако с началом войны с СССР количество военнопленных увеличилось, и появилась возможность расширить сферу использования труда пленных в Норвегии.

В условиях войны для Третьего Рейха в Норвегии особое значение имели два строительных объекта: Северная железная дорога – «Нордландсбанен», по которой должна была осуществляться транспортировка металлов (в первую очередь, никеля) для немецкой экономики, и военно-морская база в Трондхейме – важная точка сдерживания морских сил союзников по антигитлеровской коалиции.

В сообщении Министерства труда к Высшему командованию Вермахта в Берлине выделялись основные профессии, представители которых были необ-

ходимы для поддержания экономики Рейха: горнорабочие, рабочие по металлу, строители, столяры, работники транспорта и даже сапожники.¹⁸⁴ Военнопленные этих профессий были востребованы и в Норвегии. Строительство береговых укреплений, шоссейных и железных дорог, добыча полезных ископаемых, работа в портах являлись основными сферами занятости советских военнопленных в Норвегии (табл. 9).

Таблица 9

**Привлечение советских военнопленных на работы
в оккупированной Норвегии¹⁸⁵**

Направление деятельности	Количество военнопленных на:				Всего привлечено по направлениям
	01.02.1942 г.	01.04.1942 г.	01.05.1942 г.	01.06.1942 г.	
Строительство дорог: а) Расширение дорог	2 100 (8 лагерей)	4 500 (18 лагерей)		13 000 (52 лагеря)	19 600 (78 лагерей)
б) Подготовка дорог к зиме				14 500 (58 лагерей)	14 500 (58 лагерей)
Алюминиевая промышленность		2 000 (8 лагерей)			2 000 (8 лагерей)
Ж/Д строительство			20 000 (80 лагерей)		20 000 (80 лагерей)
Всего привлечено по месяцам	2 100 (8 лагерей)	6 500 (26 лагерей)	20 000 (80 лагерей)	27 500 (110 лагерей)	56 100 (225 лагерей)

Согласно данным таблицы 9, за первое полугодие 1942 г. немецким командованием в Норвегии было привлечено на работы 56 100 советских военнопленных. Самой значимой отраслью стало строительство железнодорожных магистралей и автодорог, так необходимых германскому командованию для мобильной переброски войск и грузов в условиях войны. В этом же сообщении прилагался список по востребованным профессиям в различных отраслях промышленности и на транспорте. К примеру, на строительство дорог было необходимо 10 % плотников, 5 % рабочих по цементу, 5 % слесарей, 20 % каменщиков бутового камня, 20 % каменщиков и 40 % землекопов.¹⁸⁶ В алюминиевую промышленность требовалось 60 % землекопов, 10 % плотников, 20 % каменщиков, 10 % разнорабочих; на строительстве железных дорог планировалось задействовать 25 % каменщиков, 10 % плотников, 5 % слесарей и 20 % каменщиков бутового камня.¹⁸⁷

Выводы «Комиссии» также подтверждают данные немецкого командования в Норвегии. Ею установлено, что основными отраслями, где применялся труд военнопленных и гражданских лиц из СССР, являлись строительство военных сооружений (полевых и береговых укреплений, аэродромов, военно-морских баз). Пленные были заняты на строительстве промышленных предприятий и непосредственной работой на них, а также на дорожных работах. Помимо этого, они были привлечены на работы для нужд немецких войск, которые включали строительство барачных, наземных и подземных складов, выполнение погрузочно-разгрузочных и транспортных работ.¹⁸⁸

В протоколе «Комиссии» отмечалось, что «советские люди привлекались для выполнения самых трудных работ. При этом работа, как правило, выполнялась вручную, без применения технических средств».¹⁸⁹ Что касается продолжительности рабочего дня для военнопленных, то она была ненормированной и везде разной. В разных лагерях длительность рабочего дня колебалась от 10 до 14 часов, т.е. в среднем 12 часов в день. Вместе с тем, бывший пленный К. Середицев вспоминает: «Сегодня мы начали работать ночью (с 7 вечера до 5 утра). Обычно работаем по 8 часов. Мы работаем на укрепление острова. Они строят бетонные бункеры. 10 часов работы в деревянных башмаках и такая еда – это просто убийство».¹⁹⁰

Дорожное строительство в Норвегии стало приоритетным направлением применения труда советских военнопленных. Строительством новых дорог, ремонтом, улучшением и расширением старых, очисткой дорог от снега, строительством железных дорог и подъездных путей к базам и складам занимались пленные в рабочих и строительных батальонах. Так, только на 1942 г. насчитывалось одиннадцать крупных дорожно-строительных объектов, где работали военнопленные (табл. 10).

Таблица 10

Количество советских военнопленных, занятых в дорожном строительстве в конце 1941-1942 гг.¹⁹¹

Строительные дорожные объекты	Декабрь 1941-март 1942 г.	Апрель-май 1942 г.	Июнь-октябрь 1942 г.
Фьотланд – Тонштад (расширение шоссе Осло – Ставангер)	400	400	200
Осло – Ставангер (100 км нового дорожного полотна)	500	1 500	5 000
Штейнкьер-Рисса	500	1 000	2 000
Рейхштрассе 50 (вдоль Эльсфьорда)	300	500	1 000

Вьорнфельд (шоссе к Нарвику)	200	600	2 000
Скиботн – финская граница	200	200	400
Рейхсштрассе 50 (вдоль Квасангенфьорда)	200	400	400
Карашок – финская граница	500	500	500
Свэнвик-Гренцефос	200	400	1 000
Рогнан – Лангсет (вдоль Салтдалсфьорда)	500	1 000	2 500
Расширение Рейхсштрассе 50		500	5 000
Всего	3 500	7 000	20 000

Данные таблицы демонстрируют увеличение числа советских военнопленных, занятых в дорожном строительстве. Их количество возросло меньше чем за год в 6 раз, с 3 500 до 20 000 человек. Наибольшее количество советских военнопленных было занято на строительстве автобана Осло – Ставангер и расширении дороги Рейхсштрассе 50. Это является свидетельством того, что германское командование в Норвегии действовало четко в соответствии с поставленными при оккупации Норвегии задачами – превратить страну в важнейший стратегический плацдарм, предполагающий возможность максимально мобильной переброски войск в условиях войны.

Одним из важнейших объектов строительства стала железная дорога «Нордландсбанен», связывавшая Киркенес и Му в Ране. По ней осуществлялась транспортировка металлов, добытых в недрах Северной Норвегии, и все военные перевозки. Кроме того, эту дорогу можно было использовать в случае переброски немецких войск в северные районы для нападения на Советский Союз, так как именно там находился узел границ северных стран.

«Организация Тодта», соперничая с Рейхскомиссариатом Норвегии, сумела получить выгодный заказ и право на строительство «Нордландсбанен». Поэтому с 1942 г. именно эта организация отвечала за выполнение строительных работ на данном объекте.

Железную дорогу «Нордландсбанен» условно можно разделить на два участка: северный и южный. Оба они находились в провинции Нурлани. На северном участке строительства от Фауске до Драг (около 130 км) располагалось 23 рабочих лагеря, в которых находилось 9 361 советских пленных (см. приложение 4).

На южном участке «Нордландсбанен» Фауске – Му также располагалось несколько десятков лагерей, военнопленные из которых работали на строительстве данного объекта. В распоряжении «Комиссии» оказались сведения о количестве советских военнопленных, занятых на строительстве южного участка дороги, составлявшее к маю 1945 г. 11 071 человек, что почти в два раза больше, чем в 1943 г. (см. приложение 5).

Всего, таким образом, на строительстве «Нордландсбанен» к началу 1945 г. было занято 20 432 советских военнопленных из 67 рабочих лагерей, что составляло около 26 % всех советских пленных в Норвегии. Известно, что в этом районе была и самая высокая смертность среди узников. Потому, можно предположить, что условия труда военнопленных, занятых на строительстве «Нордландсбанен», были крайне тяжелыми. Не случайно, историк-публицист О. Стуртейг назвал ее «Дорогой на крови».¹⁹²

Таким образом, руководство лагерной системы нацистской Германии, призванное, помимо прочего, управлять использованием труда пленных Третьего Рейха, достаточно успешно выполняло задачи, поставленные перед ним в период оккупации Скандинавии. Основной сферой применения труда советских военнопленных стало строительство линии береговых укреплений, аэродромов, железных и шоссейных дорог, военно-морских баз. В меньшей степени военнопленные были заняты на строительстве промышленных предприятий и непосредственной работой на них.

Вторая мировая война – война тотальная, война на истребление. Сознывая это, ее участники стремились заранее обеспечить восполнение ресурсов и, в первую очередь, людских. В Советском Союзе на эти цели в преддверии Великой Отечественной войны была направлена кампания «Женщины – на производство!», увеличивалась трудовая неделя, создавались фабрично-заводские и ремесленные училища. Впрочем, и система ГУЛАГа была призвана обеспечить дешевой рабочей силой, прежде всего, стройки «оборонного комплекса».

В Германии для подобного воспроизводства в 1938 г. была создана специализированная полувойсковая «Организация Тодта» (далее «Организация»), находящаяся в подчинении Министерства вооружения и военного имущества. До поражения нацистов под Москвой «Организация» вполне справлялась с обеспечением рабсилой военного производства Рейха. Срыв «блицкрига», поставивший нацистское руководство перед угрозой затяжной войны, колоссальные потери фашистов на Восточном фронте вызвали необходимость скорейшего изыскания новых путей восполнения трудовых ресурсов империи.

В начале 1942 г., после гибели генерал-майора Ф. Тодта, «Организацию» возглавил А. Шпеер. «Организация» по-прежнему находилась в прямом подчинении Министерства вооружения и военного имущества. Здесь же, в Министерстве, располагался и ее главный офис (Hauptzentrale). «Организация» имела полувойсковой характер: будучи вспомогательной военной организацией, ее члены являлись военнослужащими частей легкой пехоты, но не принимали участия в сражениях и не имели специальной военной подготовки. Иногда они выполняли функцию охраны на занятых нацистами территориях. Незначительную часть сотрудников составляли войска СС. В разных странах на оккупированных территориях «Организация» создавала свои филиалы, так называемые «строительные предприятия».

До начала Второй мировой войны «Организация» использовала труд исключительно немецких рабочих. Службу, носившую добровольный характер, проходили в течение одного года. Но с началом войны большинство немцев было призвано в ряды Вермахта, и руководство Германии пришло к выводу, что использование труда иностранных граждан должно стать неотъемлемой частью немецкой военной машины. Военнопленные, гражданские лица, равно как и население стран – саттелитов нацистской Германии стали основным источником рабочей силы. К

августу 1941 г. немецкие рабочие составляли лишь пятую часть от общего числа и, как правило, занимали должности бригадиров.¹⁹³ Они носили специальную униформу, которая позволяла отличать их от иностранных рабочих. Свастика на левом рукаве и узкая черная повязка с надписью «Org. Todt» говорили о немецкой принадлежности владельца. Иностранные рабочие носили гражданскую одежду и серую повязку на рукаве с номером группы или подразделения, к которым они относились. Рабочие, как правило, содержались в специальных лагерях, находившихся за линией фронта, и делились на группы по 25-30 человек, каждую из которых возглавлял бригадир. Для доставки рабочих в разные уголки Европы и обеспечения транспортной связи с Германией «Организация» пользовалась услугами двух крупнейших транспортных компаний: автокорпуса «Националсоциалистический Крафтфаркорпус» («Nationalsozialistisches Kraftfahrkorps» N.S.K.K.) и морской транспортной компании «Транспортфлоттэ Шпеер» («Transportflotte Speer»), занимавшейся доставкой рабочих и строительных материалов для «Организации Тодта».¹⁹⁴

Компания «Транспортфлоттэ Шпеер» состояла из 10 000 человек, в основном, норвежских моряков, обучавшихся в Саннефьерде в специальной «Шпеер-школе» («Speer-Schule»). Помимо норвежцев, на работы в компанию привлекались советские военнопленные и добровольцы из числа пленных других национальностей. Вместе они образовывали специальную группу «Легион Шпеера» («Legion Speer»)¹⁹⁵

В 1940-1942 гг. деятельность «Организации» была направлена на строительство, береговых укреплений, бункеров для подводных лодок и аэродромов на территории Западной Европы. В оккупированных странах были созданы подгруппы (Einsatzgruppen – EG) «Организации», которые находились в управлении Главного офиса в Берлине (Hauptzentrale). В 1942 г. «Организация» насчитывала семь таких подгрупп: четыре – на Восточном фронте, остальные в Скандинавии, Западной Европе и на Балканах. К 1944 г. их количество увеличилось до двенадцати.¹⁹⁶

Весной-летом 1940 г. в Норвегии появились первые специалисты «Организации», которые определили основные направления работ «Второй немецкой армии». Исходя из предстоявшего объема работ, было выделено 30 000 иностранцев и 6 000 немцев. Им предстояло продолжить восстановление и строительство новых мостов, дорог и железнодорожных магистралей, построить линию укреплений на стратегически важных направлениях.

Изначально «Организация Тодта» в Норвегии была представлена одним штабом, расположенным на окраине Осло. Но уже в августе 1942 г. была проведена реорганизация. Решением Главного офиса в Берлине была образована так называемая «Оперативная группа «Викинг» (Einsatzgruppe Wiking), включавшая в сферу своей деятельности территорию Норвегии и Дании. Командующим группы был назначен Вили Хенне, его заместителями – главный инженер Фичтингер и старший инспектор Янсен.¹⁹⁷

«Викинг» состоял из 8-9 отделов (Hauptreferate), отвечавших за разные направления деятельности «Организации Тодта».¹⁹⁸ Один из отделов (Arbeitereinsatz) занимался охраной норвежских и других иностранных рабочих, занятых на строительстве немецких объектов на территории Норвегии и Дании. Его возглавляли гауптtrupфюрер Краузе иtrupфюрер Лафонтейн. Другой отдел «Организации Тодта» в Норвегии отвечал за пропагандистскую деятельность. Его основной за-

дачей являлся контроль над периодическими печатными изданиями, радиоэфиром и фильмами, которые смотрели, читали и слушали иностранные и немецкие рабочие. Отдел пропаганды возглавляли обергруппенфюреры Гентер и Хартэнг. Один из отделов отвечал за связь с Вермахтом и находился в постоянном контакте с официальным Берлином. Начальником отдела был назначен генерал Реден. В состав этого отдела входила так называемая «Группа защиты» (Schutzkommando) под командованием оберштурмфюрера Мейера. Она обеспечивала охрану складов и дело, принадлежавших «Организации».

«Организация Тотта» находилась в тесном сотрудничестве с рейхскомиссариатом Норвегии. В результате, весной 1942 г. сотрудники «Организации» возглавили Главный отдел техники и транспорта комиссариата (Hauptabteilung Technik und Verkehr), основными задачами которого являлись строительство береговых укреплений, дорог и мостов. При этом отдел стремился подчинить себе и норвежские ведомства, отвечавшие за эту деятельность, в частности, Администрацию норвежских дорог (Veivesen). В свою очередь, норвежская администрация не желала сотрудничать с нацистами и по возможности уходила от контактов с ними.

Главный офис «Организации» имел представительства практически в каждой норвежской провинции. На территории Норвегии группа «Викинг» была представлена тремя боевыми частями (Einsatze): «Полярдэрих» («Polardereich») на Крайнем Севере с центром в Лаксельве, «Норд-Норвеген» («Nord-Norwegen») в северной части Норвегии с центром в Нарвике и «Миттель-Норвеген» («Mittel-Norwegen») в средней Норвегии с центром в Трондхейме. В свою очередь, каждая из боевых частей делилась на главные строительные участки (Oberbauleitungen – O.B.L.) во главе со строительным управлением (Bauleitungen). В Фауске, Бергене, Тенсберге и Кристиансанде располагались отдельные строительные участки, которые не были включены ни в одну из боевых частей (схема 3). Нередко «Организация» сотрудничала с датскими и норвежскими строительными фирмами. В отчетах наиболее часто упоминаются «Вэйес унд Фрейтаг» («Weyes & Freytag»), «А/С Конструкши» («A/S Konstruktion») и более известная и одна из крупнейших фирм «А/С Циклоп» («A/S Cyklop»), поглотившая многие французские, польские, чешские и бельгийские фирмы. «А/С Циклоп» находилась в тесном контакте с Главным офисом в Берлине и получала от нее оборудование и специалистов.¹⁹⁹

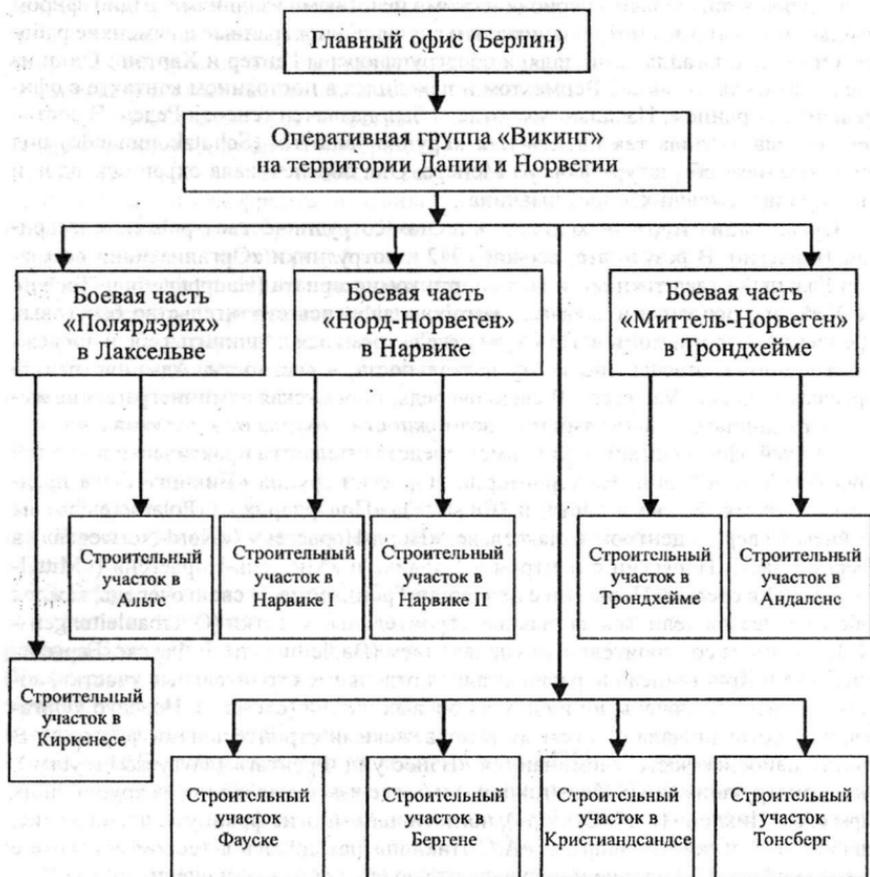

Схема 3
Структура «Организации Тотта» в Норвегии ²⁰⁰

По сообщениям Норвежского информбюро, в июле 1942 г. «Организация» развернула бурную деятельность на территории Норвегии, активно привлекая на работу местное население, военнопленных и остарбайтеров из разных стран. ²⁰¹ Количество рабочих, занятых на строительстве немецких укреплений, железных дорог и аэродромов, составляло приблизительно около 100 000 человек. Однако документальные отчеты «Организации» свидетельствуют о том, что число рабочих и служащих было гораздо меньше, около 30 000 человек, включая иностранцев. Возможно, что «Организация» неофициально привлекала на работы местное население в связи с крайней нехваткой рабочих рук. Сообщалось, что правительство Квислинга было готово создать искусственные условия безработицы в стране, чтобы удовлетворить требования нацистов в получении рабочей силы. В сообще-

нии также было указано на факт привлечения на работы военнопленных Рейха, большую часть которых составляли советские и польские военнопленные.²⁰²

После визита в 1942 г. в Норвегию генерала Листа были разработаны «Приказы» («Weisungen»), вобравшие в себя все основные директивы для немецкого Верховного командования в Норвегии. В них особо подчеркивалось значение железной дороги «Нордландсбанен», необходимости укрепления береговой линии и строительства «государственной» дороги от Порсангер-фьорда до Карашока.²⁰³

В своих отчетах «Группа Викинг» ежеквартально проводила обзор количества служащих и рабочих на предприятиях в Норвегии. Так, по состоянию на 23 июня 1944 г. в «Организации» работали 27 937 человек, в том числе 13 846 военнопленных, 883 немца, остальные — гражданские рабочие из Норвегии и Дании.²⁰⁴ Наибольшее число рабочих было занято на строительстве железных дорог (23 743 человека), на строительстве автомобильных дорог (2 026 человек), на строительстве различных зданий и укреплений (2 849 человек).²⁰⁵ Следовательно, одной из основных целей «Организации» в Норвегии являлось строительство железной дороги в северной части страны.

На 1 апреля 1945 г. «Организация» имела в Норвегии пять лагерей: лагерь в Бергене, где содержались 1 635 военнопленных, являлся частью шталага № 303 в Лиллехамере. Остальные четыре лагеря «Организации» находились в ведении шталага № 330 в Нарвике: лагерь в Богене, лагерь в Рамсунде, лагерь в Люнгседе и в Дьупвике.²⁰⁶ Помимо военнопленных в «рабочей армии» использовался труд гражданского населения, пригнанного в Норвегию из разных стран, в основном, советских и польских граждан.²⁰⁷

13 мая 1942 г. Альберт Шпеер получил приказ Гитлера, в котором были изложены основные планы Германии в отношении экономического использования Норвегии.²⁰⁸ В нем отмечалось, что наряду с другими строительными объектами, приоритетным направлением являлось строительство «Нордландсбанен» — железной дороги, соединяющей города Киркенес и Му. Последнюю предполагалось использовать как транзитный центр для войсковых частей Вермахта. В отчетах союзных войск по деятельности «Организации» в Норвегии четко прослеживается постоянное увеличение числа рабочих, занятых в этом районе: в январе 1943 г. их насчитывалось всего 200 человек, уже к сентябрю того же года — 600, а в дальнейшем их число возросло до 6 000 человек.²⁰⁹ Впервые сотрудники «Организации» появились в районе Киркенеса в июне 1942 г. для набора строителей дороги Карлаботн — Полмак — Карашок.²⁰¹ Немцы понимали необходимость надежных транспортных путей сообщения в стране с суровым климатом и горным ландшафтом, где одной из сложнейших задач являлось сохранение дорог в рабочем состоянии в зимнее время.

Еще до начала войны на Восточном фронте 7 марта 1941 г. Государственный комиссариат Норвегии разработал документ по вопросу применения труда военнопленных «Организацией Тодта» в Норвегии.²¹¹ В первую очередь, их планировалось направить на срочные строительные объекты, на лесные и плотничьи работы в Западной Норвегии. По сообщениям «Группы Викинг» в Норвегии к началу 1944 г. в распоряжении «Организации» находилось 47 200 военнопленных,

из них 33 000 советских солдат и офицеров, 5 000 из которых были доставлены в страну еще в период с 1941 по 1942 гг.²¹²

Основные области применения труда советских военнопленных «Организацией» целесообразнее представить по территориальному принципу.

Северная Норвегия стала главной «строительной площадкой» «Организации». Там было сосредоточено наибольшее количество трудовых ресурсов. Помимо основного строительного объекта в Северной Норвегии – железной дороги «Нордландсбанен», в соответствии с рабочим планом (Arbeitereinsatzprogramm) на 1943-1944 гг., разработанным специалистами группы «Викинг», в Киркенесе для строительства подвесной канатной дороги Ярфьорд планировалось увеличить число советских военнопленных на 1 500 человек и дополнительно использовать 500 человек. Таким образом, к уже занятым там на строительстве укреплений 4 000 советских военнопленных предполагалось подключить еще 2 000 человек.

В Нарвике и Андалснесе к концу 1943 г. находился трудовой резерв для использования свободных рабочих на северном участке строительства «Нордландсбанен». В Нарвике военнопленные работали в портах и на разгрузке судов, прибывших из Швеции. В Бергене в строительной программе предполагалось использование 2 900 советских военнопленных.²¹³ Строительство аэродромов в Киркенесе и вблизи Лаксельва также входило в перечень работ советских военнопленных в Северной Норвегии.

В Трондхейме, начиная с осени 1942 г., были развернуты полномасштабные работы на базе подводных лодок в местечке Нахавна, которая через некоторое время была разоблечена союзными войсками. Немецкая фирма «Загер Фернер» (Sager Woerner) получила этот заказ, и, помимо норвежцев, активно использовала на работах и советских военнопленных.²¹⁴

Западная Норвегия («Вестландет») была включена в сферу деятельности «Организации» от Алесунда до Ставангера. Советские военнопленные практически не направлялись в эти районы и использовались лишь в прибрежной зоне вокруг Ставангера. Там возводилась так называемая «Китайская стена» от местечка Ватнэ на юг вдоль побережья. Точное число советских военнопленных, находившихся на этих работах, неизвестно, но в отчете союзных войск о деятельности «Организации» отмечалось, что осенью 1942 г. из Германии в данный район были направлены 500 конвоиров для сопровождения норвежских и иностранных граждан, в том числе, советских военнопленных. Если учесть, что на десять пленных приходился один вооруженный охранник, то можно предположить, что в район Ватнэ было направлено около 5 000 подневольных рабочих. Строительство данного объекта было закончено к декабрю 1942 г.²¹⁵

Известно, что одним из важнейших немецких объектов в Западной Норвегии являлся аэродром в городе Сола. На его строительстве и расчистке от снега и наледи в зимнее время были также заняты советские военнопленные.

В Южной Норвегии («Серландет») находилось несколько важных строительных объектов, где применялся труд советских военнопленных. В местечке Мевик был размещен заказ крупной немецкой фирмы «Кламнт» («Klammt»), которая должна была обеспечить размещение там дальнобойной батареи: возвести бара-

ки, построить огневые позиции и бункеры.²¹⁶

В сорока километрах к северо-востоку от Осло находился немецкий аэродром «Гардемоен», который был построен и обслуживался советскими военнопленными.

В докладе союзных войск о деятельности «Организации» в Восточной Норвегии информации о применении советских военнопленных не содержалось, но было установлено, что в восточной части страны они все же находились в неустановленном количестве. Очевидно, что не выделяя в докладе какие-то строительные объекты, где были заняты советские военнопленные, представители союзных войск имели в виду, что они использовались на различных вспомогательных работах.

Все советские пленные, находившиеся в компетенции «Организации» перевезены из г. Штеттин в Германии на грузовых и транспортных судах в Норвегию в разные пункты назначения (табл. 11).

Таблица 11

Количество советских военнопленных, дата отправки их из Германии (г. Штеттин) и основные сферы применения их труда²¹⁷

№	Количество советских военнопленных	Место применения	Сфера применения	Убыли из г. Штеттин (Германия)	Судно
1	1 000	Нарвик	Строительство укреплений	11.10.1942 г.	Мозро
2	1 000	Трондхейм	Строительство укреплений	11.10.1942 г.	Дретч-дьюк
3	1 000	Нарвик	Строительство укреплений	17.10.1942 г.	Молтко-фелс
4	1 000	Кристиансанд	Строительство укреплений	17.10.1942 г.	Остланд
5	1 000	Берген	Строительство укреплений	21.10.1942 г.	Донау
6	500	Киркенес	Строительство укреплений	5.11.1942 г. (прибытие 3.02.1943) г.	Урунди
	500	Киркенес	Строительство шоссейных дорог		

7	1 000	Му – Фауске	Ж/Д строительство	5.01.1943 г.	Нейден- фельс
8	1 000	Нарвик	Строительство укреплений	15.01.1943 г.	Дретч-дьюк
9	500	Фауске – Корнес (Кошнес)	Ж/Д строительство	29.01.1943 г.	Дретч-дьюк
	500	Нарвик	Строительство укреплений		
10	500	Фауске – Корнес	Ж/Д строительство	15.01.1943 г.	Дретч-дьюк
	500	Нарвик	Строительство укреплений	29.01.1943 г.	
11	500	Альта и Нор- дрейса	Строительство укреплений		
	500	?	Строительство шосейных дорог		
12	1 000	Му – Фауске	Ж/Д строительство		
13	500	Буде	Строительство укреплений		
	500	Фауске – Корнес	Ж/Д строительство		
14	500	Берген	Строительство укреплений		
	500	Кристиа – санд	Ж/Д строительство		
15	1 500	Биллефьорд – Лаксельв – Карашок	Строительство шосейных дорог		
16	500	Фауске – Корнес	Ж/Д строительство		
	500	Му – Фауске			
17	500	Берген	Строительство укреплений		
	500	Кристиан- санд			

18	500	Му - Фауске	Ж/Д строительство		
	500	Фауске - Кор- снес			
19	1 000	Биллефьорд - Лаксельв - Карашок	Строительство шоссейных дорог		
20	500	Му - Фауске Фауске	Ж/Д строительство		
	500	- Корснес			
21	350	Биллефьорд - Лаксельв - Карашок	Строительство шоссейных дорог		
	350	Нордрейса			
	350	Нарвик			
22	1 500	Трондхейм	Строительство укреплений		

Данные таблицы позволяют сделать несколько выводов о деятельности «Организации» в Норвегии. Во-первых, за период 1943-1944 гг. «Организацией» было привлечено на работы 23 050 советских военнопленных. Из них 12 000 человек были заняты на строительстве укреплений, 4 050 человек - на строительстве шоссейных дорог, около 7 000 пленных возводили железную дорогу «Нордландсбаанен». Такая статистика свидетельствует о том, что и «Организация», и Комендант военнопленных в Норвегии действовали в рамках поставленных перед ними Верховным командованием важнейших стратегических задач в данном регионе.

Однако до 1943 г. количество военнопленных, имевшихся в ведении «Организации», было относительно небольшим. Резкое увеличение числа пленных в распоряжении «Организации» можно связать с двумя основными причинами: во-первых, с конца 1942 г. резко увеличился поток советских солдат и офицеров, взятых в плен и доставленных в Норвегию. Во-вторых, в 1942 г. «Организация» получила заказ на строительство ряда крупных объектов и возглавила Главный отдел техники и транспорта (Hauptabteilung Technik und Verkehr), перешедший из компетенции Государственного комиссариата в подчинение «Организации». Увеличение резерва бесплатной рабочей силы было необходимым условием для реализации грандиозных строительных планов в Норвегии, которые, по мнению Гитлера, должны были сыграть крайне важную роль при ведении войны как на Западе, так и на Востоке СССР.

**Численность советских военнопленных на строительных участках
в Норвегии в период с июля 1943 г. по апрель 1944 г.²¹⁸**

Строительный участок	Июль 1943	Август 1943	Сент. 1943	Окт. 1943	Нояб. 1943	Дек. 1944	Янв. 1944	Фев. 1944	Март 1944	Апр. 1944
Киркенес	2 872	2 851	2 834	2 806	3 267	3 240	3 195	3 195	2 970	3 255
Альта	2 956	3 942	3 901	3 885	3 834	2 762	1 448	872	932	932
Нарвик 2								290	763	
Нарвик 1	2 651	2 708	3 067	3 787	3 776	3 774	3 760	3 615	3 434	2 974
Нарвик 2	283	468	1 451	1 975	1 965	1 961	1 961	1 955	1 950	1 947
Фауске	1 224	1 162	1 422	3 525	3 457	3 450	3 543	3 534	3 566	3 570
«Нордландсбанен»	3 350	4 850	4 850	5 205	5 217	5 902	7 004	7 504	7 562	7 507
Му в Ране	392	388	460	460	473	458	458	458		
Буде	458	458	355	359						
Трондхейм	935	1 336	1 378	1 214	1 217	1 415	1 376	966	1 033	1 114
Берген	1 906	1 860	1 874	1 851	2 164	2 831	2 843	2 834	2 812	2 835
Кристиансанд	1 898	1 866	1 816	1 720	1 818	1 860	2 078	1 940	1 892	1 881
Андальснес	327	639	534	701	699	721	721	721	724	724
Всего:	19 252	22 528	23 942	27 588	27 887	28 373	28 387	27 594	27 165	27 509

Так, за десять месяцев количество советских военнопленных, находившихся в ведении «Организации», увеличилось на 8 257 человек. Этот показатель демонстрирует большой размах строительной деятельности «Организации» в Норвегии и широкое использование труда советских военнопленных. Данные таблицы максимально наглядно отражают увеличение числа пленных, занятых на работах в Нарвике, Фауске, Бергене и на строительстве «Нордландсбанен». О большом значении этих объектов говорится и в «Соображениях о политических и административных мероприятиях при оккупации Норвегии, Дании, Швеции».²¹⁹

Документы «Организации» свидетельствуют о том, что основной рабочей силой являлись военнопленные и «восточные рабочие», большую часть которых составляли советские граждане. В одном из отчетов «Организации» указывалось, что на 1943 г. в ней числилось 8 600 немцев (не считая штат «Организации» 4 800

человек), 5 200 иностранцев, 14 500 норвежцев и 31 300 военнопленных разных стран.²²⁰ По сути, «Организация» стала неотъемлемым и важнейшим элементом универсально механизма пополнения трудовых ресурсов для немецкой экономики.

Сравнивая основные отрасли применения труда советских военнопленных в Норвегии и Германии, можно сделать следующие выводы. Так как нацистская экономика несла определенные затраты при транспортировке пленных из Германии в Норвегию и создании сети лагерей на территории последней, то каждый узник должен был «отработать» немецкие деньги своим трудом. Все прибывавшие в Норвегию советские военнопленные и «восточные рабочие» из СССР направлялись на конкретные строительные объекты.

Существовали и различия в сферах применения труда военнопленных. В Германии это были, преимущественно, горнодобывающая, металлургическая и военная отрасли. Отличительной особенностью применения труда пленных в Третьем Рейхе стало их широкое привлечение в сельское хозяйство и на частные предприятия. Их владельцы, как правило, были заинтересованы в результатах труда узников, поэтому зачастую прибегали к различным «позитивным методам» их стимуляции.²²¹ В Норвегии также известны случаи использования советских военнопленных частными немецкими фирмами.

Стараясь преобразовать саму природу человека, создавая из него покорного раба, тоталитарная система нацистской Германии, наряду с идеологическими установками, рассматривала многомиллионную армию советских пленных как неиссякаемый источник бесплатной рабочей силы. Норвегия занимала в стратегических и военных планах руководства Третьего Рейха особое место: строительство немецких военных баз должно было усилить позиции Германии на Скандинавском полуострове, использование природных ресурсов — поддержать немецкую экономику. Для реализации поставленных нацистами задач им требовалась в Норвегии дешевая рабочая сила. Именно в этом качестве на Скандинавском полуострове появились советские военнопленные (91 800 человек) и остарбайтеры (около 9 000 человек). Так же, как и на оккупированных территориях Европы, в Норвегии действовала универсальная система управления лагерями для военнопленных, которая, однако, имела некоторые особенности: нацистская лагерная система в этой стране была приспособлена к использованию узников на определенных видах работ, откуда и появление профильных лагерей и батальонов для военнопленных. Здесь основными сферами применения их труда стали строительство железных и автомобильных дорог, военно-морских баз, возведение береговых укреплений.

Положение советских военнопленных в нацистских лагерях Норвегии также имело некоторую специфику, выразившуюся во влиянии погодных-климатических условий, в помощи местного населения военнопленным и менее жестоком, по сравнению с Германией, обращении с ними немецких охранников.

Жертвами нацистского режима в Норвегии стали около 14 000 советских граждан, то есть около 14,5 % их общего числа. Принимая во внимание высокую смертность среди военнопленных в самой Германии (около 57 %), можно пред-

положить, что в Норвегии, где отсутствовали «лагеря смерти», военнопленные использовались, в первую очередь, в качестве даровой рабсилы. Свидетельством тому служат сравнительно невысокие показатели смертности среди пленных в центральной и южной частях Норвегии, и крайне высокая смертность (около 40 %) на севере страны, где находились основные строительные объекты Рейха в Норвегии.

Глава 2.

Репатриация советских военнопленных из Норвегии

2.1. Репатриация военнопленных в международном законодательстве

После капитуляции фашистской Германии в мае 1945 г., советское правительство было вынуждено решать проблему возвращения в СССР миллионов бывших военнопленных и гражданских лиц, угнанных из страны в годы Второй мировой войны. В ведомстве уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, возглавляемом генерал-полковником Ф.И. Голиковым, было установлено, что к концу войны количество советских граждан, оказавшихся за границей, составило около 5 миллионов человек, 1,7 миллионов из которых были советскими военнопленными.²²²

В международном гуманитарном праве проблема возвращения захваченных в плен граждан рассматривалась уже с начала XX века. Наиболее детально этот вопрос был освещен в Женевской конвенции 1929 г. «Об обращении с военнопленными». Руководствуясь гуманным отношением к узникам, подписанты конвенции предполагали создать особые условия для пленных с плохим состоянием здоровья или калек, учредить смешанные медицинские комиссии, обеспечить репатриантов предметами первой необходимости, питанием и т.д.²²³ СССР, отказавшийся подписывать Женевскую конвенцию 1929 г., фактически оказывался за рамками установленных конвенцией правил. И это крайне беспокоило союзников по антигитлеровской коалиции, которые опасались за положение своих военнослужащих, оказавшихся в плену и освобожденных советскими войсками. На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. был рассмотрен вопрос репатриации военнопленных и гражданских лиц. Целью переговоров между британской, американской и советской сторонами стало заключение соглашения относительно

мероприятий по защите, содержанию и репатриации военнопленных и граждан Великобритании, США и СССР. Инициатива подписания такого соглашения принадлежала главе американской военной миссии Дж. Дину. Подписанием договора англо-американцы желали обеспечить возвращение своих пленных из Восточной Европы. Сначала речь шла исключительно о военнопленных, так как на территории Германии и оккупированных ею стран практически не было американских и британских гражданских лиц.²²⁴ Однако советская сторона преследовала иные цели: для нее было важно вернуть в СССР всех советских граждан. «Соглашение относительно военнопленных и гражданских лиц, освобожденных войсками, находящимися под Советским Командованием, и войсками, находящимися под Британским Командованием» было подписано А. Иденом с британской стороны и В.М. Молотовым с стороны СССР²²⁵. Идентичное соглашение было заключено между представителем США генералом Д. Дином и советским представителем генерал-лейтенантом А.А. Грызловым. Ялтинский договор был секретным, его содержание не было обнародовано ни в западной, ни в советской печати.

В соответствии с первой статьей данного «Соглашения», «все советские граждане, освобожденные союзными войсками, должны были незамедлительно после их освобождения отделяться от вражеских военнопленных и содержаться отдельно от них в лагерях или сборных пунктах до момента передачи их советским властям».²²⁶ Таким образом, договор, составленный советской стороной, полностью удовлетворял интересам и целям руководства СССР. В свою очередь, союзники подписали договор в надежде на то, что он свяжет Советский Союз формальным обязательством и обеспечит быстрое возвращение англо-американских пленных, освобожденных советскими войсками.

Почему же союзники проявили уступчивость на Ялтинской конференции и пошли на поводу у советской стороны? Одной из причин тому послужило наступление немецкой армии в Арденнах зимой 1945 г. В то время основной сдерживающей силой на европейском театре войны являлись советские войска. Красная армия, начав досрочное наступление по всем фронтам, спасла союзников от военной катастрофы в Арденнах.

В соответствии с «Соглашением», компетентные союзные власти обязались снабжать освобожденных граждан соответствующим питанием, одеждой, жилищем и обеспечивать медицинское обслуживание как в лагерях, так и на пути следования.²²⁷ Освобожденные советские граждане могли быть использованы для управления и поддержания порядка в лагерях и на работах в районах дислокации лагерей. При этом на все виды работ граждане СССР привлекались лишь на добровольных началах. За свой труд, по договоренности с властями, они могли получать жалование.²²⁸ Такие меры должны были обеспечить сносное существование советских военнопленных и гражданских лиц с момента освобождения и до передачи в руки советских властей.

Помимо Ялтинского, 23 мая 1945 г. между союзными и советскими властями было заключено Лейпцигское соглашение. Фактически в нем были закреплены основные требования советской стороны о «репатриации до последнего человека», «всех без исключения» и «в самое короткое время».²²⁹ В первую очередь,

пункты соглашения касались репатриации советских граждан с территории Германии и Австрии, где создавались транзитные пункты, через которые с конца мая должны были пропускаться в советскую зону до 50 тысяч человек ежедневно.

Итак, советское правительство настаивало на возвращении всех советских граждан в СССР. Мог ли Советский Союз поступить иначе и прислушаться к волеизъявлениям тех, кто себя советским человеком не считал и желал остаться на Западе? Конечно, нет. И на это имелся ряд веских оснований. Во-первых, ни одно государство в мире не стало бы «разбрасываться» своими гражданами, так как последние являются основным ресурсом развития любой страны. Людские потери СССР в войне были колоссальными, а для восстановления народного хозяйства требовались миллионы рабочих рук. Во-вторых, пойти на некоторые уступки, возможно, могли демократические государства, но не тоталитарный режим, где «фактор страха» был основой в формировании общественных настроений. Интересно, что этот «фактор» играл решающую роль не только для тех, кто укрывался от репатриации, но и для тех, кто ей подвергался. Для полноценного функционирования механизмов советской тоталитарной системы были созданы специальные учреждения – проверочно-фильтрационные пункты (ПФП) – то место, где террору мог быть подвержен невинный, а предатель мог вернуться домой.

С другой стороны, взяв инициативу составления текста Ялтинского соглашения, Советский Союз воспользовался возможностью вернуть в страну не только военнопленных и остарбайтеров, но и власовцев, эмигрантов, казаков и другие группы населения, не признававшие социалистического строя. Однако, несмотря на действия советского правительства и спецслужб, по данным западных исследователей, в СССР не вернулись 529 000 человек: около 40 000 русских, 150 000 украинцев, 15 000 белорусов, 100 000 латвийцев, 65 000 литовцев, 55 000 эстонцев и 104 000 представителей других национальностей.²³⁰

Для координации действий в отношении союзных военнопленных Командованием союзных войск был подготовлен «Меморандум об эвакуации военнопленных из Германии и оккупированных территорий» («Memorandum on the evacuation of prisoners of war from Great Germany»). В составе Союзных экспедиционных сил был сформирован исполнительный орган – Управление по делам военнопленных (The Prisoners of War Executive Branch (PWX) при Первой дивизии (G – 1 Division). Основной задачей Управления являлась подготовка и реализация плана по репатриации военнопленных, захваченных в плен нацистской Германией в годы Второй мировой войны.²³¹ В документе регламентировалась система соподчинения органов союзных войск, отвечающих за репатриацию военнопленных и гражданских лиц (см. приложение 6).

Штабом Верховного командования союзных экспедиционных сил (Supreme Headquarters Allied Expeditionary Force – SHAEF) планировалось транслировать специальные инструкции на английском, французском, польском, датском, югославском, норвежском и немецком языках в определенный день, обозначенный в документе как день «А», от которого отсчитывалось еще шесть дней до начала вступления в действие указаний, данных в инструкции. Этот временной промежуток был необходим для ознакомления с инструкцией во всех концах оккупиро-

ванной Европы. В документе приводились приказы, в соответствии с которыми все военнопленные должны были оставаться в лагерях и быть готовыми к приему связных офицеров.²³²

Помимо инструкций, в Управлении по делам военнопленных были изданы «Приказы для лагерей военнопленных», опубликованные на английском, французском и немецком языках. «Приказы» должны были быть доставлены в каждый лагерь, где содержались военнопленные. В этом документе начальник лагеря получал установки для управления лагерем в различных ситуациях.²³³

Представители Управления по делам военнопленных при штаб-квартире по прибытию на оккупированные территории, в первую очередь, предпринимали ряд действий по получению сведений от Немецкого Верховного командования о расположении лагерей для военнопленных, о количестве и национальной принадлежности узников.

В распоряжение каждого отряда связи Управления по делам военнопленных предоставлялись карты области, в которую они направлялись. Представитель отряда устанавливал контакт с властями области для проведения совместной замены охраны лагерей. Исключая охрану лагеря, весь немецкий персонал продолжал свою работу в лагере под союзным командованием. Представители связных отрядов также проводили эвакуацию оборудования и имущества лагеря, которые не являлись жизненно необходимыми, и осуществляли дезинфекцию лагерных помещений.²³⁴

На следующем этапе эвакуации в дело вступали связные офицеры, представители США и Великобритании, которые были обязаны посетить каждый лагерь для военнопленных. Они сопровождались представителями союзных наций (за исключением американцев и англичан, представленных в ранге связных офицеров), которые становились ответственными за материальные ценности тех групп военнопленных, с которыми они являлись согражданами. Так, например, советские представители от союзных наций были ответственными за имущество советских военнопленных, содержащихся в том или ином лагере.²³⁵ Перед посещением лагеря каждый связной офицер уже имел основные сведения о том лагере, в который он был направлен: о количестве военнопленных, их национальной принадлежности, о наличии рабочих лагерей и госпиталей.

Отделом по делам военнопленных на каждые две тысячи заключенных выделялся один медицинский работник. В условиях крайней нехватки врачей они перемещались из лагеря в лагерь. Ими проводилась дезинфекция и лечение военнопленных.²³⁶ В лагере каждый военнопленный вне зависимости от национальности получал денежное пособие, которым мог распоряжаться по собственному усмотрению.

Штабом Верховного командования союзных экспедиционных сил предполагалось создание Секции передвижений (Movement Section). Она должна была располагаться в Германии и заниматься разработкой маршрутов для эвакуации военнопленных и гражданских лиц. Сотрудники данной организации регистрировали каждого пленного и снабжали его так называемой «идентификационной картой», которая фактически являлась основным документом в период репат-

риации. В «Меморандуме» также отмечалось, что репатриация военнопленных должна была осуществиться «в кратчайшие сроки».²³⁷

Таким образом, еще до капитуляции нацистской Германии союзниками по антигитлеровской коалиции на основании положений Женевской конвенции 1929 г. «Об обращении с военнопленными» были разработаны нормативные документы, обеспечивавшие репатриацию военнопленных и гражданских лиц. Союзниками по антигитлеровской коалиции была создана разветвленная система по подготовке и репатриации всех категорий пленных Третьего Рейха. Все элементы системы (Управление по делам военнопленных, отряды связи и отряды при сборных лагерях), выполняя свои функции, обеспечивали эффективную работу всего механизма. В результате, уже к 1 марта 1946 г. в СССР было возвращено 4 199 488 советских граждан.²³⁸

2.2. Процесс репатриации из Норвегии:

этапы и итоги

Одним из основных источников, позволяющих осветить период подготовки и проведения репатриации бывших пленных из Норвегии, стали фонды личного архива Л. Крейберга, хранящиеся в Государственном архиве в Осло. Лейв Крейберг родился в Бергене в 1896 г. в семье врачей. Закончив медицинский факультет университета в Осло в 1921 г., работал в госпитале. Через некоторое время Л. Крейберг по долгу службы уехал в США, оттуда переехал в Канаду, а затем в Исландию. В 1942 г. он был вызван в Лондон и направлен в Арденны для оказания медицинской помощи раненым. Там Крейберг написал свою работу «24 часов рабочий день», посвященную способам лечения раненых. Эта книга стала настольным пособием для военных врачей Европы. В начале мая 1945 г. в составе Экспедиционного корпуса он вернулся в Норвегию, а 11-го числа того же месяца командующим регионом Северная Норвегия О. Мюнте-Каасом Л. Крейберг был назначен ответственным за репатриацию в «суб-зоне» Тромсе.²³⁹ Помимо переписки Л. Крейберга с союзными и норвежскими властями, фонды содержат поименные списки советских военнопленных, находившихся в «суб-зоне» Тромсе.

Планы подготовки к репатриации из Норвегии разрабатывались союзниками совместно с норвежскими властями задолго до капитуляции Германии. В мае 1944 г. в Лондоне данный вопрос обсуждался на совместном заседании комитета, созданного для осуществления репатриации иностранных граждан из Норвегии (далее «Комитет по репатриации»). Норвежская сторона была представлена отделом «Е», входившим в состав Министерства обороны. Одной из проблем, обсуждаемой на заседании, была проблема статуса иностранных военнопленных и гражданских лиц, пригнанных на территорию страны немцами. Официальный Осло заявил, что разница между этими двумя категориями граждан «не совсем определенная».²⁴⁰ Многие военнопленные привлекались на работы без фиксации трудовых нарядов и фактически попадали в разряд гражданских лиц. С другой стороны, многие оstarбайтеры размещались в лагерях для военнопленных, ока-

зываясь в одинаковых с ними условиях.

С момента освобождения и до завершения процесса репатриации, ответственность за обе категории иностранных граждан несли норвежские власти и Экспедиционный корпус союзных войск. На заседании было принято решение о необходимости обеспечить репатриантов продуктами питания, одеждой, медикаментами, создать приемлемые условия содержания.²⁴¹ Отмечалось, что в быстрой репатриации заинтересованы все стороны.

Согласно достигнутым на встрече договоренностям, все категории иностранных граждан после освобождения должны были оставаться в тех же лагерях, в которых они содержались ранее. Отмечалась «нежелательной» смена их места пребывания или свободного перемещения по территории провинции из соображений безопасности, сохранения стабильной санитарной обстановки в стране и т.д. Кроме того, планировалось принять ряд мер по улучшению условий содержания граждан государств-членов антигитлеровской коалиции, чтобы «указанные лица чувствовали, что освобождение Норвегии означает для них решительное изменение их участи в лучшую сторону».²⁴²

Запрет на бесконтрольное перемещение бывших узников лагерей после освобождения предопределил некоторые детали, связанные с их содержанием. Во-первых, сносились ранее окружавшие лагерь заборы из колючей проволоки. Во-вторых, особое значение придавалось снятию информационной блокады, имевшей место в лагерях при нацистах: бывшие военнопленные и гражданские лица могли получать сведения из прессы и по радио, вести переписку с родными.

«Комитет по репатриации» не оставил без внимания вопрос о крайнем перенаселении лагерей и нехватке предметов первой необходимости.²⁴³ В связи с этим было принято решение по улучшению продовольственного снабжения, обеспечения медикаментами и оборудованием. Под «оборудованием», в первую очередь, подразумевались инструменты и необходимые материалы, получив которые, узники лагерей смогли бы самостоятельно улучшить условия проживания.

Примечательно, что не меньшее значение придавалось и моральному состоянию пленных. В состав Экспедиционного корпуса включались русские, польские и югославские связные офицеры, которые быстрее смогли бы урегулировать ряд трудностей и оказать моральную и психологическую помощь своим соотечественникам. Более того, члены «Комитета» планировали предложить бывшим узникам добровольное трудоустройство на период подготовки репатриации, занимавший несколько недель или даже месяцев. В основном они приглашались на восстановительные работы. Оплату труда предполагалось производить в полном размере в соответствии с норвежским трудовым законодательством.²⁴⁴

Ключевым на заседании «Комитета» стал вопрос осуществления репатриации иностранных граждан с территории Норвегии. Ответственными за репатриацию по-прежнему оставались норвежские власти и войска Экспедиционного корпуса союзных сил. По их мнению, репатриация должна была включать мероприятия по регистрации, санитарному контролю, обеспечению продовольствием, одеждой и т.д. При этом отдельно оговаривалось, что передача союзникам транспортных судов для перевозки бывших пленных вовсе не означала, что все расходы,

связанные с эксплуатацией судов, будут покрыты норвежской стороной. Члены «Комитета» с уверенностью рассчитывали на готовность советской стороны предоставить суда соответствующего тоннажа для транспортировки советских граждан на родину.²⁴⁵ Однако, как выяснилось позднее, советское правительство не изыскало возможности для реализации этого пункта плана.

Уже на первом заседании «Комитета» в мае 1944 г. было предложено разработать помимо морского, дополнительный маршрут репатриации, предполагавший использование железнодорожного сообщения через Швецию. Отмечалось, что необходимо учитывать месторасположение лагерей: одни находятся рядом с местами отправки, другие удалены от портов и железнодорожных станций. Это обстоятельство требовало создания системы сборных лагерей.²⁴⁶

Тогда же членами «Комитета» обсуждался и экономический аспект. Норвежская сторона неоднократно заявляла о том, что покрывать все расходы по репатриации иностранных граждан из страны не планировалось, и сколько составит «экономическая помощь зависит от ряда различных факторов, и этот вопрос следует решать в ходе международных переговоров».²⁴⁷ Следует отметить, что эта проблема станет камнем преткновения не только в советско-норвежских отношениях, но и в отношениях СССР с Швецией после транзита через территорию последней эшелонов с советскими репатриантами.

Решением «Комитета» был определен норвежский орган, наряду с Экспедиционным корпусом отвечавший за репатриацию иностранцев из Норвегии – Министерство социального развития (Sosialdepartamentet). Существовавшее ранее и осуществлявшее социальную политику норвежского государства, отныне оно занималось решением задач по возвращению бывших узников нацистских лагерей на родину. Это демонстрирует высокую степень ответственности норвежского правительства при выполнении поставленной перед ним задачи: используя все ресурсы, Министерство могло максимально эффективно и в короткий срок реализовать намеченный план. Более того, Министерство социального развития уже имело определенный опыт в подобного рода деятельности, занимаясь репатриацией беженцев, находившихся в Швеции, и лиц, прибывавших на территории стран-союзниц. Сотрудники Министерства плотно взаимодействовали с представителями Министерств юстиции, снабжения, иностранных дел, обороны и судохозяйства, решая вопросы, находившиеся в компетенции перечисленных ведомств.

15 мая 1945 г. при Министерстве социального развития было создано центральное управление по репатриации, получившее название R-конторы (Rikskontoret), возглавленное Д. Жуэлем. Деятельность Министерства социального развития по проведению репатриации в провинциях в основном должна была осуществляться через местные власти. В связи с этим, последним были даны следующие указания:

1. После освобождения области от нацистов губернатор каждой провинции надеялся расширенными административными функциями;
2. Председатель каждой коммуны нес ответственность за освобожденных иностранных граждан;
3. В каждой коммуне председатель имел право назначить ответственное лицо или уполномоченный совет для решения практических вопросов репатриантов.²⁴⁸

Предполагалось, что впоследствии, когда удастся взять ситуацию под контроль без помощи местных властей, станет возможным передать решение административных вопросов в ведение непосредственно Министерства. Однако местные власти продолжали оставаться основным звеном в цепочке управления лагерями для репатриантов, включая сборные лагеря, до полного завершения репатриации.

Таким образом, уже в 1944 г. союзниками по антигитлеровской коалиции и норвежскими властями были разработаны положения, определявшие основные направления в деятельности по репатриации иностранных граждан из Норвегии. Все положения базировались на соблюдении статей Женевской конвенции 1929 г. «Об обращении с военнопленными». В основу мероприятий по осуществлению репатриации также легли пункты «Меморандума об эвакуации военнопленных из Германии и оккупированных территорий». Именно по закрепленной в нем схеме осуществлялось руководство и контроль над процессом репатриации.

Все советские граждане, подлежавшие репатриации в СССР, были поделены на четыре категории: военнопленные, оstarбайтеры, «власовцы» и женщины с детьми.²⁴⁹ Для каждой из категорий предполагалось создание отдельных сборных лагерей.

Для удобства и наиболее эффективного управления подготовкой к репатриации в разных частях страны создавались специальные «Зоны» — территориально-административные единицы во главе с командующим. «Зоны», в свою очередь, делились на «суб-зоны», находившиеся в управлении R-конторы.

Всего на территории Норвегии находилось пять «зон» с центрами в Тромсе, Трондхейме, Осло, Бергене и Ставангере. Интересно отметить, что в компетенцию командующих «зон» входил контроль не только над лагерями, но и госпиталями, где находились на лечении бывшие узники нацистских лагерей. Так, например, выглядела схема взаимодействия в рамках «зоны» Тромсе (схема 4).²⁵⁰

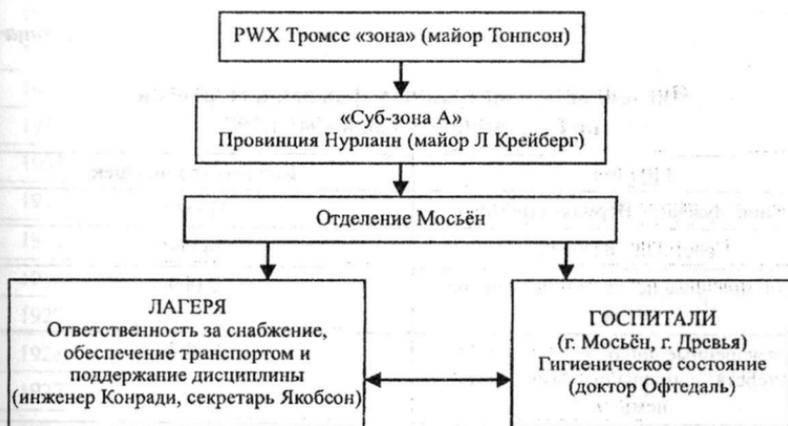

Схема 4

Ответственность «Суб-зоны А» (ведомство майора Л. Крейберга)

Начальник управления для бывших союзных военнопленных в «суб-зоне» Нурлани («зона» Тромсе) майор Л. Крейберг в Директиве 1 отмечал, что «наши конторы находятся в разных областях» и тесно взаимодействуют друг с другом.²⁵¹ В сферу ответственности начальников управлений для бывших военнопленных входили следующие обязанности: организовать лагеря с новой администрацией, учредить в них самоуправление, обеспечить запас продовольствия на 30 суток, наблюдать за здоровьем пленных и обеспечивать их безопасность.²⁵²

Помимо советских военнопленных и остарбайтеров в годы войны на территории Норвегии находились военнопленные других государств, военнослужащие Вермахта, «спорные лица», немецкие граждане и «перемещенные лица». Особую группу составляли завербованные Вермахтом граждане других государств. Так, на территории Норвегии находилось несколько лагерей, где содержались так называемые «власовцы».²⁵³ В районе Салтдала располагалось три лагеря для «власовцев»: в лагере Потхус находилось 712 человек, в Бренне – 117, в Сандбю – 510.²⁵⁴ Более того, известно о двух лагерях «власовцев», дислоцированных в районе Буде с общей численностью 563 человека. Нередко сторонники генерала Власова содержались и в лагерях для военнопленных. Иногда их выявление приводило к трагическим событиям. Так, в лагере Лилле-Альменнинген в начале мая узниками того же лагеря за поддержку власовского движения было убито пять человек.²⁵⁵ Всего, по подсчетам Крейберга, на вверенной ему территории, где находилось около 28 000 пленных, во «власовских» лагерях содержалось около 2 200 человек.²⁵⁶ Таким образом, численность завербованных Вермахтом советских граждан в Норвегии составляла около 8 %. В отношении других «зон» сведения не сохранились, однако нижеследующие данные свидетельствуют о многочисленности этой группы, представленной гражданами разных государств в Норвегии. Соотношение вышеперечисленных групп лиц отражено в таблице 13.

Таблица 13

**Численность иностранных граждан в Норвегии
по состоянию на 9 мая 1945 г.²⁵⁷**

Группы	Количество человек
Военнослужащие Вермахта (немцы)	314 000
Советские граждане	84 000
Военнопленные нерусской национальности	2 000
«Перемещенные лица», учтенные в Министерстве социального развития (не немцы)	11 000
«Спорные лица»	1 500
Немецкие граждане	10 000
Военнослужащие Вермахта (не немцы)	31 000

Таким образом, советские военнопленные и оstarбайтеры являлись крупнейшей по численности группой (не считая самих оккупантов) иностранных граждан в Норвегии, поэтому их репатриация требовала наиболее тщательной подготовки.

Сотрудниками Государственного архива Норвегии была проведена колоссальная работа по сбору и обработке статистических данных по возрасту и национальной принадлежности бывших советских пленных. В итоге, стало возможным установить демографическую ситуацию среди советских репатриантов накануне их возвращения на родину.

Таблица 14

Статистические данные по возрасту советских пленных в Норвегии²⁵⁸

Год рождения	Количество человек	Год рождения	Количество человек	Год рождения	Количество человек
1945	48	1919	3 438	1893	183
1944	68	1918	3 557	1892	129
1943	4	1917	2 146	1891	83
1942	5	1916	2 268	1890	53
1941	14	1915	2 866	1889	28
1940	12	1914	3 536	1888	24
1939	21	1913	3 379	1887	24
1938	31	1912	3 621	1886	13
1937	22	1911	3 298	1885	12
1936	16	1910	3 344	1884	8
1935	15	1909	2 834	1883	12
1934	19	1908	2 731	1882	8
1933	23	1907	2 705	1881	3
1932	32	1906	2 521	1800	11
1931	30	1905	2 312	1879	1
1930	45	1904	1 859	1878	7
1929	64	1903	1 813	1877	1
1928	120	1902	1 679	1876	1
1927	346	1901	1 257	1875	4
1926	642	1900	1 400	1872	2
1925	81	1899	905	1871	1
1924	51	1898	905	1870	1

1923	456	1897	727	1867	1
1922	2 918	1896	92	1862	1
1921	4 231	1895	381	1860	1
1920	3 366	1894	238		

Итак, из данных таблицы видно, что в Норвегии в годы войны находилось 360 детей в возрасте до 14 лет, из них в младенческом возрасте (до года) более 100 детей. Это свидетельствует о том, что, вероятнее всего, они родились в Норвегии от пленных или местных жителей. Пленных старше 60 лет насчитывалось 65 человек, самому пожилому из которых в год Победы исполнилось 85 лет. Подобная демографическая картина, надо полагать, отражает общее положение для всех нацистских лагерей для военнопленных и гражданских лиц.

Еще одна статистическая таблица призвана осветить национальный состав военнопленных. Советские пленные в Норвегии были представлены 17 национальностями.

Таблица 15

Статистические данные по национальному составу бывших советских пленных в Норвегии ²⁵⁹

Национальность	Количество человек	Национальность	Количество человек
Русские	37 650	Чуваши	238
Украинцы	16 600	Узбеки	217
Белорусы	3 335	Литовцы	ок. 160
Татары	863	Азербайджанцы	ок. 130
Казахи	401	Башкиры	74
Грузины	353	Удмурты	71
Мордовцы	314	Калмыки	ок. 70
Армяне	285	Евреи	58
Осетины	41	Марийцы	52
Немцы	35		

Очевидно, что учтены не все бывшие советские военнопленные и гражданские лица (72,5 % от общего числа репатриированных советских граждан), что, скорее всего, связано с недостатком информации по национальной принадлежности пленных в материалах союзных войск.²⁶⁰ Однако восстановить общую картину по дан-

ным сведениям автору представляется возможным. Очевидно, что подавляющее число советских пленных в Норвегии составляли русские, украинцы и белорусы.

В ходе репатриации особое место занимала проблема советских «спорных лиц» («disputed persons») – эстонцев, латышей, литовцев, западных белорусов, западных украинцев, поляков из Западной Белоруссии и Украины, жителей Бессарабии и Карпат – граждан тех территорий, которые были присоединены к СССР после 1 сентября 1939 г. Это, в первую очередь, было связано с тем, что союзники не признавали данные земли за Советским Союзом как территории, приобретенные в ходе войны. В соответствии с ранее достигнутыми соглашениями, представители всех перечисленных национальностей, за исключением западных поляков, находились в компетенции Советской репатриационной комиссии. Создавались отдельные сборные лагеря для «спорных лиц», посещать которые советские связные офицеры могли лишь в сопровождении союзников.²⁶¹

В Норвегии были выделены две группы «спорных лиц»: советские «спорные лица» и «спорные лица – граждане других государств». Если за первую категорию репатриантов отвечала советская сторона, то вторая категория находилась в ведении норвежских властей. На обе группы «спорных» лиц связные офицеры заводили отдельные «идентификационные карты». Кроме того, связные офицеры, в сопровождении представителей советской стороны, посещали лагерь «спорных лиц» и отбирали желающих получить советское гражданство и убыть в СССР. Одновременно производилась проверка на предмет укрывания в таких лагерях советских граждан. В случае их обнаружения, они немедленно отправлялись в сборные лагеря для советских граждан.²⁶²

При составлении списков репатриантов члены «Комиссии по репатриации» вынуждены были решать и весьма деликатную проблему: что делать с теми, кто отказался признать себя советскими гражданами. Ведь в Ялтинском соглашении речь шла только о «советских гражданах», и вопроса о насильственном возвращении тех, кто себя таковыми не считал, не рассматривался. Сначала проверку проводили советские представители, однако позднее она стала осуществляться совместно с представителями союзных властей, так как имели место частые случаи давления на репатриантов. Интересен тот факт, что во многих документах британского МИДа часто употребляется понятие «русский», «русский военнопленный». Такая формулировка могла относиться в категорию подлежавших репатриации не только советских граждан, но и русских эмигрантов, не имевших советского гражданства. Поэтому НКВД в своей переписке с союзниками настаивал на максимально корректных и точных формулировках при обозначении статуса лиц.

Во избежание ошибок при записи, советский представитель фиксировал имя, фамилию и место проживания репатрианта. В случае если респондент заявлял, что его дом находится за пределами СССР в границах по состоянию на 1 сентября 1939 г., то советский представитель задавал ему вопрос, не желает ли он вернуться на родину? В случае положительного ответа человек подлежал репатриации, при отрицательном ответе он попадал в категорию «спорных лиц» и направлялся

в соответствующий сборный лагерь.²⁶³ Так, один из членов «Комиссии по репатриации» с британской стороны вспоминал: «В четверг мы с генералом Ратовым занимались вопросом о гражданстве лиц, внесенных в список. После восьми часов напряженной работы мы решили 50 дел... Большинство опрошенных были прибалты и поляки, а так же один молдаванин. Остальные признали себя советскими гражданами... Из тех, кто назывался польскими гражданами, подавляющее большинство настаивало на своих утверждениях, и они были оставлены в спорном списке. Но двоих, явно лгавших, перенесли в советский список».²⁶⁴ В августе 1945 г. произошел инцидент, в ходе которого генерал П.Ф. Ратов весьма резко потребовал выдать большое число лиц со спорным гражданством, которых англичане считали поляками. На конференции в Трондхейме он заявил бригадиру Дж. Смиту, что «у русских в руках было полмиллиона английских солдат (бывших военнопленных), и никого из них мы не задерживали под выдуманными предлогами». По его мнению, их следовало задержать как объект товарообмена, и тогда, быть может, английские власти иначе отнеслись бы к советским гражданам».²⁶⁵

Итак, в подготовке и проведении репатриации участвовали три основные силы: норвежские, британские и советские представители. Норвежское правительство было представлено в лице директора R-конторы Д. Джоуля. Союзные силы возглавлялись Штабом Верховного командования союзных экспедиционных сил в лице командующего Шотландскими войсками генерала Э. Торнэ. Уже 2 декабря 1943 г. между норвежскими и союзными властями были начаты переговоры по вопросу совместных действий на территории Норвегии после освобождения страны. По сообщениям «Ивнинг Стандарт» от 6 февраля 1944 г., «переговоры между норвежским правительством, Англией и США о высадке английских и американских войск в Норвегии закончены. Соглашение направлено для подписания генералу Эйзенхауэру».²⁶⁶ Под управлением генерала Э. Торнэ действовали два норвежских корпуса связных офицеров.²⁶⁷ Советские представители прибыли в Норвегию 18 мая 1945 г. Репатриационную комиссию СССР возглавлял генерал-майор П.Ф. Ратов. На этапе подготовки репатриации его основной задачей было установить контакт и наладить сотрудничество с британскими, американскими и норвежскими представителями по вопросам управления лагерями бывших военнопленных, их охраны, снабжения и т.д. Однако дипломатическая переписка между советской и норвежской сторонами велась задолго до прибытия представителей советской России в Норвегию. 2 августа 1944 г. в НКВД СССР поступило сообщение от министра социального обеспечения Норвегии С. Стейстада. В нем он сообщил, что ему поручены контроль, забота и распределение беженцев и «перемещенных лиц». Заверялось, что норвежское правительство планирует ограничить передвижение указанных категорий граждан, зарегистрировать их и обеспечить медицинским обслуживанием. Помимо этого, предполагалось создание центров для приема, охраны и распределения «перемещенных лиц», обеспечения их визами.²⁶⁸

Разделение советских граждан на «перемещенных лиц» и «беженцев» было

характерно для норвежских властей. Однако советская сторона не поддержала эту идею, о чем заявила в ответном письме С. Стейстаду: «Необходима четкая классификация:

- 1) советские военнопленные;
- 2) гражданское советское население;
- 3) советские граждане, мобилизованные в германскую армию;
- 4) советские политические заключенные».²⁶⁹

Именно такая классификация будет применяться в период репатриации.

Известно, что подобного плана работа проводилась правительством Норвегии не только в отношении советских граждан. Министр иностранных дел Норвегии Трюгве Ли 8 сентября 1944 г. сообщил, что необходимо «связаться в Лондоне с правительствами Чехословакии, Голландии и Бельгии, а также с датской миссией для того, чтобы уже на данной стадии добиться сотрудничества в деле планирования соответствующими властями этих стран поездки в Норвегию для оказания помощи и репатриации своих подданных».²⁷⁰

Подготовительный этап репатриации включает период от капитуляции нацистской Германии 9 мая 1945 г. до отправки первого транспорта с советскими репатриантами на родину 13 июня того же года. Основным содержанием данного этапа являются инспекция лагерей бывших военнопленных, подготовка их к репатриации, создание сборных лагерей и создание сети госпиталей.

8 мая 1945 г. были обнародованы инструкции Штаба Верховного командования союзных экспедиционных сил, касавшиеся положения союзных военнопленных и военнослужащих Вермахта. В них указывалось, что «немецкие караульные в лагерях должны быть отстранены, а бывшие военнопленные должны быть обеспечены продуктовым пайком на 30 суток».²⁷¹ Однако 11 мая в 19,20 по местному времени прозвучало радиосообщение, которое в анонсе шло под названием «Обращение союзного командования к русским солдатам в Норвегии». В сообщении говорилось: «Для максимальной защиты ваших интересов и обеспечения вас продуктами питания необходимо, чтобы охранниками оставались немцы до тех пор, пока их не смогут заменить норвежские или союзные военные».²⁷² Это обращение заставило советского посла в Великобритании Ф.Т. Гусева сообщить 29 мая 1945 г. в британский МИД, что необходимо «устранить противоречия с соглашением от 11 февраля 1945 года».²⁷³ Очевидно, что отстранить немецкую администрацию лагерей стало проблематичным из-за неподготовленности к этому норвежских и союзных властей. Так, в ряде северных районов страны лишь к середине июня были расквартированы британские батальоны для проведения репатриации бывших пленных.

В своем интервью газете «Правда» от 6 июня 1945 г. уполномоченный СНК СССР по делам репатриации генерал-полковник Ф.И. Голиков выступил с критикой в отношении проведения союзниками репатриации советских граждан в Норвегии: «Вместо того, чтобы сделать самое элементарное — избавить этих людей (т.е. военнопленных — прим. автора) от террора немецкой вооруженной охраны и

немецкого хозяйничанья, они по-прежнему были оставлены на положении пленников у немцев».²⁷⁴

16 июня 1945 г. из Трондхейма генерал-майору П.Ф. Ратову поступило сообщение от помощника представителя уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан о том, что до сих пор часть советских граждан находится в лагерях, где они охраняются немцами и подвергаются унижениям со стороны нацистов. «Такие люди со слезами на глазах встречают каждое мое посещение, и я прошу добиться через штаб-квартиру союзных войск в Норвегии их немедленного освобождения», — рапортовал помощник П.Ф. Ратова. Вместе с сообщением он направил список немецких гарнизонов в Норвегии, где советские граждане находились под охраной немцев: на полуострове Орландат — 298 человек, в Стурене — 90 человек, в Стенкьере и Ришане — по 70 человек в каждом. В лагерях Левангера в таком положении находилось до 400 человек.²⁷⁵

Известно, что подобные нарушения имели место до окончания репатриации. Так, в письме к генералу Э. Торнэ от 20 августа 1945 г. генерал-майор П.Ф. Ратов, в очередной раз ссылаясь на статьи Ялтинского соглашения, упрекал союзников в нарушении пунктов данного договора, отмечая, что «до сих пор имеют место случаи, когда советские граждане продолжают содержаться в немецких лагерях и нам не передаются...»²⁷⁶

Для подготовки и проведения репатриации иностранных граждан из Норвегии власти страны планировали прибегнуть к внутренней и внешней помощи. С этой целью 9 мая 1945 г. было послано обращение к внутреннему фронту Норвегии в Осло и шведскому Красному Кресту в Стокгольме. Отреагировав на сигнал норвежских властей, через четыре дня после обращения в Буде прибыли сотрудники шведского МИДа во главе с полковником Б. Балченом. Осмотрев несколько лагерей, где содержались бывшие пленные, они телеграфировали в МИД в Стокгольме: «Сегодня побывали в трех лагерях в Фулло. Невыносимое положение: сотни пленных умирают от голода. Как можно быстрее высылайте лекарства, витамины и медперсонал».²⁷⁷

В середине мая 1945 г. норвежские власти обратились к бывшим советским военнопленным и остарбайтерам, находившимся в Северной Норвегии. В обращении представители временного норвежского управления Северной Норвегии пытались предупредить дезорганизацию бывших узников нацистских лагерей, предотвратить своевольное оставление лагеря и пресечь попытки самостоятельного возвращения домой.²⁷⁸ В обращении также перечислялись указания, установленные норвежскими властями для бывших советских военнопленных и остарбайтеров:

- 1) все бывшие пленные должны были оставаться на своих местах;
- 2) в каждом лагере должны были выбрать старшего, которому все обязаны подчиняться;
- 3) в лагерях было необходимым соблюдение порядка и дисциплины;
- 4) продукты питания и товары первой необходимости могли поступать лишь

по определенным каналам (отовариваться в магазине или в ином другом месте запрещалось).²⁷⁹

Подобные обращения официальных властей к бывшим военнопленным проводились в каждом районе Норвегии. Так, недалеко от Буде командующий внутренним фронтом Северной Норвегии майор А. Йохансен в своей речи к бывшим узникам заявил, что «...вы все должны быть отправлены домой в Советский Союз, и все, чем мы можем помочь, будет сделано. И вскоре вы вновь увидите свою большую и красивую страну».²⁸⁰ Эти слова послужили причиной буйного праздника, который русские пленные устроили для норвежцев. Все это закончилось танцами и песнями в честь Сталина. Праздник, оптимистические речи и многое другое – все это отражало атмосферу лета 1945 г.

Когда немецкая администрация лагерей для военнопленных была заменена представителями норвежских и союзных властей, на них легла ответственность за обеспечение бывших пленных питанием и предметами первой необходимости. В личном архиве Л. Крейберга хранятся ведомости о продуктовом снабжении лагерей, находившихся в ответственности «зоны Тромсе».²⁸¹ В них отмечены численность бывших пленных в лагерях и количество предусмотренных для них продуктов питания. Так, например, в лагерь Серфольд, где содержались 373 бывших советских военнопленных, 30 мая было отправлено 1 259 коробок рыбной пасты (паштета),²⁸² 45 кг хлеба, 75 кг маргарина, 19 кг макаронных изделий, 10 кг сухого молока, 25 кг сахара и 20 кг печенья.²⁸³ Прибегнув к математическому методу, можно вычислить норму продуктов на одного человека. В лагере Серфольд она составляла 3 банки рыбного паштета, 120 г хлеба, 200 г маргарина, 50 г макаронных изделий, 25 г сухого молока, 60 г сахара и 50 г печенья. Подсчитав энергетическую ценность данных продуктов, можно предположить, что ежедневно каждый пленный потреблял не менее 2900 калорий, что соответствует нормам питания для человека, не занятого тяжелым физическим трудом.

Если наладить доставку продовольствия удалось уже к концу мая, то положение с одеждой и предметами первой необходимости было достаточно сложным на протяжении всего периода репатриации. В акте, составленном начальником пункта сбора и отправки г. Мосьен майором Есецким 25 июня 1945 г., было отражено количество требующихся вещей для 800 советских репатриантов (табл. 16).

Таблица 16

**Потребность советских репатриантов в одежде
и предметах первой необходимости²⁸⁴**

Наименование	Имеется новых	Имеется старых	Требуется
Шинели	-	400	400
Ботинки или сапоги	-	500	300
Нательное белье	-	600	1000

Гимнастерки	-	-	1600
Зубные щетки	-	-	800
Котелки	-	300	500
Столовые приборы	-	-	800
Кружки	-	100	700

Сведения, приведенные в акте, свидетельствуют не только о нехватке одежды, обуви и полного отсутствия средств личной гигиены в период репатриации, но и демонстрируют положение пленных в лагерях в годы войны. Отсутствие средств гигиены приводило к инфекционным заболеваниям, ослабляя общее состояние организма, что являлось прямой причиной роста смертности, а нехватка теплой одежды и обуви в зимний период становилась причиной обморожения или переохлаждения организма, что также без квалифицированной медицинской помощи вело к летальному исходу.

Одной из основных задач на подготовительном этапе репатриации была инспекция лагерей для всех групп иностранных граждан в Норвегии, оказавшихся на территории страны в годы войны. Инспекция обеспечивала достижение сразу нескольких целей: помимо установления гражданства и национальности репатриантов, проводился осмотр условий жизни бывших пленных, устанавливалось состояние их здоровья. Многие из узников лагерей нуждались в неотложной медицинской помощи и лишь после поправки здоровья могли быть репатриированы на родину.

Инспекция лагерей проходила под контролем начальника «зоны» и осуществлялась комиссией, состоявшей из норвежских, советских и британо-американских представителей. Отчет составлялся по каждому лагерю. Он включал информацию о местонахождении лагеря, количестве содержащихся в нем пленных, численности больных, данные о санитарном состоянии в лагере и т.д. Так, в отчете от 12 мая 1945 г. одного из членов инспекционной комиссии «зоны» Тромсе была сделана следующая запись: «Посетили лагерь в Судегорд. Трудность здесь заключалась в том, что немецкие охранники не предприняли попыток задержать бежавших пленных. Всего около 60 пленных пришли на организованный в 14 часов показ агитационного кинофильма. После совещания с начальником охраны мы пришли к единому мнению, что следует сформировать в лагере норвежскую охрану. Были предприняты меры по переводу из лагеря больных туберкулезом. Кроме того, на склад нами был переправлен месячный запас мяса, чтобы оно не испортилось. В лагере периодически происходят перебои с топливом».²⁸⁵ Данная информация стекалась в штаб зонального командования, помогая контролировать ситуацию в лагерях и организовывать возвращение бывших пленных на родину.

Ситуация в лагерях была разной: если в одном лагере сложностей с доставкой питания, охраной репатриантов и состоянием их здоровья практически не существовало, то в других положение могло кардинально отличаться. Так, в лагере Дундерландс в провинции Нурланн из 477 пленных 330 были больны, из них 40 человек были поражены тяжелой формой туберкулеза и нуждались в немед-

ленной госпитализации. Похожая ситуация сложилась в той же области в лагере Стурволлен: там из 422 советских военнопленных около 300 были больны. В период с 26 марта по 14 мая 1945 г. там умерло около 30 человек.²⁸⁶ Такая ситуация требовала создание сети госпиталей.

С начала мая 1945 г. на территории Норвегии начала быстро разрастаться сеть госпиталей для бывших пленных разных категорий. Инициаторами ее создания являлись как норвежские власти в лице Министерства социального развития, так и Красный Крест. 24 мая 1945 г. во все «зоны» была разослана «Директива о гигиеническом обследовании и медицинском осмотре военнопленных». В ней содержались требования по более тщательному осмотру санитарных условий содержания военнопленных и наличию собственного санитарного врача в каждом лагере. По новым правилам необходимо было провести опрос пленных о прежнем состоянии лагеря, указать сведения о лице, ответственном за санитарно-гигиеническое состояние лагеря в период оккупации.²⁸⁷

В рапорте Л. Крейберга от 13 июня 1945 г. содержались сведения о количестве больных пленных в провинции Нурланн (табл. 17).

Таблица 17

**Численность больных среди бывших пленных
на июнь 1945 г. (провинция Нурланн)²⁸⁸**

Область (город)	Общее количество пленных	Количество больных пленных	Ответственное лицо
Драг	ок. 4 000	2 500-3 000	Х. Сандберг
Серфольд	ок. 6 000	1 000	Г. Каппелен
Фауске	2 300	не указано	А. Эллисен
Будин	ок. 2 000	не указано	Х. Эвьент
Салгдален	ок. 6 000	не указано, но отмечено, что там находилось «большое количество пленных»	С. Фрошта
Му в Ране	ок. 7 000	1500	Х. Вергеланд
Мосьен	ок. 2 000	не указано	Л. Конради

Из таблицы 17 видно, что количество больных пленных в провинции Нурланн накануне репатриации составляло около 30 % от общего числа узников. Причем наибольшее количество больных было в самых удаленных от населенных пунктов лагерях, а также в лагерях, где не хватало медперсонала.

В госпиталях письменный отчет предоставлялся каждую неделю. В нем указывались сведения о поступивших, выздоровевших и умерших пациентах, предоставлялось описание основных методов лечения. Так, в отчете госпиталя в Му

в Ране за период 2-8 июля 1945 г. сообщалось, что «все русские пациенты 2-го и 3-го июля прошли рентгенологическое обследование. Пленка была проявлена в больнице и отправлена доктору Страу на расшифровку... 30 больных были отправлены в госпиталь Древя. Планируется отправить еще 30 больных через день».²⁹⁰ Сведения из отчета демонстрируют достаточно хорошую степень оснащенности медицинским оборудованием, позволяющим провести флюорографическое обследование, очевидно, что и медикаменты также имелись в достаточном количестве. Всего на тот период в госпитале в Му в Ране находилось 418 человек: 285 лежачих больных, и 133 пациента в удовлетворительном состоянии, в принципе, готовых к транспортировке поездом.²⁹¹ О положении в госпитале в Му в Ране вспоминают и служащие медперсонала: «Когда война уже заканчивалась, меня перевели в Шотландию. В Норвегию меня отправили с большим кораблем для транспортировки войск, но все празднества по случаю победы в Норвегии я пропустила. Меня сразу отправили продолжать службу в Му в Ране. Там я должна была работать санитаркой в военном лазарете № 4. Это был немецкий военный госпиталь, предназначенный только для русских военнопленных. Почти все они были изможденными от голода, почти умирали. Многим из них было по 17-18 лет. Они лежали и звали маму. Когда я приходила в госпиталь, я всегда говорила им по-русски: «Здравствуйте. Я всех вас люблю». Тогда больные и истощенные люди были рады, многим казалось, что они дома, в России. Большинство из них были в таком безнадежном состоянии, что вскоре умирали. Я хочу сказать, что те страдания, которые я видела в лазарете № 4 в Му в Ране, были страшнее всего виденного мною в норвежском госпитале в Исландии. Я никогда не забуду этой страшной картины юных умирающих русских военнопленных».²⁹²

К сожалению, точного количества госпиталей для пленных в Норвегии установить не удалось, однако известно, что их было не меньше шести, и все они располагались рядом с пунктами отправки.

Значительную помощь оказывали и шведские власти, поставляя медикаменты, присылая врачей и санитаров и организовав госпиталь в Фауске. В этом районе ослабленных и больных пленных было больше всего, так как в этом районе большинство узников были заняты на строительстве железной дороги «Нордландсбанен». По сведениям Крейберга, в провинции Нурланн нуждавшихся в медицинской помощи узников нацистских лагерей было около 3-4 тысяч человек.²⁹³ Именно здесь и был развернут шведский госпиталь, возглавляемый врачом Улафом Нарвалом. Госпиталь работал в течение двух месяцев с середины мая 1945 г. За этот период в нем прошли лечение 383 бывших пленных. Сам госпиталь располагался в бывшем немецком лазарете, где имелся и отдельно стоявший изолятор для инфекционных больных.²⁹⁴ Штаб из 30 сотрудников шведского Красного Креста круглосуточно вел наблюдение за состоянием здоровья бывших пленных.

10 июня 1945 г. представителями союзных войск и сухопутных сил Норвегии была разработана и введена в действие «Административная инструкция 101».²⁹⁵ Она регламентировала процесс репатриации советских граждан всех категорий из Норвегии. В соответствии с установленной в документе последовательностью, в первую очередь на родину отправлялись освобожденные военнопленные, затем

остарбайтеры (отмеченные в инструкции как «перемещенные лица»), и последними – завербованные Вермахтом советские граждане. Однако принимались во внимание и такие факторы, как удаленность лагеря от места отправки и физическое состояние репатриантов.

В «Административной инструкции 101» были установлены два основных маршрута репатриации в СССР: из портов Северной Норвегии в Мурманск («Северный маршрут») и железнодорожным транспортом через территорию Швеции, а оттуда морем в Финляндию, а затем в Россию («Южный маршрут»).²⁹⁶ Для обоих маршрутов были определены сроки их открытия: «Северный маршрут» должен был начать свою работу не ранее 20 июня, «Южный» – не ранее 13 числа того же месяца.

В соответствии с данной инструкцией создавались транзитные лагеря – сборные пункты репатриантов перед отправкой в СССР. В период нахождения репатрианта в лагере и его посадки на морской или железнодорожный транспорт ответственным за него оставался командующий «зоной». Последний также отвечал за сохранность личного имущества советских граждан и обеспечение их продовольствием не только в транзитных лагерях, но и во время следования. Провизия для бывших пленных поступала из немецких хранилищ, находившихся на территории Норвегии. Союзниками была установлена норма хлеба не менее 600 г на одного человека в день.²⁹⁷

Состоянию здоровья советских граждан уделялось немало внимания. В документе говорилось, что «ни один человек не будет репатриирован, пока он физически не будет к этому готов».²⁹⁸ Во избежание эпидемий и инфекционных заболеваний проводилась дезинфекция личных вещей и одежды. Тех же, кто был болен и не мог быть отправлен вместе с остальными, оставляли в госпиталях до полного выздоровления (это, в первую очередь, касалось инфекционных больных и больных, страдающих венерическими заболеваниями). На каждом транспорте, перевозившем репатриантов, дежурил штат медиков из восьми человек.

Необходимо отметить, что союзники, рассматривая Швецию как один из основных пунктов репатриации советских граждан из Норвегии, вступили с ней в официальные переговоры лишь в начале мая 1945 г. Генерал Э. Торне в письме обратился к шведскому правительству с просьбой оказать помощь в репатриации бывших военнопленных и перемещенных лиц из Норвегии. 17 мая 1945 г. была достигнута официальная договоренность об открытии «Южного маршрута» перевозки репатриантов через территорию Швеции.

Шведское правительство создало специальную комиссию из пяти человек, усилиями которых были определены пути транспортировки бывших военнопленных. Представителем шведской стороны по вопросам репатриации советских граждан из Норвегии был назначен майор фон Хорн.

Этап непосредственной транспортировки бывших военнопленных и гражданских лиц в СССР начался с 13 июня 1945 г., когда первый транспорт с бывшими узниками нацистских лагерей был отправлен из Норвегии, и продолжался до конца декабря 1945 г., – времени официального завершения репатриации из Норвегии.

Из двух предусмотренных «Административной инструкцией 101» маршрутов

репатриации советских граждан из Норвегии «Южный маршрут» был одобрен советской и британской сторонами первым – 10 июня 1945 г.

10 июня 1945 г. между представителем СССР и представителем Верховного командования союзных войск было подписано «Соглашение о транзите советских граждан из Норвегии через Швецию», основанное на решениях Ялтинской конференции февраля 1945 г.²⁹⁹ «Соглашение» состояло из 10 статей и предусматривало разработку плана отправки бывших пленных, освобожденных союзными силами в Норвегии. Авторами проекта «Соглашения» были посредник между советской военной миссией и британским министерством обороны полковник Р. Файербрейс (Firebrace) и советский генерал П.Ф. Ратов.

По соглашению о транзите советских граждан из Норвегии через Швецию их транспортировка предполагалась по следующим трем железнодорожным линиям: порт Нарвик (Норвегия) – порт Лулео (Швеция), порт Трондхейм (Норвегия) – порт Сундсвалль (Швеция), порт Осло (Норвегия) – порт Евле (Швеция).³⁰⁰ Такой маршрут работал на период с 13 по 26 июня 1945 г. По трем из вышеуказанных линий каждый день отправлялся один эшелон по 800 человек каждый. Таким образом, в данный период из Норвегии железной дорогой через Швецию всего было отправлено около 33 600 человек, что составило почти 40 % от общего числа репатриантов.

Далее, в соответствии с «Соглашением», начиная с 27-го июня, шведская сторона осуществляла отправку по два эшелона ежедневно со станций в Нарвике и Осло и по одному эшелону в день со станции Трондхейм.³⁰¹ Таким образом, темпы отправки репатриантов в СССР к началу июля возросли практически вдвое. Очевидно, что причиной этому послужили отлаженные за первые недели отправки действия властей и представителей Верховного командования союзных войск. Кроме того, в документе отмечалось, что в случае, если в том или ином направлении после прекращения подачи эшелонов снова возникнет необходимость в железнодорожных перевозках, советская сторона имеет право потребовать у шведских властей необходимое число эшелонов, предупредив об этом шведскую сторону за семь дней.³⁰² Здесь уместно упомянуть об одном инциденте, произошедшем накануне отправки первого эшелона с репатриантами. Английский майор А. Николс, сопровождавший репатриантов, был удивлен отказом советских властей от предложения шведов перевозить советских солдат в вагонах 3-го класса, а офицеров – вагонами 2-го класса. «Советские власти настояли на вагонах для скота, поскольку в СССР нет других средств для их перевозки».³⁰³

Отдельно рассматривался вопрос о транспортировке больных репатриантов. Шведская сторона обязалась предоставить санитарный эшелон на 214 лежачих больных с необходимым количеством медицинского персонала. С каждой из станций погрузки в Норвегии эти поезда выходили не одновременно на всех линиях, а с разницей в день. Так шведские власти принимали эшелоны с больными не в один и тот же день, что позволяло иметь больше времени для высадки репатриантов и оказания им необходимой медицинской помощи.

Советские граждане, подлежащие репатриации «Южным маршрутом», находились в разных районах страны. Наибольшее количество советских граждан сосредоточилось в северных провинциях (табл. 18).

Численность советских репатриантов из городов и провинций Норвегии, репатрированных «Южным маршрутом»³⁰⁴

Провинции (города)	Количество советских репатриантов
Тромсе	3 399
Бардусфосе	520
Бейсфьорд	325
Нарвик	25 652
Санбю	502
Рогнан	6
Му в Ране	218
Муен	595
Мельхус	14 682
Трондхейм	1 280

Вопрос обеспечения бывших военнопленных продовольствием также был рассмотрен союзным руководством. По шведско-английскому соглашению продовольствие доставлялось шведской стороной на норвежские станции погрузки, но оплачивалось англичанами. В приложении 7 указаны нормы питания советских граждан в период транспортировки по железной дороге из Норвегии в Швецию.

Суточная продовольственная норма советских репатриантов во время проезда советских репатриантов железнодорожным транспортом составляла 300 г сухарей, 300 г хлеба, 160 г масла и сыра, 75 г колбасы, 40 г сахара и 8 г чая.³⁰⁵ Если вышеуказанные продуктовые нормы перевести в энергетическую ценность, то ежесуточно репатрианты потребляли минимум 2100 ккал, что вполне соответствовало норме.

Однако такое положение с продовольствием продолжалось до момента передачи репатриантов в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ), находившиеся в ведении советских властей. Сведений о положении в них репатриантов из Норвегии в архивах обнаружено не было, однако можно предположить, что в той или иной мере ситуация была схожая с другими ПФЛ, расположенными в странах Западной Европы. Там репатрианты были поставлены в исключительно тяжелое положение.

В сентябре 1945 г. заместитель наркома госбезопасности Б. Кобулов передал генералу Ф.И. Голикову выдержки из писем репатриантов. Один из них писал домой: «... Я нахожусь на сборном пункте. Здесь очень много беременных женщин и с детьми. Люди сидят по пять месяцев и их не отправляют, мучают и больше ничего. Хлеб черный, сырой, суп, старая картошка три раза в день и все. Умирают люди, очень много детей умирает». (8 августа 1945 г., Дружинина). Еще одно сви-

детельство плохого питания репатриантов в ПФЛ: «...Живем очень плохо, питание ужасное, дают хлеба триста граммов в день, натуральное тесто, горячая пища три раза в день – полтора литра супа наполовину с червями, с сушеной брюквой и красной капустой...» (13 августа 1945 г., Н. Геллах).³⁰⁶ Объяснить такое положение советских граждан в ПФЛ можно тем, в конце войны продовольственная ситуация по всей стране была достаточно сложной, и обеспечить приемлемый рацион для репатриантов советские власти были не в состоянии.

Для репатриантов «Южного маршрута» в шведских портах отправки местные власти предоставляли репатриантам горячее питание. Разнообразный рацион советских репатриантов из Швеции составлял около 2 800 ккал для мужчин и 2 500 ккал для женщин и детей. Помимо этого, репатрианты также получали пятисуточный запас продовольствия на путь следования из портов Швеции до СССР (см. приложение 7).

Итак, продовольственные пайки соответствовали нормам, принятым в результате договоренности сторон, осуществлявших репатриацию советских граждан из Норвегии в СССР.³⁰⁷

В статье VI «Соглашения» шведские власти обязывались в портах отправки в городах Лулео, Сундсваль и Евле организовать пересыльные лагеря вместимостью по 800 человек каждый. При каждом лагере был оборудован медицинский пункт на 80-100 человек с необходимым количеством врачебно-медицинского персонала.³⁰⁸ В отдельных случаях тяжело больные репатрианты направлялись в стационарные шведские госпитали и по выздоровлению возвращались шведскими властями в соответствующий пересылочный пункт для передачи советскому представителю.

В «Соглашении» также оговаривались сроки высылки репатриантов из Швеции, причем за это несла ответственность уже советская сторона. План отгрузки включал несколько этапов:

1. С 15 июня по 27 июня 1945 г. включительно из каждого порта отправлялось по 1 600 человек каждые 2-е суток.

2) С 28 по 30 июня 1945 г. включительно – из порта Лулео по 1 600 человек ежедневно, из порта Сундсваль по 1 600 человек каждые 2-е суток, из порта Евле по 1 600 человек ежедневно.

3) С 1-го июля 1945 г. до конца перевозок - из портов Лулео и Евле отправлялось по 1 600 человек ежедневно.³⁰⁹

Начальник каждого транспорта, выходявшего из шведских портов с советскими гражданами на борту, предоставлял представителю уполномоченного СНК СССР по делам репатриации сводную ведомость на убывших граждан СССР. Одна из таких ведомостей находится в хранилищах ГАРФа (табл. 19).

**Сводная ведомость убитых советских граждан из Швеции
морским путем через Финляндию³¹⁰**

Период (месяц)	май	май	июнь	июль	июль	август
Пункт отправления	Сток-гольм	Сток-гольм	Евле	Сток-гольм	Сток-гольм	Сток-гольм
Семей	2	3	-	1	-	
Мужчин	48	179	49	27	7	9
Женщин	7	18	4	5	-	2
Детей до 16 лет	3	11	-	10	-	-
Военнопленных	16	164	65		5	9

В ведомости проводится четкое разделение гражданских лиц и военнопленных. Зачастую в ведомостях указывалась национальность бывших пленных и их семейное положение.³¹¹

При отправке из Норвегии эшелонов с репатриантами составлялись специальные ведомости, отражавшие количество советских граждан, транспортированных поездами в Швецию, а на каждого репатрианта заводилась «идентификационная карта», которая являлась основной единицей в работе «Комиссии по репатриации».

Поэтому в ведомостях ведется учет карточек, а не советских граждан. Вот одна из таких ведомостей (табл. 20).

Таблица 20

**Ведомость отправления советских граждан
из Норвегии в СССР («Южный маршрут»)³¹²**

Наименование «зон» и № эшелона	Дата отправления	Количество карточек	Примечания
«Зона» Тромсе			
Эшелон № 1	13.06.1945 г.	800	
Эшелон № 2	15.06.1945 г.	800	
Эшелон № 3	16.06.1945 г.	800	
Эшелон № 4	17.06.1945 г.	800	
Эшелон № 5	18.06.1945 г.	800	
Эшелон № 6	19.06.1945 г.	800	
Эшелон № 7	20.06.1945 г.	800	

Эшелон № 8	21.06.1945 г.	800	
Эшелон № 9	22.06.1945 г.	800	
Эшелон № 10	23.06.1945 г.	800	
Эшелон № 11	24.06.1945 г.	800	
Эшелон № 12	25.06.1945 г.	800	
Эшелон № 13	26.06.1945 г.	800	
<i>«Зона» Ставангер</i>			
Эшелон № 401	3.07.1945 г.	800	В том числе 39 больных
Эшелон № 402	4.07.1945 г.	839	
<i>«Зона» Осло</i>			
Эшелон № 11	4.07.1945 г.	566	246 карточек отправлено с начальником эшелона

Данная ведомость не дает исчерпывающей картины отправки советских граждан в Швецию поездами, но позволяет сделать один очень важный вывод. Опираясь на указанную выше ведомость, можно предположить, что условия «Соглашения о транзите советских граждан из Норвегии через Швецию» со стороны последней выполнялись, и репатриация проходила по разработанному ранее плану. Об этом свидетельствуют численность репатриантов в каждом эшелоне и установленные ранее сроки перевозок.³¹³ Это, в свою очередь, обязывало и советскую сторону соблюдать подписанные договоренности по оплате репатриации советских граждан «Южным маршрутом».

В соответствии со статьей IX рассматриваемого «Соглашения», советская сторона обязалась оплачивать расходы шведской стороны в течение 30 суток с момента получения счетов.³¹⁴ Расходы шведской стороны составляли железнодорожные перевозки от станций погрузки на норвежской территории до портов отправки на территории Швеции. Расчет производился на каждого перевозимого человека старше 12 лет. Так, стоимость перевозки одного репатрианта по маршруту «Нарвик – Лулео» составлял 15,1 шведских крон, по маршруту «Трондхейм – Сундсвалль» – 17,2 шведских крон, маршрут «Осло – Евле» обходился советской стороне 22,1 шведских крон.³¹⁵ Помимо этого, учитывались и расходы на питание репатриантов. Шведская сторона оплачивала питание в портах отправки в Финляндию: стоимость суточного пайка не превышала 2 шведских кроны на человека. Расходы на обеспечение репатрируемых пятисуточным сухим пайком на пути следования из портов отправки составляли 11 шведских крон на человека.

Помимо транспортировки и питания репатриантов, в шведскую смету были заложены расходы на пребывание репатриантов в лагерях в портах отправки. Стоимость по этой статье сметы составляла 1 шведскую крону в сутки на человека.³¹⁶ Медицинское обслуживание также было платным. Отдельную оплату взимали за

использование санитарных поездов. Плата за санитарный поезд, состоявший из 22 двусных вагонов, составляла 5 крон с человека: стоимость пустого вагона снижалась наполовину.³¹⁷

Всего «Южным маршрутом» были репатрировано 65 499 человек (расчет см. ниже). Зная число репатриантов и стоимость репатриации в расчете на одного человека, можно подсчитать, какой счет получила советская сторона от шведских властей. Расходы за железнодорожные перевозки от станций погрузки на нор-вежской территории до портов отправки в Швеции составили примерно 1 710 000 шведских крон. Расходы на питание в портах отправки – 131 000 шведских крон: пятисуточный сухой паек – примерно 700 000 крон. Итого – не менее 2 541 000 шведских крон составили только транспортные расходы и расходы на обеспечение репатриантов питанием.

Предполагалось, что лагерями в портах отправки должны были воспользоваться приблизительно 45 000 человек, то есть еще 45 000 крон. По подсчетам шведской стороны около 4 000 советских репатриантов нуждалось в медицинском обслуживании и транспортировке в санитарных поездах. Планировалось совершить не меньше 20 рейсов в разных направлениях, что должно было бы обойтись казне не менее 27 000 шведских крон. Таким образом, по самым общим подсчетам стоимость репатриантов «Южным маршрутом» составляла около 2 613 000 шведских крон.

Далее из портов Швеции бывшие советские пленные отправлялись морем в Финляндию. Для этих целей были задействованы 8 финских морских транспортов, каждый из которых совершил по семь рейсов. Больных перевозили первым классом на пассажирском лайнере «Велламо». Из шведского порта Евле были вывезены 24 166 репатриантов, из Лулео – 23 212, из Сюдсваля – 16 420, из Стокгольма – 401 человек. Финской стороной было принято 40 951 человек в порту Раммо, 23 212 – в порту Улеборге, 36 – в порту Або.³¹⁸ Стоимость транспортировки советских граждан из Швеции через Финляндию в СССР установить не удалось, так как данная часть маршрута контролировалась советской стороной.³¹⁹

Помимо железнодорожных перевозок предполагалось использование и морского пути репатриации бывших военнопленных и гражданских лиц из Норвегии. Изначально этот маршрут рассматривался как дополнительный. Однако после того, как он был опробован при репатриации советских граждан из Ливерпуля, его признали приемлемым для возвращения репатриантов из Норвегии. Вопрос об этом был решен в конце октября 1944 г.

В соответствии с соглашением от 10 июня 1945 г., «Северный маршрут» должен был проходить из портов Мосьен, Му, Буде и Тромсе в Северной Норвегии в советский порт Мурманск.³²⁰ Для реализации этого соглашения были задействованы пять норвежских судов. Так же как и «Южным маршрутом», транспортировку «Северным маршрутом» контролировали британские военные. В «Административной инструкции 101» оговаривалась степень участия союзников в репатриации бывших военнопленных «Северным маршрутом». Транспортировкой бывших пленных морским путем занимались Норвежское пароходство и британская Военная грузовая компания. Помощь оказывалась советскими представителями и

переводчиками, которые должны были присутствовать на каждом судне. Путь в Мурманск занимал трое суток.

Все перевозимые были поделены на три категории: бывшие военнопленные, гражданские лица и советские граждане, работавшие на немецкие власти. Более того, было выделено два критерия, по которым осуществлялась транспортировка. В первую очередь вывозились те лица, которые находились ближе остальных к месту отправки. Вторым критерием служило состояние здоровья бывших пленнх. В первую очередь отправляли больных. Вопрос о состоянии здоровья бывших пленнх был очень важен: многие из репатриантов были крайне истощены. Командование союзных войск несло ответственность за ежедневный медицинский контроль. Перед репатриацией личные вещи репатриантов подвергались дезинфекции, репатрианты проходили полное медицинское обследование. «Ни у кого не должно быть вшей и инфекционных заболеваний. Одежда должна быть чистой», – отмечал майор Л. Крейберг.³²¹

Репатрианты формировались в отряды по 50 человек под начальством британского офицера, который должен был сделать две копии поименного списка своей группы. Одна копия отправлялась командующему союзными войсками в Норвегии, вторая – ответственному за репатриацию советскому представителю. Обе копии подписывались медицинским работником, ответственным за состояние здоровья бывших военнопленных.

Пароходы, предназначенные для перевозки бывших пленнх, были разными по величине и вместительности. Среди них «Король Хакон VII», «Ангон», «Король Даг», «Гордиас». На «Короле Хаконе VII» предполагалось разместить 1 900 человек, на судне «Король Даг» и «Норджун» – по 1 300, на «Брабанте» – 700 бывших пленнх.³²²

Первый конвой с бывшими пленными отплыл 23 июня 1945 г. На борту норвежского пассажирского судна «Король Даг» вместе с репатриантами находился майор Николс, который вспоминал, что «большинство радовалось возвращению домой и завершению хождений по мукам. Первый день плавания прошел мирно и спокойно. Русские загорали на палубе, пели, всячески развлекались: появление в море китов вызвало всеобщее оживление».³²³

Уже к 15 июля из района Му были вывезены все бывшие военнопленные, что подтверждается словами ответственного за репатриацию с норвежской стороны майора Л. Крейберга: «Все русские лагеря в Му уже пусты. Остался только госпиталь. Около 100 человек вывезены на судне «Анго». Бывшие пленные остались только в двух госпиталях в Фауске. Несколько больных были отправлены на «Полярной звезде», которая вышла из Бергена 14 июля и прибыла в Квеслис 18 июля, чтобы забрать оставшихся больных. После этого пароход отправился в Мурманск».³²⁴ К 26 июля 1945 г. репатриация бывших военнопленных и гражданских лиц «Северным маршрутом» была практически завершена – 29 июля была отправлена последняя партия больных репатриантов.³²⁵

29 июля 1945 г. командующий союзными войсками в Норвегии генерал Э. Торне писал главнокомандующему вооруженными силами Норвегии генералу О. Ругу: «Эвакуация советских военнопленных сейчас практически завершена;

число оставшихся, вместе с больными, меньше, чем три сотни. Несложно осуществить их репатриацию, за исключением тех пленных, которые работали на строительстве железной дороги, так как на этой территории норвежские войска не расквартированы».³²⁶

По окончании репатриации бывших военнопленных и гражданских лиц из Норвегии союзными силами был сделан отчет, вошедший в архивы под названием «Конфиденциальный отчет» («Confidential report»).³²⁷ В нем, в качестве итоговой, фигурировала цифра 87 000 пленных, репатрированных с территории Норвегии. Из них около тысячи поляков, тысячи югославов, столько же представителей других национальностей и приблизительно 84 000 советских граждан.³²⁸

В «Отчете» последовательно упоминаются все этапы репатриации, подготовленные союзными и норвежскими властями. 19 мая были созданы пять территориальных «зон» под командованием британских офицеров, к концу мая были покрыты потребности в медикаментах и одежде для бывших пленных.³²⁹

Репатриация советских граждан «Северным маршрутом» была завершена 26 июля 1945 г. После проверки граждан, вошедших в категорию «Спорных лиц», 84 351 бывший советский пленный был отправлен в СССР (табл.21).

Таблица 21

Количество советских граждан, репатрированных в СССР³³⁰ (сведения союзных сил)

Группы репатриантов	Количество человек
«Северный маршрут»	
Из них:	18 852
репатрианты с удовлетворительным состоянием здоровья	17 270
репатрианты с плохим состоянием здоровья	1 582
«Южный маршрут»	
Из них:	65 499
репатрианты с удовлетворительным состоянием здоровья	64 070
репатрианты с плохим состоянием здоровья	1 429
Всего	84 351

Таким образом, в ходе репатриации советских граждан из Норвегии по железной дороге и морем были переправлены 84 351 человек. Из них 18 852 человек были репатрированы «Северным маршрутом» и 65 499 – «Южным маршрутом».

Помимо советских граждан, из Норвегии были вывезены 1 566 человек так называемых «спорных лиц». Они были переданы союзным властям и отправлены

в Великобританию, а оттуда – к месту жительства.³³¹

15 декабря 1945 г. В.М. Молотов получил сообщение от министра иностранных дел Норвегии Т. Ли о желании короля наградить норвежскими орденами советских генералов и офицеров за проведенную ими работу по репатриации советских граждан. К награде были представлены генерал-майор Я.Д. Басилов, генерал-майор П.Ф. Ратов, полковник В.В. Донцов, полковник М.К. Гаврилов, полковники Н.Н. Филатов и В.И. Контев. Кроме них, были награждены майоры М.М. Шилов, А.Н. Баранов, Г.М. Поляченко, И.Я. Сорокпуд и майор С.С. Булычев.³³²

Если численность советских военнопленных в Норвегии в годы войны без поименной картотеки можно вывести лишь аналитическим путем, то данные о репатрированных из Норвегии советских гражданах достаточно полно представлены в союзных отчетах. Теоретически, так и должно быть, поскольку репатриация каждого гражданина на родину была связана с финансовыми тратами, которые позднее выставлялись СССР для оплаты, а потому тщательно проверялись и советской стороной. В данных списках называется точное число репатрированных «Северным» и «Южным» маршрутами: на 1 декабря 1945 г. – 84–351 человек, включая бывших военнопленных и оstarбайтеров.³³³

Документы из отечественных архивов (в частности ГАРФа) также приводят свои статистические сведения. Фонд архива 9526, где хранятся документы ведомства генерала Ф.И. Голикова, является вполне репрезентативным. По материалам фонда на 1 марта 1946 г. из Норвегии было репатрировано 84775 советских граждан обеих категорий.³³⁴

Разница между двумя цифрами, составляющая 424 человека, объясняется, в первую очередь, тем, что официально репатриация из Норвегии завершилась к 1 декабря 1945 г. К этому времени количество репатриантов составило 84 351 человек, что и было зафиксировано в отчете союзников. Однако на территории Норвегии оставались тяжело больные, не подлежащие транспортировке, или помогавшие работе Комиссии советские граждане. Так, можно предположить, что за четыре месяца (с 1 декабря 1945 г. по 1 марта 1946 г.) было репатрировано еще 424 советских гражданина. Если от количества всех репатрированных отнять число репатрированных оstarбайтеров (6 963), то число репатрированных военнопленных на 1 марта 1946 г. составит 77 812 человек.

В ходе репатриации советских граждан из стран Западной Европы находились те, кто не хотел возвращаться в СССР и всеми возможными способами пытался остаться. Такие репатрианты были и в Норвегии. Однако если сравнивать с ситуацией, сложившейся в Западной Европе, то можно говорить о том, что в Скандинавии таких лиц было немного. Часть из них пыталась получить статус беженцев, что давало им право проживания и получения работы на территории Норвегии. По подсчетам норвежского исследователя И. Лечена, по состоянию на 1 мая 1954 г. в Норвегии находилось 2 474 беженца 14 национальностей. Все они оказались в стране в военный и послевоенный периоды. Русских, прибывших в Норвегию в годы войны и оставшихся по ее окончании, по мнению историка, было около 40 человек.³³⁵ Можно предположить, что часть из них были бывши-

ми военнопленными и остарбайтерами, не желавшими возвращаться в СССР в 1945 г.

Для расследования преступлений, совершенных нацистами в отношении советских граждан, находившихся в плену, союзниками было создано Отделение по расследованию военных преступлений (War Crimes Investigation Branch — WCIB). Для проведения этой работы в Норвегии из Лондона 17 июня 1945 г. была направлена Британская исследовательская группа.³³⁶ Немецкие военные преступления были поделены на три категории: преступления, совершенные в результате выполнения приказов Гитлера от 18 октября 1942 г., преступления против политических заключенных и преступления против военнопленных. В Норвегии большинство эпизодов расследовалось по третьей категории.

Так как все приказы, полученные Комендантом по военнопленным в Норвегии, отдавались из генерального штаба в Германии, то официально во всех преступлениях, совершенных против военнопленных, обвинялся генерал фон Фалькенхорст. В рапорте союзников от 1946 г. штаб Верховного командования Вермахта нес ответственность за жестокое обращение и незаконные расстрелы военнопленных в Норвегии.³³⁷ Государственный комиссар Тербовен также принимал на себя частичную ответственность за преступления против пленных, находившихся в компетенции «Организации Тодта».

Силами Британской исследовательской группы в Китдале был обнаружен так называемый «лагерь смерти». В нем, по сведениям Отдела по расследованию военных преступлений, в годы войны были расстреляны 307 военнопленных. На месте бывшего лагеря работала группа в составе советского атташе в Швеции Велья, двух патологоанатомов, районного полицейского и окружного врача. Присутствовали также немецкий врач и патологоанатом, переводчики и фотографы. В результате проделанной работы были обнаружены останки расстрелянных пленных, проведена экспертиза, предприняты меры по транспортировке и перезахоронению останков.³³⁸

Один из первых военных трибуналов в Норвегии был организован по делу немецкого офицера Блелля (Hauptman Blell), обвинявшегося в убийстве советских военнопленных. 9 июля 1945 г. судом Лиллехамера капитан Блелль был приговорен к смертной казни. Однако позднее приговор был заменен пожизненным заключением.³³⁹

В послевоенный период в Норвегии в отношении нацистов было возбуждено 97 уголовных дел по обвинению в издевательствах и убийствах советских военнопленных. Это составляло примерно две трети всех преступлений против иностранных граждан в Норвегии: всего насчитывалось 153 уголовных дела.^x

В соответствии с международными правилами после рассмотрения военных преступлений там, где они были совершены, материалы передавались в страны, граждане которых проходили по делу как пострадавшие. Известно, что WCIB передало дела по советским пленным представителям СССР в Германии.

По окончании репатриации советских граждан из Норвегии была сформирована Комиссия по определению объема работ, выполненных советскими военнопленными (далее «Комиссия»).

Вопрос об использовании труда советских военнопленных и остарбайтеров в Норвегии, о влиянии этого труда на развитие местной экономики остается практически неизученным. Между тем, этот вопрос был крайне актуальным в российско-норвежских отношениях, что во многом было обусловлено попыткой советского правительства по окончании войны получить компенсацию за использование труда остарбайтеров и военнопленных из СССР:

«Комиссия» в составе подполковника А.П. Пилевина, майора В.С. Прохорова и капитана А.С. Соколова от советской стороны и полковника Х. Вреде-Хольм, господинов К.И. Флишера и Д. Юля со стороны Норвегии вела работу с конца 1945 г. по 1947 г. В задачу «Комиссии» входило выявление мест расположения лагерей, количества советских граждан в каждом лагере, определение времени, в течение которого пленные в них находились, какую работу выполняли и что было ими сделано. В соответствии с последним пунктом члены «Комиссии» должны были определить, по возможности, сколько потребуется рабочей силы в трудоднях для выполнения той или иной работы.³⁴¹ Но уже в начале расследования было установлено, что стоимость на месте определить крайне трудно, и комиссия решила выяснить лишь первые пять пунктов требований советской стороны. Определение стоимости рабочей силы было решено уточнить, если это вообще возможно, в Осло.

В замечаниях к протоколу «Комиссии» выясняются некоторые факты препятствия норвежской стороны ее работе, связанные с нежеланием выявлять области применения советских военнопленных и оценивать стоимость работ. 2 сентября 1946 г. «Комиссия» выехала из Осло в Северную Норвегию в Трондхейм. Но уже на следующий день, узнав о цели поездки, подполковник Вреде - Холм предложил не ездить в провинции Финнмарк и Тромс в связи со сложной ситуацией с транспортом.³⁴² Однако подобное его заявление не было принято во внимание и «Комиссия» начала работу именно с северных провинций.

29 сентября 1946 г., когда «Комиссия» прибыла в Нарвик, подполковник Вреде-Холм заявил советским представителям, что он получил от норвежского Министерства иностранных дел телеграмму следующего содержания: «Расчет результатов работы в трудоднях выходит за пределы мандата норвежской делегации. Местные норвежские власти не могут давать информацию о результатах работы и количестве трудодней, так как трудно рассчитать эти данные, и они должны быть предварительно подвергнуты компетентной оценке центральных властей. Такая информация во всех случаях может даваться только дипломатическим путем через норвежское Министерство иностранных дел».³⁴³ В связи с этим указанием норвежского МИДа комиссия не определяла объем работ в провинциях Нурланн и Тронделаг, а тот объем работ, который был определен в Северной Норвегии, норвежские представители отказались включать в протокол.

Однако «Двусторонняя комиссия по установлению объема работ, произведенных советскими военнопленными» (далее «Двусторонняя комиссия») все же была учреждена. В сообщении исполняющего обязанности Уполномоченного СНК по делам репатриации генерал-майора Базилова от 30 декабря 1945 г. был определен ее состав. В нее вошли подполковник Прохоров и лейтенант Скориков. Целями

их деятельности являлось определение строек, где работали советские военнопленные, расчет объема работ труда в «человечно-днях» и стоимости затраченного труда в долларовом эквиваленте.³⁴⁴

В докладной записке заместителю НКВД В.Г. Деканозову отмечалось, что после окончания работы «Двусторонней комиссии» вопрос о вознаграждении за труд советских граждан «будет рассмотрен».³⁴⁵ В этом же сообщении есть и оговорка: «Если по каким-либо причинам вопрос о вознаграждении и не будет стоять в дальнейшем, то даже и в этом случае учет произведенных работ позволит нам иметь лишний аргумент при решении всех вопросов».³⁴⁶ Таким образом, советское правительство рассматривало результаты работы «Двусторонней комиссии» как инструмент давления в отношениях с Норвегией. К сожалению, среди архивных документов выводов этой комиссии обнаружить не удалось ни норвежским, ни отечественным исследователям.

Документальное подтверждение масштабов и значения строительства «Нордландсбанен» хранилось в архиве, расположенном недалеко от Главного офиса Северной железной дороги в Му в Ране. Норвежский историк М. Солейм утверждает, будто бы «управление «Нордландсбанен» настаивало на уничтожении этого архива».³⁴⁷ По стечению ли обстоятельств, или по странной случайности, документальные материалы сгорели в пожаре, случившемся в архиве. Поэтому большее количество документов, свидетельствующих о работе советских военнопленных и остарбайтеров на строительстве «Нордландсбанен», было безвозвратно утрачено. М. Солейм также ссылается на статью в местной газете «Rana Blad» (июль 1987 г.), где бывший управляющий архива И. Линьбедэ (E. Linjordet) упоминает, что, среди прочего, в архивных материалах содержались проекты контрактов и договоры норвежских фирм с немецкими организациями.³⁴⁸ Не исключено, что в годы Второй мировой войны норвежские фирмы также использовали труд советских военнопленных. Отсюда и незаинтересованность норвежских властей в оценке работ, сделанных советскими военнопленными в годы Второй мировой войны на территории Норвегии.

Таким образом, репатриация бывших советских военнопленных и остарбайтеров была подготовлена и проведена англо-американской, норвежской и советской сторонами. На подготовительном этапе, предшествующем транспортировке репатриантов, были созданы сборные лагеря и госпитали для бывших пленных, проведена инспекция лагерей.

Транспортировка в СССР осуществлялась двумя основными маршрутами. «Южный маршрут» проходил через Швецию, куда репатрианты доставлялись на поездах, а далее на морских судах в Финляндию и в СССР (г. Ленинград). Этим маршрутом была репатрирована большая часть советских граждан – 65 499 человек. Помимо «Южного», был разработан «Северный маршрут» репатриации советских граждан из Норвегии, проходивший из норвежских портов по морю в порт Мурманска. Он был более коротким по времени и позволял перевезти тяжело больных. Им в СССР было отправлено 18 852 человека. В итоге, к 1 марта 1946 г. – времени окончательной репатриации из Норвегии, в Советский Союз было вывезено 84 775 репатриантов.

2.3. Политика советского государства в отношении репатриантов

Как относилось советское руководство к тем, кто вернулся на родину после пребывания в нацистских лагерях? Какие меры принимались в отношении них, какое будущее их ожидало? В современной историографии на эти вопросы нет однозначных ответов и мнения исследователей крайне полярны. Одни считают, что большинство возвратившихся из плена избежали репрессий, другие – что советское руководство принимало суровые меры к военнослужащим, попавшим в плен.³⁴⁹

Еще 4 октября 1944 г. СНК СССР принял решение о возвращении на родину советских граждан, в том числе и военнопленных.³⁵⁰ Это решение было принято советским правительством в связи с огромными человеческими потерями в годы войны. Ежедневно увеличивающееся число репатриантов вызвало к жизни необходимость создания сети проверочно-фильтрационных лагерей. 20 октября 1944 г. от СНК СССР В. Молотову поступили документы, регламентирующие организацию и проверку военнослужащих Красной Армии, бывших в окружении и в плену. В них отмечалось, что принятые постановления ГКО от 27 декабря 1941 г. и постановления СНК от 24 января 1944 г. устанавливали прохождение бывших военнопленных через сборно-пересыльные пункты, откуда репатрианты направлялись в лагерь НКВД на проверку.³⁵¹ Прошедшие проверку передавались в военкоматы для отправки в Красную Армию или на работы в промышленность. В этом же постановлении указывалось, что «за все это время в спецлагеря поступило 354 590 человек. Из них проверено и возвращено в ряды армии 249 416 человек, передано в промышленность и в охрану 36 630 человек, арестовано органами «СМЕРШ» 11 566 человек, убыло по разным причинам, в том числе в госпитали и умерло 5 347 человек».³⁵² Таким образом, около 70 % бывших военнопленных было возвращено в ряды Красной армии, около 10 % - передано в распоряжение промышленных наркоматов, 3 % было арестовано и 1,4 % убыло в госпитали или умерло. В мае 1945 г. были образованы проверочно-фильтрационные комиссии при лагерях и фронтовых сборных пунктах. Органы «СМЕРШ» были обязаны провести регистрацию репатриантов не более чем в десятидневный срок и «направить военнослужащих в запасные части НКО, а всех гражданских лиц – к месту их постоянного проживания».³⁵³ К лету 1945 г. на территории СССР действовало 43 спецлагеря, 26 проверочно-фильтрационных лагерей, 74 проверочно-фильтрационных лагеря. Кроме того, 22 сборно-пересыльных пункта были расположены на территории Германии и стран Западной Европы.³⁵⁴

Налаживая процесс возвращения, власти относились с определенной долей настороженности ко многим репатриантам. Такое отношение можно объяснить тем, что после сдачи в плен часть военнопленных могла ступить на путь коллаборационизма. Так, на 1 февраля 1945 г. в сухопутных войсках Германии насчитывалось около 600 000 перебежчиков, в ВМФ – 15 000, в ВВС (на июль 1944 года) – 50-60 000 человек.³⁵⁵

18 января 1945 г. военным советам фронтов и военных округов была дана директива, которая устанавливала правила приема, содержания, материального обеспечения бывших военнопленных и гражданских лиц, возвращающихся в СССР. По ней военнослужащие Красной Армии (рядовой и сержантский состав), пребывавшие в плену, должны были направляться в армейские сборно-пересыльные пункты. После проверки бывших военнопленных отправляли в Главное управление формирования Красной Армии (ГУФ КА). Советские офицеры, находившиеся в плену, после возвращения поступали в спецлагеря НКВД.³⁵⁶ Служившие в немецкой армии и в специальных строевых немецких формированиях власовцы и полицейские также направлялись в спецлагеря в соответствии в данной инструкции.³⁵⁷

Как правило, проверочно-фильтрационные лагеря располагались в крупных промышленных районах, где репатрианты работали в шахтах, на стройках, в рудниках. Необходимость в рабочей силе зачастую определяла срок проверки бывшего военнопленного. Подобные лагеря в районе Печоры и Воркуты существовали до 1950 г. Труд репатрианта был крайне дешевым, практически бесплатным, а в условиях возрождения промышленности и народного хозяйства в послевоенный период просто незаменимым.

После капитуляции нацистской Германии в отношении советского руководства к военнопленным и репатрированным проявились более жесткие тенденции. В конце июля 1945 г. был издан приказ НКВД СССР «Об объявлении инструкции о порядке учета и регистрации репатрированных советских граждан».³⁵⁸ В соответствии с ней все репатрианты и, в первую очередь, бывшие военнопленные, объявлялись врагами государства. Для них было запрещено проживание в таких центральных городах, как Москва, Ленинград, Киев и населенных пунктах, находившихся в режимной зоне этих городов. В каждом районе создавалась специальная проверочно-фильтрационная комиссия, которая осуществляла регистрацию репатриантов в возрасте старше 16 лет (до совершеннолетия дети вписывались в дела своих родственников).³⁵⁹ Репатрианты, прибывшие к месту жительства, вместо паспортов получали специальные удостоверения, по которым они не имели права выезда в другие районы и области СССР.

Создание советским правительством системы лагерей и сборно-пересыльных пунктов для бывших военнопленных и гражданских лиц являлось совершенно необходимым мероприятием, главная цель которого – создание централизованного и высоко организованного механизма, призванного вернуть на родину миллионы граждан. Не допустить массового беспорядка при репатриации, организовать систему продовольственного обеспечения, медицинского обслуживания, осуществлять транспортные перевозки репатриантов – основные задачи этого механизма. Перемены же в отношении сталинского руководства к бывшим военнопленным вполне объяснимы. Вернув на свою территорию своих граждан, тоталитарное государство моментально включает свои основные функции – террор и жесточайший контроль над сферами жизни общества в целом и отдельными судьбами в частности.

История возвращения советских граждан из Норвегии практически не пред-

ставлена архивными материалами в России. Все полученные сведения в ГАРФе и АВП РФ помечены штампом «Рассекречено». Очевидно, это лишь малая часть всей документации, которая хранится в спецхранах российских архивов. Советское государство не было заинтересовано в освещении истории военного плена, поэтому большинство советских граждан были отправлены на родину под завесой секретности. В западной прессе никаких описаний возвращения советских граждан из Норвегии также не было. По требованию советских представителей в Осло имевшееся у шведских журналистов разрешение описать операцию по возвращению советских граждан «Южным маршрутом» было в срочном порядке отменено. «Согласно хорошо информированным источникам, и советские, и западные союзники по разным причинам возражали против гласности».³⁶⁰

По воспоминаниям британских офицеров, советские представители с паразитической педантичностью составляли списки тех репатриантов, кто воевал на стороне немцев и не хотел возвращаться. Однако таких было немного, и подавляющее большинство советских граждан стремилось вернуться на родину. Майор Николс, вспоминая о возвращении советских граждан в Мурманск «Северным маршрутом», писал: «На другой день на горизонте возникла полоска русской земли. Пленные поспешно приводили в порядок свои отряпья, на мачтах весело трепетали советские флаги. Недалеко от Кольского полуострова стоял на якорю советский корабль «Архангельск». На палубе было полно моряков. Увидев соотечественников, с которыми они столько времени были разлучены, пленные пришли прямо в неистовство – стали радостно махать руками, что-то кричать. Ответом было зловещее молчание. «Архангельск» безмолвствовал. Неподвижно замершие на палубе моряки молча смотрели на проходящий мимо «Король Даг». Недобрые предчувствия охватили пленных, бурная радость сменилась апатией и страхом, который отнюдь не рассеяло прибытие в Мурманск».³⁶¹ Так, вступив на борт морского судна или сев в железнодорожный вагон, репатрианты, не подозревая о том, уже оказывались в рамках тотального контроля со стороны сотрудников советских спецслужб, что подтверждают и воспоминания сопровождающих судно «Король Даг» британских офицеров: «Едва спустили трап, как один из пленных вырвался из толпы и бросился к набережной, где его поджидала машина. Как выяснилось, это был секретный сотрудник СМЕРШа... На причале было полно военных и милиции, район высадки был обнесен колючей проволокой».³⁶²

После того, как высадка была разрешена, все личные вещи репатриантов складывались в одно место на причале. Далее принимающая сторона проводила поверхностный медицинский осмотр. Бывшие пленные строились группами. Часть отделяли от общей массы и в сопровождении усиленной охраны сажали в грузовики и увозили в неизвестном направлении. Очевидно, это были те, кто попал в списки сотрудника спецслужб.

В составе того же конвоя было и медицинское судно «Аба», на борту которого находились больные русские. Сопровождавший судно английский лейтенант Владимир Бритнев, русский по происхождению вспоминал: «Все они (репатрианты – прим. автора) были обречены и, мне кажется, большинство это понимало. Они были либо изувечены, либо умирали от туберкулеза. Чтобы облегчить

их страдания, я помогал им ежедневно, а то и дважды в день, протыкать иглой легкие, чтобы выпустить гной». ³⁶³ Всего на этом судне находилось 399 больных репатриантов. В Мурманске высадка происходила крайне медленно и неорганизованно. Советские власти выделили несколько сломанных носилок. «Аба» простояла в порту четыре дня, и когда она выходила в море, с палубы можно было видеть больных людей, все еще лежавших на набережной там, где их выгрузили в первый день. Многие из них уже были мертвы. Очевидцы вспоминали, что с этого судна были расстреляны два русских врача и фельдшер: они были отведены в сарай за сорок метров от причала, где приговор был приведен в исполнение.

Практически никто из репатриантов в своих воспоминаниях не обращается к эпизоду непосредственного возвращения в СССР. Возможно, многим из них было тяжело сознавать, что их правительство отказывается от них, считая узников нацистских лагерей изменниками родины. Так или иначе, в распоряжении диссертанта имеются лишь сухие высказывания репатриантов о прибытии в СССР. Так, И.Я. Тряпицин вспоминает, что все возвратившиеся делились на три категории; те, кого отпускали домой, те, кто проходили дополнительную проверку в открытых лагерях и репатрианты, которых направляли в лагеря в Сибири и на Дальнем Востоке. Сам Игорь Яковлевич попал во вторую категорию. Люди, знавшие его в плену в Финляндии, сообщили проверяющим, что немцы после побега Тряпицина сказали, что он расстрелян. Возник вопрос: почему он жив? Проверка продолжалась до 1954 г., хотя Игоря Яковлевича отпустили сразу. ³⁶⁴

А вот как описывает свое возвращение на родину бывший военнопленный В.В. Любов: «Мы прибыли в Мурманск, откуда я был отправлен в Нижний Волочок, где проходил службу в 357 стрелковом полку, который состоял только из пленных. Далее меня и еще тридцать человек отправили на восстановительные работы в Ленинградскую область». ³⁶⁵

Отечественные архивы также содержат крайне мало рассекреченной информации о возвращении репатриантов из Норвегии. Однако автору удалось обнаружить несколько документов, проливающих свет на судьбы возвращающихся на родину советских граждан. Так, начальник ПФЛ НКВД СССР подполковник госбезопасности Пайкин 30 мая 1945 г. сообщил уполномоченному СНК СССР по делам репатриации генерал-полковнику Ф.И. Голикову о предоставлении алфавитных карточек на бывших военнопленных, прибывших из Швеции и Финляндии. После проверки комиссии при Выборгском ПФЛ НКВД они были направлены к месту жительства и в лагеря. ³⁶⁶ В документе далее представлен список из 314 репатриантов, отправленных из Норвегии «Южным маршрутом». К сожалению, сколько человек было направлено в лагеря, в сообщении не указано.

Как было отмечено ранее, на территории Норвегии погибли и были захоронены около 14 тысяч человек. По окончании войны уточнением мест захоронений и численности погибших узников нацистских лагерей в Норвегии занимались представители Министерств иностранных дел обеих стран. Фактически, во время войны советская сторона не имела никаких сведений о гражданах СССР, погибших в Норвегии.

Отчасти решением этих задач занималась Комиссия по установлению работ,

выполненных советскими военнопленными в Норвегии. Однако представленная ею информация о захоронениях советских граждан была неточной. Значительную помощь в этом вопросе могли оказать норвежские власти, поэтому советская сторона связалась с норвежским МИДом во главе с Триюгве Ли. После обращения советских представителей с просьбой оказать максимальное содействие и помощь в обнаружении захоронений советских граждан, погибших в Норвегии в годы войны, началось плотное дипломатическое сотрудничество.

В ноте норвежского МИДа в посольство СССР от 18 октября 1945 г. сообщалось, что в ответ на просьбу советской стороны были сделаны запросы в Министерство юстиции Норвегии для получения информации, касающейся советских граждан, «которые были казнены немцами или убиты другими путями во время оккупации Норвегии. В настоящее время у меня (советника МИДа Норвегии П.П. Пребенсена – прим. авт.) есть письмо от начальника Норвежской национальной полиции, в котором он сообщает, что комиссарам было дано указание собрать все доступные сведения относительно судьбы советских граждан в Норвегии». ³⁶⁷ В этой же дипломатической ноте советник Пребенсен оговорился, что получение точной информации будет практически невозможным, так как «во время оккупации было такое положение, что никто кроме самих немцев не мог записывать необходимые сведения». ³⁶⁸

Слова советника МИДа Норвегии предсказали реальную ситуацию. Проблема численности погибших советских граждан и мест их захоронений обсуждалась 4 декабря 1945 г. в беседе Пребенсена с послом СССР в Норвегии Н.Д. Кузнецовым. Однако в ходе разговора выяснилось, что норвежская сторона имеет подробные сведения лишь о трех с лишним тысячах советских граждан – жертвах фашистского режима в Норвегии. ³⁶⁹

Еще в период репатриации проблема численности погибших советских граждан в Норвегии обсуждалась представителями СССР. В докладной записке заместителя уполномоченного СНК СССР по делам репатриации г.П. Голубева заместителю НКВД В.Г. Деканозову сообщалось, что «по данным бывших советских военнопленных и норвежских граждан во многих районах Норвегии имеются отдельные могилы русских, которые либо умерли от голода, либо расстреляны немцами». ³⁷⁰ Исходя из этого, от г.П. Голубева поступило предложение через Командующего союзными войсками в Норвегии генерала Э. Торнэ принудить немцев разрыть отдельные могилы, трупы свезти и перезахоронить в общих могилах при крупных населенных пунктах, поставив памятники. ³⁷¹

В ответ на это предложение г.П. Голубева было получено заявление, которое скорее можно назвать политическим, нежели способствующим сохранению памяти о погибших в Норвегии советских гражданах. 22 августа член коллегии НКВД К. Новиков в ответ на предложение г.П. Голубева сообщил, что сосредоточение могил только в крупных населенных пунктах не вполне целесообразно: «По политическим соображениям желательно, чтобы в Норвегии оставалось как можно больше ... памятников германо-нацистской тирании, заложившей фундамент кровной дружбы советских и норвежских народов». Однако после «слов о дружбе» следовали истинные мотивы НКВД: «Наличие во многих районах Норвегии

упомянутых могил, требующих охраны и поддержания их в порядке, расширит возможность разъездов по стране наших консульских работников»³⁷² (читай – разведчиков). Таким образом, советская сторона преследовала, в первую очередь, интересы, продиктованные осложнением международной внешнеполитической ситуацией, возникшей в преддверии «холодной войны».

Очерченная в 1945 г. политическая линия советских властей в отношении могил советских граждан в Норвегии вызвала ответные действия норвежской стороны в послевоенный период. На кладбище Вестре Гравлюнн на окраине Осло в 1947 г. был возведен монумент погибшим в годы войны советским гражданам. Надпись на надгробной плите гласит: «Здесь лежат 347 советских граждан, погибших в немецких лагерях в Норвегии. Из них 115 человек были погребены как неизвестные. После войны урны с советскими солдатами были собраны здесь. Монумент воздвигнут Обществом норвежско-советской дружбы. Он был открыт кронпринцем Улафом и выполнен скульптором Колберном Юелем Серли». Необходимо отметить, что это единственный памятник жертвам фашизма в Норвегии, который был воздвигнут по общественной инициативе. В отличие от памятников советским воинам, возведение монументов американским, английским, французским, польским и югославским жертвам войны осуществлялось на средства официальных норвежских властей. Это еще одно свидетельство осложнения советско-норвежских отношений. Помимо многих других аспектов взаимодействия двух стран, одной из линий противостояния стала проведенная в начале 1950-х гг. операция по перезахоронению советских военнопленных, получившая название «Асфальт».

В 1948 г. норвежское правительство приняло решение, что все захоронения советских граждан, как военнопленных, так и воинов, погибших в боях за освобождение Восточного Финнмарка, должны быть перенесены в одно место. Этим местом был выбран остров Тьетта, расположенный недалеко от побережья Хельгеланна в провинции Нурлани. Такую же единую братскую могилу намеревались создать и в Южной Норвегии, однако в полной мере план был реализован лишь на севере страны. Операция проходила в обстановке секретности: ответственным за ее проведение было назначено Министерство обороны Норвегии, а местным властям не сообщалось о точном времени проведения операции.

23 июля 1951 г. в Центральное ведомство по военным захоронениям поступила инструкция правительства Норвегии о переносе русских военных захоронений.³⁷³ На первом этапе Министерством обороны Норвегии планировалось произвести перезахоронение 8 515 советских граждан с территории трех северных провинций страны.³⁷⁴

По инструкции транспортировка останков осуществлялась в мешках из-под асфальта (отсюда и название операции) судами Вестеролского (Vesterolske) пароходства. Первые рейсы были запланированы на конец августа 1951 г. Пунктом отправки был выбран Киркенес.

Одновременно с подготовкой судов в северных провинциях проводилась работа по извлечению останков и подготовке их к транспортировке. Ответственным за проведение этих мероприятий был назначен капитан И. Аригцен.³⁷⁵ В табли-

це 22 указано количество останков советских граждан, вывезенных из северных районов Норвегии в ходе операции «Асфальт».

Таблица 22

Численность эксгумированных тел советских граждан ³⁷⁶

Провинция (город)	Количество
Киркенес	2 034
Вадсе	47
Киберг	29
Берлевог	7
Биллефьорд	177
Талвик	19
Скиботн	508
Стурштейнес	278
Серрейса	148
Сьевеген	212
Хашга	805
Нарвик	260
Лединген	100
Енгелсеу	517
Леирфьорд	661
Ресвик	264
Буде	126
Ернес	57
Луруо	7
Тьетта	1
Бренноусунд	22
Территория между Му в Ране и Мосьеном	2 312
Всего	8 800

Таким образом, в результате операции «Асфальт» только в трех северных провинциях (Нурлани, Тромс, Финнмарк) были эксгумированы и перевезены на остров Тьетта тела 8 800 советских граждан, погибших в Норвегии в годы Второй мировой войны. Данных о проведении операции на юге страны не было обнаружено. Возможно, что подобное мероприятие там не проводилось вообще. Помимо советских военнопленных, в Норвегии было перезахоронено около 2 200 советс-

ких солдат и офицеров, участвовавших в освобождении Восточного Финнмарка осенью 1944 г.³⁷⁷

По заверению норвежских властей, «монументы, которые воздвигнуты и на которые получено разрешение, останутся нетронутыми».³⁷⁸ Однако весной 1951 г. большинство захоронений от Киркенеса до Бреннейсунна были перенесены в одну братскую могилу. На острове Тьетта установили обелиск и разбили парк; в братской могиле было захоронено 7 551 человек, личности 823 из них были установлены.

О проведении этой операции были поставлены в известность советские власти. СССР вызвал резкий протест. В заявлении советского правительства этот акт характеризовался как «попираание памяти советских солдат» и «недружественный акт по отношению к Советскому Союзу».

Увеличившийся к концу 1944 г. поток советских репатриантов, расширение масштабов и ужесточение проверки привели к созданию сети проверочно-фильтрационных пунктов и лагерей. Было установлено, что после проверок около 70 % бывших военнопленных было возвращено в ряды Красной армии, около 10 % - передано в распоряжение промышленных наркоматов, 3 % было арестовано и 1,4 % умерло, остальные были направлены в госпитали.

Репатриированные «Южным маршрутом» из Норвегии, находившейся на шестом месте по количеству советских военнопленных на своей территории,³⁷⁹ проходили через Выборгский ПФЛ. Репатрианты «Северного маршрута» подвергались проверке в Мурманске. Определенной специфики в распределении репатриантов, прибывших из Норвегии, после прохождения ими проверок в ПФЛ, выявлено не было, потому, можно предположить, что соотношение направленных к прежнему месту жительства и арестованных отражает общие показатели.

Итак, подписанием Ялтинского соглашения 1945 г. был запущен мощный механизм по поиску, идентификации, обеспечению и транспортировке на родину миллионов бывших пленных.

Изучение процесса репатриации позволило диссертанту прийти к следующим выводам. В Норвегии, так же, как и в других странах, где находились советские граждане, имели значение следующие факторы организации репатриации: общее количество репатриантов, физическое состояние бывших узников, удаленность лагерей от пунктов транспортировки. Учитывая влияние перечисленных факторов, в Норвегии была создана сеть госпиталей и сборных лагерей, установлена общая численность советских граждан и разработаны два основных маршрута репатриации. Более коротким по времени и расстоянию «Северным маршрутом» были вывезены, в основном, средние и тяжело больные пленные (18 852 человека); «Южным» - остальные советские репатрианты, включая оstarбайтеров (65 499 человек). В итоге, было установлено, что к декабрю 1945 г. с территории Норвегии был репатрирован 84 351 советский гражданин, более 1 500 человек попали в категорию «спорных лиц».

Заключение

Разрушив все социальные, правовые и политические традиции, существовавшие в Германии до 1933 г., нацисты сформировали новый институт власти, основанный на идеологии и терроре. С началом Второй мировой войны «расползание» нацизма по Европе привело к распространению лагерей по всей ее территории. Несмотря на то, что изменился контингент узников и появились новые типы лагерей, последние продолжали оставаться одним из основных механизмов действия тоталитарного государства.

Особое положение советских военнопленных в нацистских лагерях является широко известным и научно обоснованным фактом.³⁸⁹ Ни нормы международного права, ни общечеловеческие принципы гуманизма не сыграли своей роли в отношении к захваченным в плен солдатам и офицерам Красной Армии. Оказавшись в нацистских лагерях, советские пленные становились объектом идеологического террора, а с 1942 г. еще и источником бесплатной рабочей силы.

Появление нацистских лагерей в Норвегии не было случайным. Страна занимала в стратегических и военных планах руководства Третьего Рейха особое место: строительство немецких военных баз должно было усилить позиции Германии на Скандинавском полуострове, использование природных ресурсов – поддержать немецкую экономику. Кроме того, установление контроля над регионом открывало для Германии выход на океанские просторы и позволяло блокировать доставку продовольствия и вооружения в СССР из Великобритании.

Первые партии советских военнопленных появились в Норвегии в июле 1941 г. В результате проведенных автором подсчетов было установлено, что в годы Второй мировой войны на территории Норвегии находилось приблизительно 100 800 советских граждан, из которых около 9 000 остарбайтеров, остальные не менее 91 800 человек, – военнопленные. Так же, как и на оккупированных территориях Европы, в Норвегии действовала универсальная система управления лагерями для военнопленных: из распределительных лагерей-шталагов пленные направлялись в строительные и рабочие батальоны, авиационно-строительные батальоны для военнопленных ВВС Германии и в батальоны снабжения. Вместе с тем, удалось выявить и некоторые отличия в положении и применении труда советских военнопленных в Норвегии.

Специфику положения узников нацистских лагерей в Норвегии определяли климатогеографические особенности страны. С одной стороны, суровые погод-

ные условия северных районов Норвегии, где находилось подавляющее число пленных, оказывали значительное влияние на состояние здоровья заключенных и условия их труда. Так, к окончанию войны на Севере Норвегии уровень тяжело больных в большинстве лагерей составлял не меньше трети от общего числа узников. С другой стороны, природный ландшафт страны позволял совершать военнопленным побег и вливаться в отряды антифашистского Сопротивления.

Условия содержания узников в нацистских лагерях в Норвегии были немногим лучше, чем в Германии. Диссертантом не было выявлено случаев массовых расстрелов (за исключением лагеря в Китдале), изощренных издевательств и систематических пыток пленных со стороны охраны, хотя содержались узники в схожих условиях. Вместе с тем, в отличие от Германии, где вспышки инфекционных заболеваний унесли сотни тысяч жизней пленных, в Норвегии подобных случаев зафиксировано практически не было.

Продуктовые нормы для советских военнопленных в Норвегии, так же, как и в других странах, где находились узники из СССР, были также весьма низкими, составляя в калорийном исчислении 1,5-2 тысячи ккал в сутки. Вместе с тем, благодаря помощи сочувственно относящегося к пленным местного населения, рацион узников был реально лучше, особенно в лагерях, находившихся вблизи населенных пунктов.

Наряду с исследованием условий содержания военнопленных, в работе удалось проследить особенности применения труда узников. В Норвегию они направлялись на выполнение конкретных рабочих программ и планов. Первоначально пленных предполагалось использовать на строительстве двух основных объектов – железной дороги «Нордландсбанен», по которой планировалась транспортировка руды, и немецкой военно-морской базы в Трондхейме. В дальнейшем, с увеличением числа военнопленных, их стали направлять на строительство полевых и береговых укреплений, аэродромов и военно-морских баз. Пленные были также заняты на строительстве промышленных предприятий и дорожных объектов. Кроме того, они работали на предприятиях алюминиевой и добывающей промышленности.

Так, только за первое полугодие 1942 г. немецким командованием в Норвегии было привлечено на работы 56 100 советских военнопленных. Из них около 20 000 человек были заняты на строительстве автодорог, 2 000 человек работали в алюминиевой промышленности, примерно 14,5 тысяч пленных вели подготовку дорог к зиме. Данные цифры свидетельствуют о том, что руководство Третьего Рейха рассматривало районы Северной Норвегии как крайне важную стратегическую территорию: автобаны были единственными транспортными артериями, позволявшими, в случае надобности, перебросить войска и технику.

Помимо немецкого командования в Норвегии, на территории страны располагалась оперативная группа немецкой полувоенной «Организации Тодта». В ее обязанности входило освоение природных и промышленных ресурсов оккупированной страны. В Норвегии «Организация» была представлена оперативной группой «Викинг», в подчинении которой для реализации поставленных задач находилось более 23 000 советских пленных, включая «восточных рабочих» и со-

державшихся в лагерях при штаблагах военнопленных. Из них около 12 000 человек были направлены на строительство укреплений береговых линий, 4 050 человек – на строительство шоссежных дорог. Остальные пленные работали на самом масштабном строительном объекте нацистов на территории Норвегии – железной дороге «Нордландсбанен». Было установлено, что на ее строительстве к началу 1945 г. были заняты 20 432 советских военнопленных из 67 лагерей, что составляло почти 26 % всех пленных из СССР, находившихся в стране. Таким образом, силами советских военнопленных в Норвегии «Вторая немецкая армия» (как называли «Организацию Тодта») пыталась покрыть потребности Третьего Рейха в сырьевых ресурсах, столь необходимых в условиях затяжной войны.

На основании условий содержания, использования труда и уровня смертности среди пленных диссертантом было выделено три типа лагерей: первый – со смертностью свыше 50 %, второй – с показателем смертности 25-35 % и третий – 10-20 %. При этом, было установлено, что в южных и центральных районах Норвегии подавляющее большинство лагерей соответствовало третьему типу, а в Северной Норвегии практически все лагеря относились ко второму и несколько – к третьему типу.

Жертвами нацистского режима в Норвегии стали около 14 000 советских граждан – или около 14,5 % от общего числа пленных из СССР, находившихся в стране. Именно в северных районах, где их положение и условия труда были наиболее трудными, погибло приблизительно 75 % общего числа жертв среди советских пленных в Норвегии. Тот же показатель по Германии выше почти в четыре раза. Объяснение тому следует искать в наличии на территории Германии так называемых «фабрик смерти» и в колоссальном количестве военнослужащих Красной Армии, захваченных в плен в первый год войны. Делая ставку на молниеносную войну, нацисты не спешили оказывать пленным какую-либо помощь, ссылаясь на неподписание СССР Женевской конвенции 1929 г. Кроме того, и расовая идеология, которой руководствовались немцы в отношении советских военнопленных, способствовала избавлению от славянских «недочеловеков».

Окончание войны в Европе обусловило необходимость возвращения бывших заключенных нацистских лагерей на родину. Для ее решения между главами стран-союзниц по антигитлеровской коалиции в феврале 1945 г. было подписано Ялтинское соглашение. В соответствии с ним в СССР должны были вернуться все советские граждане, включая военнопленных и коллаборационистов, сотрудничавших с нацистами. Для организации репатриации в Штабе Верховного командования союзных экспедиционных сил был создан Отдел по делам военнопленных, координировавший работу всех подчиненных ему ведомств.

Вопрос о возвращении советских граждан из Норвегии на родину был рассмотрен в 1944 г. норвежскими и союзными властями. В основу мероприятий по осуществлению репатриации легли также пункты «Меморандума об эвакуации военнопленных из Германии и оккупированных территорий». В подготовке и проведении репатриации советских граждан из Норвегии участвовали норвежские, союзные и советские представители.

Изучение репатриации позволило диссертанту выделить основные факто-

ры, влиявшие на организацию и проведение данного процесса: общее количество репатриантов, число больных среди них и удаленность лагерей от пунктов транспортировки. С учетом влияния перечисленных факторов, в Норвегии была создана сеть госпиталей и сборных лагерей, разработаны два основных маршрута репатриации.

На подготовительном этапе выяснялась личность, устанавливалось гражданство бывшего пленного. На этом этапе возникла так называемая проблема «спорных лиц» – граждан тех территорий, которые были присоединены к СССР после 1 сентября 1939 г. Здесь особая роль отводилась союзникам, отвечавшим за лагерь для «спорных лиц», которых на территории Норвегии насчитывалось более 1,5 тысяч человек.

Кроме того, накануне репатриации с целью получения сведений о положении пленных и количестве больных проводилась инспекция лагерей. Для стабилизации состояния здоровья бывших пленных при поддержке Красного Креста и шведских властей была развернута сеть госпиталей.

Этап непосредственной транспортировки бывших пленных из страны, которая осуществлялась двумя основными маршрутами, начался 13 июня 1945 г.

«Южный маршрут» проходил через Швецию, куда репатрианты доставлялись на поездах, а далее на морских судах в Финляндию и СССР (г. Ленинград). Было установлено, что этим маршрутом была репатрирована большая часть советских граждан – 65 499 человек. Условия транспортировки через Швецию были закреплены в «Соглашении о транзите советских граждан из Норвегии через Швецию». По нему советская сторона обязывалась оплатить транзит своих граждан в сумме около 3,5 млн шведских крон. Помимо «Южного», также был разработан и «Северный маршрут» репатриации советских граждан из Норвегии, проходивший из норвежских портов по морю в порт Мурманска. Он был более коротким по времени и позволял перевезти тяжело больных.

В период транспортировки обоими маршрутами советские репатрианты находились в зоне ответственности норвежских и союзных властей. Проанализированные показатели продовольственных норм и отчеты о проведении репатриации позволяют сделать вывод о том, что в обращении с бывшими пленными ответственные власти соблюдали нормы международного права и действовали в соответствии с Женевской конвенцией 1929 г. «Об обращении с военнопленными».

В итоге, к 1 декабря 1945 г. с территории Норвегии был репатрирован 84 351 бывший советский пленный. Из них 18 852 человека было вывезено «Северным маршрутом» и 65 499 бывших пленных – «Южным». К 1 марта 1946 г. – времени окончательной репатриации из Норвегии, было вывезено 84 775 репатриантов, из которых 6 963 – оstarбайтеры и 77 812 – бывшие военнопленные.

По возвращении в СССР бывшие военнопленные направлялись в армейские сборно-пересыльные пункты. После проверки они поступали в распоряжение Главного управления формирования Красной Армии (ГУФКА). Около 70 % бывших военнопленных было возвращено в ряды Красной армии, около 10 % - передано в распоряжение промышленных наркоматов, 3 % было арестовано и 1,4 % умерло, остальные были направлены в госпитали или убыли по другим причинам.

Известно, что часть репатриантов (9 901 человек), высланных из Норвегии «Южным маршрутом», проходили через Выборгский ПФЛ.³⁸¹ Репатрианты «Северного маршрута» подвергались проверке в Мурманске. Особенностей в распределении репатриантов из Норвегии после прохождения ими проверок в ПФЛ выявлено не было, поэтому, можно предположить, что общие показатели характерны и для них.

Начало «холодной войны» обусловило ухудшение отношений между Норвегией и СССР, что нашло отражение в конфликтной ситуации, возникшей в результате перезахоронения советских граждан, погибших в Норвегии в годы Второй мировой войны. В результате операции «Асфальт», проведенной норвежскими властями в 1951-1952 гг., на острове Тьетта были перезахоронены тела 8 800 советских граждан.

Несмотря на то, что с окончания Второй мировой войны прошло уже более шестидесяти лет, интерес историков и широкой общественности к проблеме советских военнопленных не снижается. В последнее время как российские, так и норвежские власти все чаще обращают внимание на проблему сохранения памяти о погибших в Норвегии советских пленных. Формирование гуманного отношения и преклонение перед жертвами нацизма имеет решающее значение для предотвращения повторений трагических событий. Более того, проблема приобрела и большое общественное значение, когда в Министерство социальной защиты поступили распоряжения о распространении положения о выплатах денежных компенсаций и на бывших военнопленных нацистской Германии.

Примечания

1. Fuller J.F.C. The Second World War 1939-1945. A strategical and tactical history // www.militera.lib.ru/h/fuller/index.html
2. Ерин М.Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941-1945. Ярославль, 2005. С. 55.
3. Tippelskirch K. Geschichte des Zweiten Weltkriegs // www.militera.ru/tippelskirch/index.html.
4. Kreiberg L. Frigjoring av de allierte krigsfanger i Nordland. Oslo, 1946.
5. Прохоров П. Голос павших // Эксперт Северо-запад. 2007. № 5. С. 42.
6. Бродский Е.А. Живые борются. М., 1965; он же. Во имя победы. М., 1970.
7. Логунов В. В подполье Бухенвальда. Рязань, 1963; Сахаров В.И. В застенках Маутхаузена. Симферополь, 1969; Архангельский В. Бухенвальд. Ташкент, 1970.
8. Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии 1933-1945. М., 1987.
9. Алексеев Н.С. Злодеяния и возмездие: преступления против человечества. М., 1986.
10. Наиболее типичным представителем «умеренных» является г.-А. Якобсен. Его главный труд, представляющий собой мировоззренческое ядро «умеренных», «1939-1945. Вторая мировая война в летописи и документах» // www.militera.lib.ru/h/jacobson/index.html.
11. Борозняк А.И. «Так разрушается легенда о чистом Вермахте...» Современная историография ФРГ о преступлениях немецкой армии в войне против Советского Союза // Отечественная история. 1997. №3. С. 109.
12. Штрайт К. Они нам не товарищи // Военно-исторический журнал (далее ВИЖ). 1992. № 1. С. 50-58; № 2. С. 42-50; № 3. С. 33-39; № 4-5. С. 43-50; № 6-7. С. 39-44; № 8. С. 52-59; № 9. С. 36-40; № 10. С. 33-38; № 11. С. 28-32; № 12. С. 20-23; 1994. № 2. С. 35-39; № 3. С. 24-28; № 4. С. 31-35; № 6. С. 35-39.
12. Тейлор А. Дж. П. Вторая мировая война. Два взгляда // www.militera.lib.ru/h/taylor/index.html; Fugate V. Operation Barbarossa. Strategy and tactics on the Eastern Front, 1941 // www.militera.lib.ru/h/fugate/index.html.
13. Odd Mjelde intervjuve om sabotasje og fangeleirenes apning I 1945. Saltdalsboka. Bodo, 1980; Tilintetgjorelsesleirene for jugoslaviske fanger I Nord-Norge. Saltdalsboka. Bodo, 1984.
14. Kreiberg L. Kast ikke kortene. Oslo, 1978; Bethel N. Den siste Hemmelighet. Oslo, 1975; Ulateig E. Hjem till Stalin. Oslo, 1985.
15. Ellingsve A. Nordlandsbanens Kriegshistorie. Копия работы получена от шведской исследовательницы г. Брески. Из личного архива диссертанта.
16. Jacobsen T. Slaveanlegget. Fangene som bygde Nordlandsbanen. Oslo, 1987.
17. Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994.
18. Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944-1956 годы // История СССР. 1990. №4. С. 26-41; он же. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1956 гг.) // Социологические исследования (далее СоцИс). 1995. № 5,6. С. 3-13.
19. Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994; Котек Ж., Ригуло П. Вск лагерей. Лишение свобод, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М., 2003.
20. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
21. Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1956 гг.) // СоцИс. 1995. № 5,6. С. 3-13; Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории (далее ВИ). 1995. № 4. С. 19-33.
22. Козлов В.И. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. // История СССР. 1989. № 2. С. 132-139; Гареев М.А. О мифах старых и новых // ВИЖ. 1991. № 4. С. 42-52; Гуркин В.В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941-1945 гг. // Новая и новейшая история (далее НиНИ). 1992. № 3. С. 219-224; Гриф секретности снят: потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993.
23. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002.
24. Полян П.М. «OST»-ы – жертвы двух диктатур // Родина. 1994. № 2. С. 51-58.

25. Решин Л. Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. 1994. № 8. С. 158-187.
26. Пляголев А. За други своя // Новый мир. 1991. №10. С. 130-139.
27. Судьбы военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // НиНиИ. 1996. № 2. С. 91-112.
28. Ерин М.Е. Историография ФРГ о советских военнопленных в фашистской Германии // ВИ. 2004. № 7. С. 152-160; он же. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941-1945. Проблемы исследования. Ярославль, 2005.
29. Ерин М.Е. Указ. соч. С. 44-45.
30. Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. 23-25 октября 1997, Часть 1-2. Вологда, 1998.
31. Дембицкий Н.П. Советские военнопленные в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Авдеев С.С. Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941-1944 гг.): Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию начала Великой Отечественной войны «Вторая мировая война и Карелия. 1939-1945 гг.». Петрозаводск, 2001. С. 49-57; Драгунов Г.П. Советские военнопленные, интернированные в Швейцарии // ВИ. 1995. № 2. С. 123-132.
32. Подробнее см.: Корнева Л.Н. Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985-2005). Автореф. Дис. ... док-ра истор. наук. Кемерово, 2007.
33. Bischof G. Karner S. Stelz-Marx B. Kriegsgefangene des Zweiten Weltkrieges. Gefangennahme – Lagerleben – Ruckkehr. Wein – Munchen, 2005.
34. Ibid. S. 460-476.
35. Fynat E. Auschwitz and the exile government of Poland // www.ihr.org/ihr/v11/v11p282_Aynat.html; Butz A. R. Brief introduction to Holocaust Revisionism // www.ihr.org/ihr/v11/v11p251_Butz.html; G. Mottogno. The Myth of the Extermination of the Jews // ihr.org/ihr/v08/v08p133_Mottogno.html.
36. Steffenak E.K. Repatrieringen av de Sovjetiske Krigsfagene fra Norge i 1945. Bergen, 1995; Soleim M.N. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr. art.-avhandling. Tromso, 2005.
37. Кан А.С. Рец. на: M.N. Soleim. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr. art.-avhandling. Tromso, 2005 // ВИ. 2006. № 6. С. 167-169.
38. Норвежские были. Воспоминания о борьбе против фашизма. М., 1964; В Саласпилском лагере смерти. Сборник воспоминаний / Под ред. К. Сауснитиса. Рига, 1964; Голубков С. В фашистском лагере смерти. Воспоминания бывшего военнопленного. Смоленск. 1963; Война за колочей проволокой. Воспоминания бывших узников гитлеровского концентрационного лагеря Бухенвальд. М., 1958; Дяттерев В. Побеждая смерть. Воспоминания. Ростов-на-Дону, 1962; Люди, победившие смерть. Воспоминания бывших узников фашистских лагерей. Ленинград, 1968.
39. Jurtsjenko I. Vort liv i Norge. En russisk krigsfanges beretning. Oslo, 1988.
40. Воспоминания А. Киселева, В.В. Любова, И.Я. Тряпицына, В. Рудыка.
41. Из личного архива автора.
42. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Об убийстве немцами советских военнопленных в крепости Демблин (Иван-город) и в некоторых других немецких лагерях на территории Польши. М., 1948; «Документы обвинения». Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советских территориях. М., 1945; Сборник документов о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии. М., 1944.
43. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в 7 томах / Под ред. Р.А. Руденко. М., 1958.
44. Преступные цели - преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944 гг.). М., 1985.
45. Гриф секретности снят: потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993
46. Мировые войны XX века. Книга 4: Вторая мировая война. Документы и материалы / Под ред. М.Ю. Мягкова. М., 2002.
47. Мировые войны XX века. Книга 3: Вторая мировая война. М., 2002. С. 31.
48. Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1. С. 14.

49. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 569.
50. Штрайт К. Они нам не товарищи // ВИЖ. 1992. № 1. С. 50.
51. Соколов Б.В. Вторая мировая: факты и версии. М, 2006. С. 290.
52. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 217.
53. Энциклопедия Третьего Рейха. М., 2005. С. 132.
54. Полян П.М. Указ. соч. С. 217.
55. Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных // ВИ. 1995. № 4. С. 20.
56. Полян П.М. Указ. соч. С. 224-225.
57. Fur die Lebenben Der Toten gedenken. Dresden., 2003. S. 13.
58. Riksarkivet (далее RA). Государственный архив Норвегии (г. Осло). Documents section. Imperial War Museum. Boks 50. FD 5328/45. Serial № 1182. S. 234. (Коллекция трофейных немецких материалов по окончании войны была изъята союзными войсками и до 1970 г. хранилась в Лондоне в Имперском военном музее. В 1970 г. она была передана в Национальный архив Норвегии, поэтому в норвежском архиве сохранилась форма учета, принятая в Imperial War Museum).
59. Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей. Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М., 2003. С. 203.
60. Kogon E. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. Austria, 1974. S. 48.
61. Семиряга М.И. Указ. соч. С. 21.
62. RA. UD. Internasjonale konferanser og overenskomster 27.2/2. Bind IV. Boks 10558. Text of Geneva Convention. 1929. Art. 1.
63. Ерин М.Е. Советские военнопленные в Германии в годы Второй мировой войны // ВИ. 1995. № 11-12. С. 144.
64. Штрайт К. Они нам не товарищи // ВИЖ. 1992. № 1. С. 57.
65. Там же.
66. Там же.
67. Там же. С. 51.
68. Иванович К.Б. Существовавшие до сих пор правила ... отменяются // ВИЖ. 1991. № 11. С. 38.
69. Там же.
70. Штрайт К. Они нам не товарищи // ВИЖ. 1992. № 6-7. С. 37.
71. Каптелов Б.И. Советские военнопленные: бухгалтерия по-фашистски // ВИЖ. 1991. № 9. С. 35.
72. RA. Documents section. Imperial War Museum. Boks 50. FD 5328/45. Serial № 1 182. S. 47.
73. Ibid. S. 17-18.
74. Ibid. S. 167.
75. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. Глава V. Пленные и пропавшие без вести // www.soldat.ru/doc/casualties/book/.
76. RA. Documents section. Imperial War Museum. Boks 50. FD 5328/45. Serial №1182. S. 50.
77. Ерин М.Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941-1945. Проблемы исследования. Ярославль, 2005. С. 112.
78. RA. Documents section. Imperial War Museum. Boks 50. FD 5328/45. Serial №1182. S. 51.
79. RA. UD. Internasjonale konferanser og overenskomster 27.2/2. Bind IV. Boks 10558. Text of Geneva Convention. 1929. Art. 11.
80. Мировые войны XX века. Книга 4: Вторая мировая война. Документы и материалы / Под ред. М.Ю. Мягкова. М., 2002. С. 90.
81. Там же.
82. Там же.
83. RA. Documents section. Imperial War Museum. Boks 50. FD 5328/45. Serial № 1 182. S. 11.
84. Первоначально шталагов было четыре, но к 1944 г. шталаг № 322 был соединен с шталагом № 330.
85. RA. DOBN (Deutsche Oberbefehlshaber Norwegen). Gliederung des Kriegsgefangenenwesen vor der Kapitulasjon. Anlage 10.
86. Схема составлена по материалам Norges Hjemmefrontmuseum (далее NHM). Архив Музея норвежского Сопротивления (г. Осло). FO II. 729/45. Prisoners of war camps in Norway. Boks 9. Enclose 10.
87. RA. OAK/DOBN 1a. Boks 0008. Anlage 1.

88. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr. art.-avhandling. Tromsø, 2005. S. 91.
89. RA. OAK/DOBN 1a. Boks 0008. Anlage 1.
90. Ibid.
91. Ibid.
92. Ibid.
93. RA. FO. Boks 254.
94. RA. OAK/DOBN 1a. Boks 0008. Anlage 1.
95. NHM. FO II. 729/45. Prisoners of war camps in Norway. Boks 9. Enclose 10.
96. RA. OAK/DOBN 1a. Boks 0008.
97. Ibid.
98. Ibid. Anlage 4
99. Здесь указано число военнопленных разных национальностей.
101. RA. OAK/DOBN 1a. Boks 0008. Anlage 5.
102. Ibid. Anlage 8.
103. Ibid. Anlage 6.
104. Количественные данные указаны на начало мая 1945 г. и включают военнопленных разных национальностей.
105. Воспоминания бывших военнопленных В. Рудыка и А. Киселева были получены посредством письменного анкетирования респондентов норвежским исследователем М. Стокке. Из личного архива диссертанта.
106. NHM. FO II. Boks 21. Anlage 5. S. 35-36.
107. Ibid. S. 35.
108. Ibid.
109. Подсчитано по материалам: RA. Documents section. Imperial War Museum. Boks 50. FD 5328/45. Serial № 1 182. S. 70.
110. RA. OAK/DOBN 1a. Boks 0008. Anlage 1.
111. RA. FO II 749/45. Boks 254.
112. Ibid. Данные о количестве лагерей для советских военнопленных включают только лагеря, находящиеся в подчинении штаблагов.
113. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr.art.-avhandling. Tromsø, 2005. S. 56.
114. Данные по 1945 г. получены норвежским исследователем путем вычисления разницы между доставленными военнопленными 1944 г. и их общим количеством по состоянию на 1 апреля 1945 г.
115. Государственный архив РФ (далее ГАРФ). Ф. 9526. Оп. 1. Д. 495. Л. 155-171. «Комюнике смешанной Советско-норвежской комиссии по обследованию условий жизни и труда советских граждан в немецком плену в Норвегии».
116. RA. FO II 749/45. Boks 254.
117. Архив внешней политики Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (далее АВП РФ). Ф. Референтура по Норвегии. Оп. 28. Д. 7. П. 20. Л. 3.
118. Там же. Оп. 2. Д. 4. П. 126. Л. 3.
119. Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1945 гг.) // Социологические исследования. 1995. №5. С. 9.
120. Сведения получены от ведущего специалиста по изучению истории советских военнопленных в Норвегии М. Солейм. Письмо от 3.08.2007. Из личного архива автора.
121. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 495. Л. 153.
122. NHM. FO II. Boks 21. S. 3-9.
123. Ibid. S. 3.
124. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 495. Л. 166.
125. NHM. FO II. Boks 21. S. 3
126. RA. Documents section. Imperial War Museum. Boks 50. FD 5328/45. Serial № 1182. S. 204.
127. Воспоминания бывшего военнопленного Любова В.В. (Воспоминания были переданы профессором Супруном М.Н.). Из личного архива автора.
128. RA. Documents section. Imperial War Museum. Boks 50. FD 5328/45. Serial № 1182. S. 204.

129. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 495. Л. 166.
130. Воспоминания А. Киселева были получены посредством письменного анкетирования респондента норвежским исследователем М. Стокке. Из личного архива автора.
131. Котек Ж., Ригуло П. Указ. соч. С. 293.
132. Hill A. The War Behind the Eastern Front: The Soviet Partisan Movement in the North-West Russia 1941-1944. London – New York, 2005. p. 135.
133. NHM. FO II. Boks 21. S. 4.
134. RA. Documents section. Imperial War Museum. Boks 50. FD 5328/45. Serial №1 182. S. 204.
135. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 495. Л. 166.
136. Воспоминания А. Киселева были получены посредством письменного анкетирования респондента норвежским исследователем М. Стокке. Из личного архива автора.
137. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 495. Л. 166.
138. Там же. Л. 167.
139. Эстрем М. Дневник «русской мамы». М., 1959. С. 16.
140. RA. UD. Internasjonale konferanser og overenskomster 27.2/2. Bind IV. Boks 10558. Text of Geneva Convention, 1929. Art. 11.
141. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 140. Л. 344.
142. War Crimes in Norway. War Crimes Investigation Branch. Материалы передачи шведской коллегой г. Брески. Из личного архива автора.
143. Воспоминания А. Киселева. Из личного архива автора.
144. Приложение 2. С. 185.
145. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 140. Л. 344.
146. NHM. FO II. Boks 21. S. 6.
147. Ibid.
148. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 495. Л. 168.
149. Там же.
150. Воспоминания А. Киселева были получены посредством письменного анкетирования респондента норвежским исследователем М. Стокке. Из личного архива автора.
151. RA. L. Kreiberg. Boks 12.
152. Ерип М.Е. Указ. соч. С. 114-115.
153. RA. L. Kreiberg. Boks 12.
154. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 495. Л. 169.
155. NHM. FO II. Boks 21. S. 3
156. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941–1945 – antall, organisering og repatriering. Dr.art.-avhandling, Universitetet. Tromso, 2005. S. 119.
157. Воспоминания А. Киселева. Из личного архива автора.
158. NHM. FO II. Boks 21. S. 3.
159. Ibid. S. 5.
160. Эстрем М. Указ. соч. С. 16.
161. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 495. Л. 169.
162. Там же. Л. 170.
163. АВП РФ. Ф. Референтура по Норвегии. Оп. 30а. Д. 1. П. 24. Л. 24.
164. Там же. Л. 25.
165. Воспоминания В. Рудыка. Из личного архива автора.
166. Эстрем М. Указ. соч. С. 18.
167. Норвежские были. Воспоминания о борьбе против фашизма. М., 1964. С. 9.
168. Русская мама из Норвегии // Известия. 1964. 4 ноября. За оказанную в годы Второй мировой войны советским военнопленным помощь к наградам правительства СССР были представлены норвежцы Мария и Рейнгольд Эстрем.
169. Beretning fra Laura Rachlow isachsen // Henriksen H. Murmansk Konvoiene: mennesker i et Arktisk Krigsdrama. Oslo, 2004. S. 57.
170. Распевин К. Всюду есть друзья // Правда. 1964. 14 июня.
171. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 495. Л. 172.
172. Макарова Л.М. Человек в пространственно-временном мире нацистских концлагерей / Ежегодник историко-антропологических исследований 2001/2002. М. 2002. С. 101.
173. Там же. С. 103.

174. Приложение 2.
175. Там же.
176. Там же.
177. Там же.
178. Там же.
179. Там же.
180. Там же.
181. Streit Ch. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sovjetischen Kriegsgefangenen. 1941-1945. Stuttgart, 1978. S. 10.
182. Streit Ch. Die sovjetischen Kriegsgefangenen in der Hand der Wehrmacht // Проблемы военного плена: история и современность. Вологда, 1998. С. 19.
183. В своем диссертационном исследовании М.Н. Солейм рассматривает положение советских военнопленных в Норвегии как доказательство того, что они являлись категорией лиц, ставших, наряду с евреями, жертвами Холокоста.
184. RA. Documents section. Imperial War Museum. Boks 50. FD 5328/45. Serial №1 182. S. 47-48.
185. Подсчитано по материалам: RA. Documents section. Imperial War Museum. Boks 50. FD 5328/45. Serial № 1182. S. 144.
186. Ibid. S. 145.
187. Ibid.
188. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 495. Л. 165.
189. Там же.
190. Приложение 2.
191. Подсчитано по материалам: RA. Documents section. Imperial War Museum. Boks 50. FD 5328/45. Serial № 1182. S. 74.
192. Storteig O. «The road of blood». The history of prisoners of war. Bodo, 1997.
193. RA. Boks 42. Fra Norwegian Hjemmefrontmuseum. Organization Todt. S. 2.
194. Ibid. S. 3.
195. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr. art.-avhandling. Tromso, 2005. S. 189.
196. Ibid.
197. RA. Boks 42. Fra Norwegian Hjemmefrontmuseum. Organization Todt. S. 4.
198. Точное число отделов группы установить не удалось, так как информация об их деятельности была засекречена нацистами. Известно лишь о деятельности 8-9 отделов.
199. RA. Boks 42. Fra Norwegian Hjemmefrontmuseum. Organization Todt. S. 10.
200. Ibid.
201. АВП РФ. Ф. Референтура по Норвегии. Оп. 25а. Д. 1. П. 24. Л. 33.
202. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr. art.-avhandling. Tromso, 2005. S. 207.
203. Ibid.
204. RA. Documents section. Imperial War Museum. Boks 50. FD 5327/45. Serial № 1456. S. 5.
205. Ibid.
206. RA. DOBN. Boks 0008. Verwaltung alliierter Kgf.
207. RA. Kontoret for Flyktninge-og fangesporsmal. Boks 0417. Final report of Prisoner of war Executive, Oslo, 14.12.1945.
208. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr. art.-avhandling. Tromso, 2005. S. 207.
209. RA. Boks 42. Fra Norwegian Hjemmefrontmuseum. Organization Todt. S. 20.
210. Ibid. S. 12.
211. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr.art.-avhandling. Tromso, 2005. S. 179.
212. RA. Boks 27. OT Abt. Arbeitseinsatz. Statistik.
213. Ibid.
214. RA. Boks 42. Fra Norwegian Hjemmefrontmuseum. Organization Todt. S. 22.
215. Ibid. S. 26.
216. Ibid. S. 33.
217. Подсчитано по материалам: RA. Boks 27. OT Abt. Arbeitseinsatz. Statistik.

218. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Tromsø, 2005. S. 193.
219. Мировые войны XX века. Книга 4: Вторая мировая война. Документы и материалы / Под ред. М.Ю. Мягкова. М., 2002. С. 90.
220. RA. Boks 27. OT Abt. Arbeitseinsatz. Statistik.
221. Ерин М.Е. Указ. соч. С. 152-153.
222. Земсков В.И. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1956 гг.) // Социологические исследования (далее СоцИс). 1995. № 6. С. 3.
223. RA. UD. Internasjonale konferanser og overenskomster 27.2/2. Bind IV. Boks 10558. Text of Geneva Convention. 1929. Art. 68, 69, 70.
224. Дугас И.А. Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994. С. 333.
225. RA. Forsvaret. Forsvarets Overkommando. D-76 – Krigsfanger. Boks 0-253.
226. Ibid. Article 1.
227. Ibid. Article 4.
228. Ibid. Article 6.
229. Дугас И.А. Черон Ф.Я. Указ. соч. С. 335.
230. Там же. С. 359.
231. RA. Forsvaret. Forsvarets Overkommando. D-76 – Krigsfanger. Boks 0-224.
232. Ibid. S. 1.
233. Ibid. S. 2.
234. Ibid. S. 3
235. Ibid.
236. Ibid. S. 4-5.
237. Ibid. S. 5.
238. Земсков В.И. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1956 гг.) // СоцИс. 1995. № 5. С. 9.
239. Steffenak E.K. Repatrieringen av de Sovjetiske Krigsfagene fra Norge I 1945. Bergen, 1996. S. 114.
240. RA. Forsvaret. Forsvarets Overkommando. D-82 – Krigsfanger. Boks 0-254. S. 9.
241. Ibid. S. 11.
242. Ibid.
243. Ibid. S. 12.
244. Добровольный характер труда и уважение к личности бывших военнопленных и гражданских лиц подчёркивались в решениях «Комитета» неоднократно.
245. RA. Forsvaret. Forsvarets Overkommando. D-82 – Krigsfanger. Boks 0-254. S. 14.
246. Ibid. S. 15.
247. Ibid. S. 16.
248. Ibid. S. 18.
249. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr. art.-avhandling. Tromsø, 2005. S. 324.
250. RA. L. Kreiberg. Boks 4. S. 70a.
251. Ibid. S. 104.
252. Steffenak E.K. Repatrieringen av de Sovjetiske Krigsfagene fra Norge I 1945. Bergen, 1996. S. 116.
253. Назывались они так по имени генерал-лейтенанта А.А. Власова (1900-1946 гг.) – организатора Российской освободительной армии, выступавшей во Второй мировой войне на стороне нацистской Германии.
254. RA. L. Kreiberg. Boks 1.
255. Steffenak E.K. Repatrieringen av de Sovjetiske Krigsfagene fra Norge I 1945. Bergen, 1996. S. 129.
256. Ibid. S. 128.
257. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr. art.-avhandling. Tromsø, 2005. S. 323. Представленные данные округлены и не являются абсолютно точными, так как до репатриации точное количество представителей разных групп подсчитать не представлялось возможным.
258. RA. Flyktnings-og Fangedirektoratet. Repatrieringskontoret. Boks 14-24.

259. Ibid.
260. Советскую сторону больше интересовало гражданство репатриантов, а не их национальная принадлежность.
261. RA. Forsvaret. Forsvarets Overkommando. D-82 – Krigsfanger. Boks 0-253. S. 1.
262. Ibid. S. 2.
263. RA. L. Kreiberg. Boks 4. S. 139.
264. Толстой Н. Жертвы Ялты. Париж, 1988. С. 149.
265. Там же. С. 473-474.
266. АВП РФ. Ф. Референтура по Норвегии. Оп. 27. Д. 9. П. 19. Л. 21.
267. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr. art.-avhandling. Tromsø, 2005. S. 326.
268. АВП РФ. Ф. Референтура по Норвегии. Оп. 28. Д. 7. П. 20. Л. 18.
269. Там же.
270. Там же. Оп. 21. Д. 4. П. 126. Л. 2-3.
271. Там же. Оп. 28. Д. 7. П. 25. Л. 36.
272. RA. FO. 371 47 899. № 6152.
273. RA. FO. 371 47 899. № 6420.
274. Репатриация советских граждан. М., 1945. С. 24-25.
275. RA. Forsvaret. Forsvarets Overkommando. D-82 – Krigsfanger. Boks 0-253.
276. АВП РФ. Ф. Референтура по Норвегии. Оп. 28. Д. 7. П. 25. Л. 36.
277. RA. L. Kreiberg. Boks 1. S. 4.
278. Ibid. Boks 3.
279. Ibid.
280. Nordlands Fremtid. 1945. 27 mai.
281. RA. L. Kreiberg. Boks 3.
282. Масса одной банки рыбного паштета в документе не указана.
283. RA. L. Kreiberg. Boks 3.
284. Ibid. Boks 4.
285. Ibid.
286. Ibid.
287. Ibid. Boks 1.
288. Материалы получены от шведской исследовательницы и режиссера-документалиста г. Брески. Из личного архива автора.
289. Там же.
290. RA. L. Kreiberg. Boks 2.
291. Ibid.
292. Intervju med Gunnlaug Loken // Henriksen H. Murmansk Konvoiene: mennesker i et Arktisk Krigsdrama. Oslo, 2004. S. 26-27.
293. Steffenak E. K. Repatrieringen av de Sovjetiske Krigsfagene fra Norge I 1945. Bergen, 1996. S. 133.
294. Материалы получены от шведской исследовательницы и режиссера-документалиста г. Брески. Из личного архива автора.
295. RA. Forsvaret. Forsvarets Overkommando. D-82 – Krigsfanger. Boks 0-253. S. 124.
296. Понятия «Северного маршрута» и «Южного маршрута» введены диссертантом и далее будут использоваться в дальнейшем.
297. RA. Forsvaret. Forsvarets Overkommando. D-82 – Krigsfanger. Boks 0-253. S. 124.
298. Ibid.
299. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 454. Л. 37-42.
300. Там же. Л. 37.
301. Там же. Л. 38.
302. Там же. Л. 45.
303. Толстой Н. Указ. соч. С. 261.
304. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr. art.-avhandling. Tromsø, 2005. S. 356. Данные таблицы расходятся с основными показателями по количеству репатрированных. Возможно, что на этапе регистрации репатриантов на местах в разных областях в их число были зачислены «спорные лица».
305. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 454. Л. 47.

306. Наумов А.В. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // НиНИ. 1996. № 2. С. 99.
307. RA. Forsvaret, Forsvarets Overkommando. D-82 – Krigsfanger. Boks 0-253. S. 125.
308. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 454. Л. 39-40.
309. Там же. Л. 40.
310. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 147. Л. 284. Очевидно, это сводная ведомость одного из пароходов, выполняющих рейсы с советскими репатриантами на борту.
311. Там же.
312. Там же. Оп. 1. Д. 83. Л. 165.
313. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 454. Л. 37.
314. Там же. Л. 41.
315. Там же. Л. 41.
316. Там же.
317. Там же. Л. 46.
318. Aftenposten. 1945. 30. juni. S. 1. В разных документах, касающихся репатриации советских граждан из Норвегии, фигурируют разные данные о числе репатриантов. Приводится количество репатрируемых железнодорожным маршрутом 64 070 человек с удовлетворительным состоянием здоровья и 1 429 больных. Со ссылкой на RA. Flyktnings-og Fangedirektoratet. Boks E-0081. Confidential report. Copy № 6. S. 4. Разница в подсчете объясняется тем, кто его проводил: союзники не учитывали «спорных лиц», тогда как советские представители старались включить в списки репатриантов максимальное количество граждан.
319. Смета расходов, позволяющая определить стоимость репатриации из Норвегии до Швеции, представлена в «Соглашении» подробно и с комментариями, так как в соответствии с ней шведская сторона могла вернуть затраченные ею средства.
320. RA. Flyktnings-og Fangedirektoratet. Boks E-0081. Confidential report. Copy № 6, S. 3.
321. Steffenak E.K. Repatrieringen av de Sovjetiske Krigsfagene fra Norge I 1945. Bergen, 1996. S. 154.
322. Ibid. S. 159.
323. Толстой Н. Указ. соч. С. 360.
324. Kreyberg L. Kast ikke Kortene. Oslo, 1978. S: 201-202.
325. RA. Flyktnings – og Fangedirektoratet. Boks E-0081. Confidential report. Copy № 6.S. 3.
326. RA. Forsvaret. Forsvarets Overkommando. D-82 – Krigsfanger. Boks 0-Boks 224.
327. RA. Flyktnings – og Fangedirektoratet. Boks E-0081. Confidential report. Copy № 6. S. 1- 4.
328. Ibid. S.1.
329. Ibid. S.3.
330. Ibid. S. 4.
331. Steffenak E.K. Repatrieringen av de Sovjetiske Krigsfagene fra Norge I 1945. Bergen, 1996. S. 185.
332. АВП РФ. Ф. Референтура по Норвегии. Оп. 27. Д. 11. П. 127. Л. 324.
333. RA. Flyktnings-og Fangedirektoratet. Boks E-0081. Confidential report. Copy № 6. S. 4.
334. Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1945 гг.) // СоцИс. 1995. №5. С. 10.
335. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr.art.-avhandling. Tromso, 2005. S. 281.
336. Рапорты и отчеты WCIB в Лондоне. Материалы получены в результате сотрудничества с шведской исследовательницей и режиссером-документалистом г. Брески. Из личного архива диссертанта.
337. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr.art.-avhandling, Tromso, 2005. S. 406.
338. Рапорты и отчеты WCIB в Лондоне. Материалы получены от шведской исследовательницы и режиссера-документалиста г. Брески. Из личного архива автора
339. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr.art.-avhandling. Tromso, 2005. S. 406.
340. Рапорты и отчеты WCIB в Лондоне. Материалы получены от шведской исследовательницы и режиссера-документалиста г. Брески. Из личного архива автора.
341. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 495. Л. 175.

342. Там же.
343. Там же. Л. 175-176.
344. АВП РФ. Ф. Референтура по Норвегии. Оп. 27. Д. 11. П. 127. Л. 329.
345. Там же.
346. Там же.
347. Soleim M. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941-1945 – antall, organisering og repatriering. Dr. art.-avhandling. Tromsø, 2005. S. 195.
348. Ibid. S. 195-196.
349. Меженько А.В. Восноплненные возвращались в строй // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 29.
350. Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944-1951 гг. // История СССР. 1990. №4 С. 27.
351. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 70. Л. 18.
352. Там же.
353. Там же. Л. 146.
354. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // НиНИ. 1996. №2. С. 98.
355. Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. №4. С. 22.
356. Там же. С. 30.
357. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 70. Л. 19.
358. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. // НиНИ. 1996. № 2. С. 102.
359. Там же. С. 103.
360. Толстой Н. Указ. соч. С. 361.
361. Там же. С. 362.
362. Там же.
363. Толстой Н. Указ. соч. С. 363.
364. Воспоминания И.Я. Трапицина были получены посредством письменного анкетирования респондента. Анкета была получена от респондента почтой 10 мая 2001 г. Из личного архива автора.
365. Воспоминания В.В. Любова были переданы диссертанту профессором М.Н. Супруном. Из личного архива автора.
366. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 147. Л. 67.
367. АВП РФ. Ф. Референтура по Норвегии. Оп. 28. Д. 4. П. 20. Л. 20.
368. Там же.
369. RA. UD. 37. 1/18. Bind 1.
370. АВП РФ. Ф. Референтура по Норвегии. Оп. 27. Д. 11. П. 127. Л. 269.
371. Там же.
372. Там же.
373. RA. KUD. Boks 27.
374. Ibid.
375. Ibid.
376. Ibid.
377. Данные получены в ходе переписки с ведущим специалистом по изучению истории советских военнопленных в Норвегии М.Н. Солейм. Письмо от 11 декабря 2006 г.
378. Прохоров П. Голос павших // Эксперт Северо-запад. 2007. № 5. С. 41.
379. Земсков В.И. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1956 гг.) // СоцИс. 1995. №6. С. 10.
380. См. подробнее: Полян П.М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002; Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии 1941-1945. М., 2000; Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994.
381. Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1956 гг.) // СоцИс. 1995. №6. С. 11.

Воспоминания из дневника советского военнопленного Константина Середничева из лагеря в Тронденес (Северная Норвегия)

Суббота, 26 декабря 1942 г.

Сегодня мы празднуем Рождество. 24 декабря мы работали до 12 часов. Кажется, Рождество для немцев, самый главный праздник. Еда в эти дни ничем не отличается от других дней, не считая табака, который мы получали перед праздником (6 сигарет и одна сигара). Завтра будет как обычно – две сигареты. Праздник чувствуется. В каждом доме украшена елка. Но все это не делает нас счастливыми. Какой может быть праздник в чужой северной стране, за колючей проволокой и под немецкой охраной. Но лучше не знать, как наши люди проводят эти дни дома, кто из них жив, а кто нет. Даже, хотя моя судьба не лучше, почему должны страдать старики и дети.

Среда, 14 января 1943 г.

Этот день знаменателен двумя датами. По старому стилю сегодня Новый год. Для меня в этот праздник и еще День рождения. Сегодня мне 31 год. Я помню, как мы обычно весело праздновали этот день. Уже второй год я его не отмечаю. С 28 декабря я болею и лежу в больничной палате в лагере. Сама по себе жизнь не так тяжела, было бы что поесть, ведь это основное для человеческого существования. Мы работаем так много, как можем, и у нас нет больше сил. Мы моемся и стираем свою одежду каждое воскресенье. Было несколько холодных дней, но даже тогда температура не опускалась ниже 15-18 градусов. В лагерь доставили газеты, которые были напечатаны в Берлине для военнопленных, «Клич», «Зори» и на украинском языке «Нова роба». Я прочитал все, с первой строки до конца. Я думаю, все это делают.

Вторник, 26 января 1943 г.

К 17 числу я выздоровел и был отправлен на работу снова. Мне бы хотелось написать об одной вещи: мы работаем вместе с норвежцами, чехами, поляками, сербами, датчанами и другими, кого направляют на рабочие объекты. Новости с западного фронта проникли в лагерь, все говорят об этом, говорят с настоящей радостью, и большинство из нас слушает эти новости со счастьем в сердцах и с веселой улыбкой на губах: советская армия одерживает победы, немецкая армия была отброшена назад и города Одесса, Краков, Киев и Ростов были заняты русскими войсками; русская армия освободила Эстонию и города Украины. Как я желаю, что бы это было правдой и скорее все кончилось. Но кончится не так, как у украинцев и бывших кулаков, которых здесь больше половины. Моя Россия не будет завоевана, и Советы не умрут, многие не хотят, чтобы это случилось. Карл Маркс пишет, что коммунизм должен победить во всем мире. И в этом мире я должен занять свое место в обществе с одинаковыми правами для всех. Узники должны

тоже пройти испытание. С часу ночи до вечера были слышны далекие, но сильные взрывы – то была бомбардировка. Когда мы проснулись, часовых не было.

Вторник, 2 февраля 1943 г.

Я пишу в этот день, чтобы сохранить память об этом дне, который в последнее время в нашей семье стал праздником. Одной из моих дочерей сегодня 5 лет. Моя дорогая доченька, я знаю, что этот твой День рождения, конечно, будет праздноваться, помни, что твой папа, который любит тебя и должен подарить тебе подарок, но эта адская война, которая все разрушила... Если бы ты только знала, какую нужду испытывает твой отец в сырой, туманной и грубой Норвегии. Ничего не может быть хуже, чем эта жизнь. Точнее, это не жизнь, а если и жизнь, то жизнь скотины, где все проявления культуры, все политические права и свободы уничтожены. Когда они смеются над тобой, имеют право плюнуть тебе в лицо, ударить, не объясняя за что, это условия жизни раба, что может быть хуже или позорнее? Можно добавить к этому полуголодное существование. Все наши мысли приводят к одному: как было бы хорошо поесть досыта. Мое дорогое, драгоценное дитя. Живы ли вы, как переживаете это тяжелое время? Ты еще не научилась молиться, а это и не обязательно, но мне бы хотелось, что бы ты попросила силы природы облегчить мою участь, чтобы я мог жить. Не важно, пусть это была бы жизнь в бедности, но на свободе. Давайте надеяться, мои дорогие, что тот, кто начал войну, закончит ее скоро, и мы снова сможем жить счастливо, как жили до войны. Мы не можем ждать лучшей жизни от кого-нибудь, не прикладывая собственных усилий, чтобы сделать ее лучше. Я расскажу тебе о жизни в тюрьме, как это на самом деле, когда мы встретимся. Я вижу тебя и всю нашу семью во сне. Я вижу мою вторую дочь, твою сестру Аню, которой было только два месяца, когда я оставил вас. Интересно, на кого она стала похожа. Скоро ей будет 2 года.

18 февраля 1943 г.

Правда это или нет, но говорят, что сегодня мы покидаем этот лагерь. С конца января мы работали во фьорде, 23 км от Трондхейма, на ферме. Сейчас эта ферма прекратила работу. В течение последних двух недель мы были заняты на строительстве железной дороги. По-моему, дела на немецком фронте плохи. Я счастлив, и мне кажется, что победа Красной Армии близка. Жаль, что моя судьба распорядилась так, что я не могу быть в рядах своей армии и принимать участие в уничтожении нацистов. В первый день 200 человек из нас посадили на маленький корабль. Нас погрузили в сырую и узкую дыру как скот или еще хуже. Место, куда нас везут, нам неизвестно. Надеемся только на бога. Прощай, Трондхейм, лагерь № 3.

23 февраля 1943 г.

Мы прибыли на новое место, на остров. Лагерь расположен в 3 или 4 километрах от города и намного хуже прежнего. Летние бараки, как конюшни: грязные, сырые и холодные. Я узнаю о правилах в лагере, но и сегодня уже понятно, что мы сюда доставлены, что бы умереть. Из 600 военнопленных, прибывших сюда 4 месяца назад, осталось только 244 человека. Господи, будь милостив, прости

мои грехи и помоги мне все вынести. Как страшно умирать неизвестным в чужой стране. У меня есть семья, двое бедных детишек, старый отец. Мои дорогие дети, молитесь за спасение своего папы.

28 февраля 1943 г.

Уже прошло 5 дней в новом лагере на острове. Хотя я живу полуголодной жизнью, есть маленькая надежда выжить. Я продолжаю свои записи, хотя и не верю, что они смогут вернуться домой, они умрут вместе со мной. Рацион нашего питания следующий: утром мы едим суп. Я не знаю, что это за суп, кипяченая вода с мукой. Дома мои свиньи ели лучше. Обед в 12 часов: 1 кг хлеба на троих, 25-30 граммов жира с рыбными консервами – 800 граммов на 12 человек, ¼ литра кофе. Ужин в 6 часов: суп ужасен, большинство отказывается, очень редко кто-нибудь найдет картошину в нем. Очень редко готовят суп из мясных консервов. Он вкусный, но очень жидкий. Мы едим суп без хлеба и поэтому не наедаемся. Но мы считаем, лучше жидкий суп, но вкусный. Работа не тяжелая, но ее очень много. Сегодня мы начали работать ночью (с 19.00 до 5 утра). Обычно работаем 8 часов. Мы работаем на укрепление острова. Они строят бетонные бункеры, 10 часов работы в деревянных башмаках и такая еда – это просто убийство. У меня все еще есть надежда выжить.

6 марта, воскресенье, 1943 г.

Сегодня 7 месяцев моей ничтожной жизни в лагерях, полуголодной, лишенной всех прав. Трудно себе представить это день изо дня – 210 дней – каждый завтрак, обед, ужин дразнить свой желудок, и заканчивать есть, когда твой аппетит только разыгрался. Но это не значит, что я мечтаю о еде. Я мечтаю о доме, о хорошем обеде. Всегда, когда я просыпаюсь, я не могу избавиться от мыслей о еде. Я вижу в своих мыслях жирный борщ с помидорами и горчицей, блюдо, полное мяса, молока, сыра, толсто нарезанного хлеба и многого другого. Когда я думаю, как мы выбрасывали дома хлеб, мое сердце разрывается. Такие слова, как: «это не вкусно, я не хочу, не буду – здесь никто не употребляет». Я здесь всего 10 дней, а силы мои тают. Мои ноги настолько слабы, что я не могу встать без помощи рук. Я хожу медленно. Я уже забыл, как бегать. А еще год назад я бегал 100 метров за 12 секунд. Если моя судьба распорядится так, что я когда-нибудь вернусь домой, то я никогда не смогу быть полностью здоровым человеком. Мы, которые умираем медленной смертью, считаем каждый час и ждем минуту принятия пищи. Уже известно, что Краков и Киев в наших руках. Дорогие братья, радуюсь всем сердцем за наши победы. Силы врага уменьшается с каждой минутой, скоро увидимся в России.

7 марта 1943 г.

Сегодня отдыхаем. Сегодня стираем одежду. Выдали 3 одеяла, носки, табак (на двоих).

21 марта 1943 г.

Нахожусь на острове уже около месяца. Состояние здоровья ухудшается. Но

я все еще могу передвигать ноги. Пока мы здесь, сильных морозов не было. Погода мягкая, но сырая. Мокрый снег часто смешивается с дождем. Снега примерно в 1 метр толщиной. С 18 марта потеплело. Светит солнце. Последние два дня идет только дождь. Идет весна, снег тает, на дорогах грязь. Погода, как в сентябре. Ох, увидеть бы весну дома. Сегодня у нас выходной, выдали табак. Из газеты «Заря» мы узнали, что Краснодар и Краков эвакуировали, но не знаем когда.

1 апреля 1943 г.

Моя дорогая маленькая дочь Аня. Я не забываю свою семью и тебя, хотя все мысли о еде. Сегодня тебе 2 года. Дорогое дитя, ты не знаешь меня, как я выгляжу. Надеюсь, бог будет милосерден, и мы еще встретимся и узнаем друг друга. Но боюсь, что мы можем и не увидаться, а еще больше боюсь, что ты вырастешь, так и не узнав своего отца. 28 марта погода снова поменялась и стала холодной. Ночью валит снег, а днем тает. Я хочу, чтобы настала весна теплая и сухая.

11 апреля 1943 г.

Сегодня выходной, выдали табак. Это уже 4 воскресенье, когда выдают пачку табака на каждого. Это хорошо, потому что когда ты куришь, ты хоть на пару минут забываешь об этом ужасе. Если кто-нибудь спасется, он запомнит это навсегда.

14 апреля 1943 г.

Ходят слухи, что Швеция объявила войну Финляндии, и что война идет уже 4 дня.

18 апреля 1943 г.

Опять слышал новость, что Италия оккупирована английскими войсками. Желаю, что бы это было правдой, может, вскоре увидим конец войны.

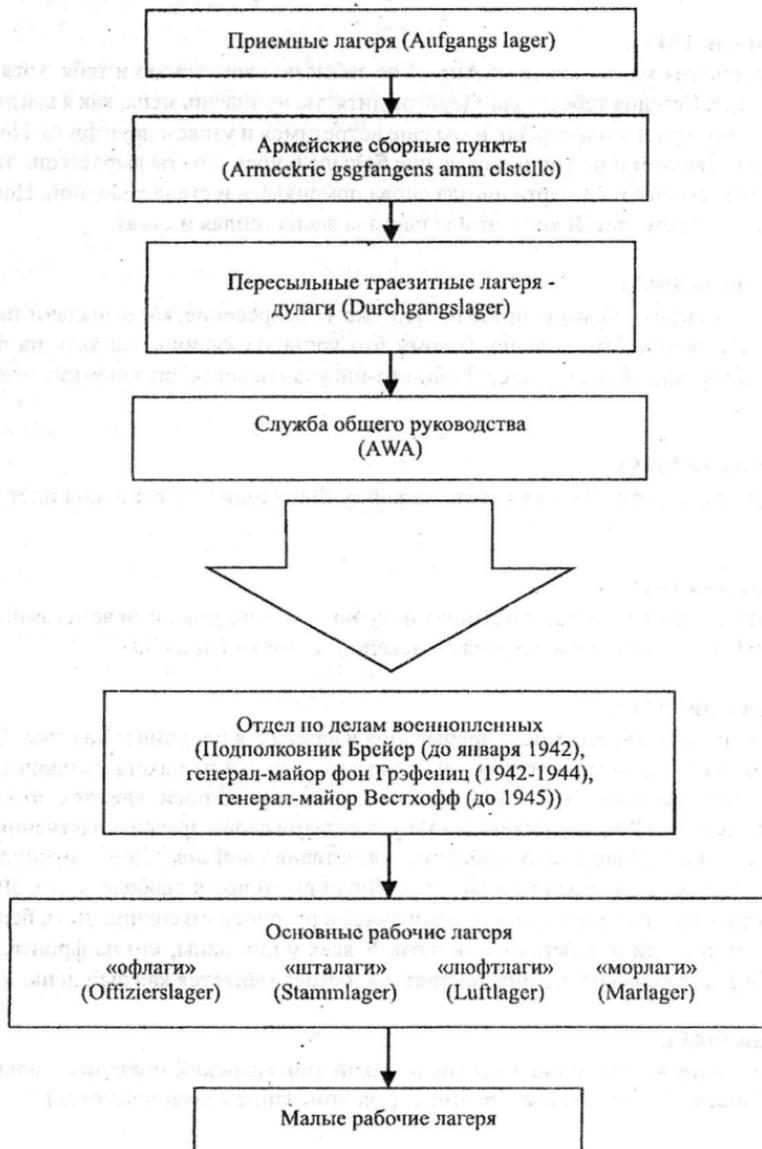
21 апреля 1943 г.

Сегодня, за все время моего пребывания в лагерях, я получил наказание. Я зашел в комнату, где немцы обедают и отдыхают, и украл из пакета сэндвич с сосиской. Голод заставил меня это сделать. С трудом унес ноги, кажется, что мне осталось недолго. Когда я пошел на войну, я оставил своих друзей, родственников и свою семью. Сейчас я хочу добавить — я оставил свой дом, Дон и Бусиновку. Сейчас там весна, природа просыпается. Люди работают в свободе, сеют. Люди работают в садах и все они под теплыми лучами российского солнца. Дети бегают по улицам, и среди них бегают мои дети. У всех у них папы, кто на фронте, кто погиб. Здесь тоже весна, но она неприятная, погода меняется каждый день.

5 мая 1943 г.

Пасхальное воскресенье. Сегодня великий христианский праздник — воскресение Христа. Я хотел бы сказать, что... (на этом записи заканчиваются)

Перемещение военнопленных из компетенции ОКХ в ведение ОКВ

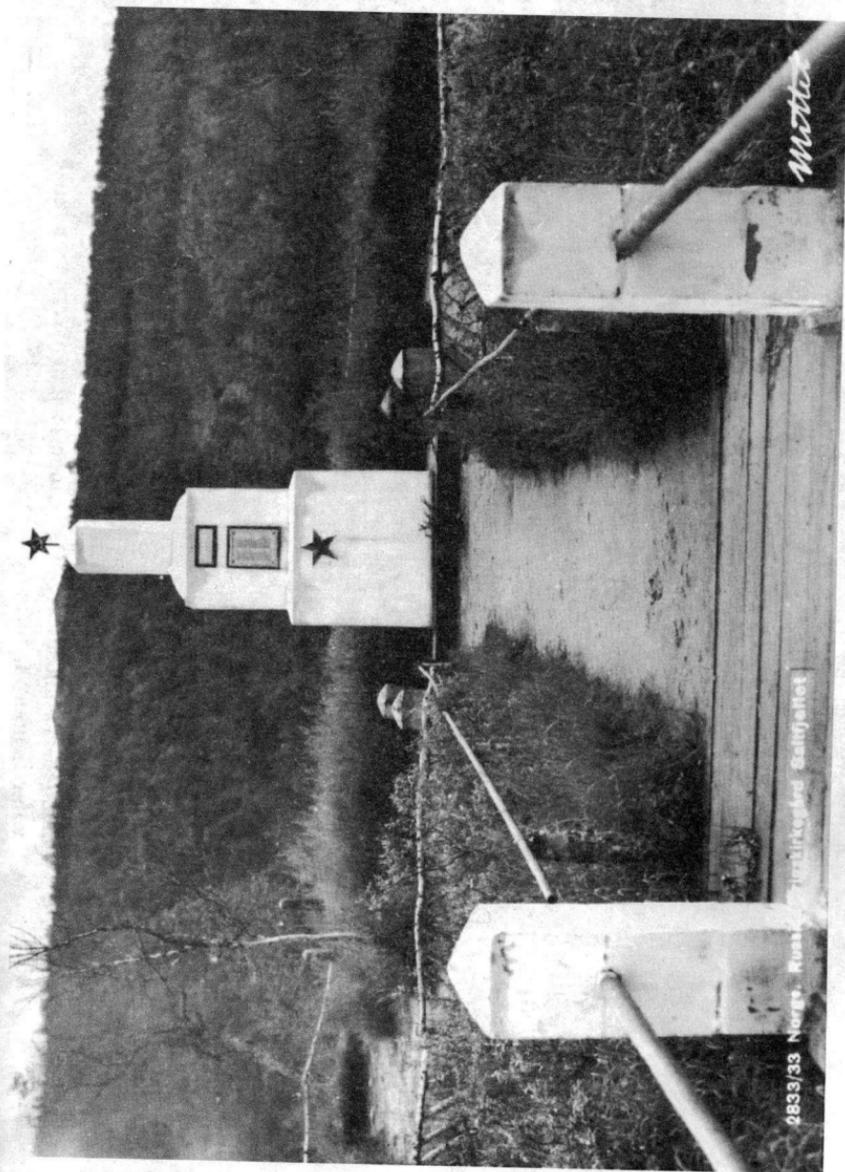

Расположение рабочих лагерей и численность советских военнопленных на северном участке дороги

Лагерь	Год основания лагеря	Численность военнопленных
Драг		331
Лиллевати		54
Томмерсен		864
Стринда		?
Фалкельва		500
Крокмуен		285
Мерси		237 (400?)
Басис (2 лагеря)	1943	310
Гьерельвмуен		355
Коббельвейд		?
Крокен-Энган	1942	618
Серфьорлмуен	1942	350
Лаппсторвик	1943	750
Калвик	1943	339
Аспфьорд	1943	550
Гюльвик	1943	540
Туккилсенг	1943	559
Мегорден	1943	629
Бювик	1943	506
Страумсн	1943	450
Петерслагер	1942	584

Расположение рабочих лагерей и численность советских военнопленных на южном участке дороги

Лагерь	Число воспнопленных в 1943 г.	Число воспнопленных в 1944 г.	Число воспнопленных в 1955 г.
Сетсо		500	475
Стамнес		500	549
Вотн		400	466
Сундбю		500	500
Бренна		100	118
Дотхус	700	800	749
Рюссонес		300	291
Лангонс		400	800
Бергхулнсс	500	700	915
Кьемога		800	792
Денсдал		400	264
Крокэльва		800	790
Вьернелва		500	474
Болна	450	450	539
Рандалсволлен	450	480	523
Бреннхей	470	100	
Наволлен	270	420	436
Хьяртоссен	250	930	922
Стурволл	360	420	429
Мессингслетт	800	800	
Дундерланд	600	700	480
Ейтеро	500	500	348
Нэвернэс	250	250	211
Всего:	5600	11750	11071

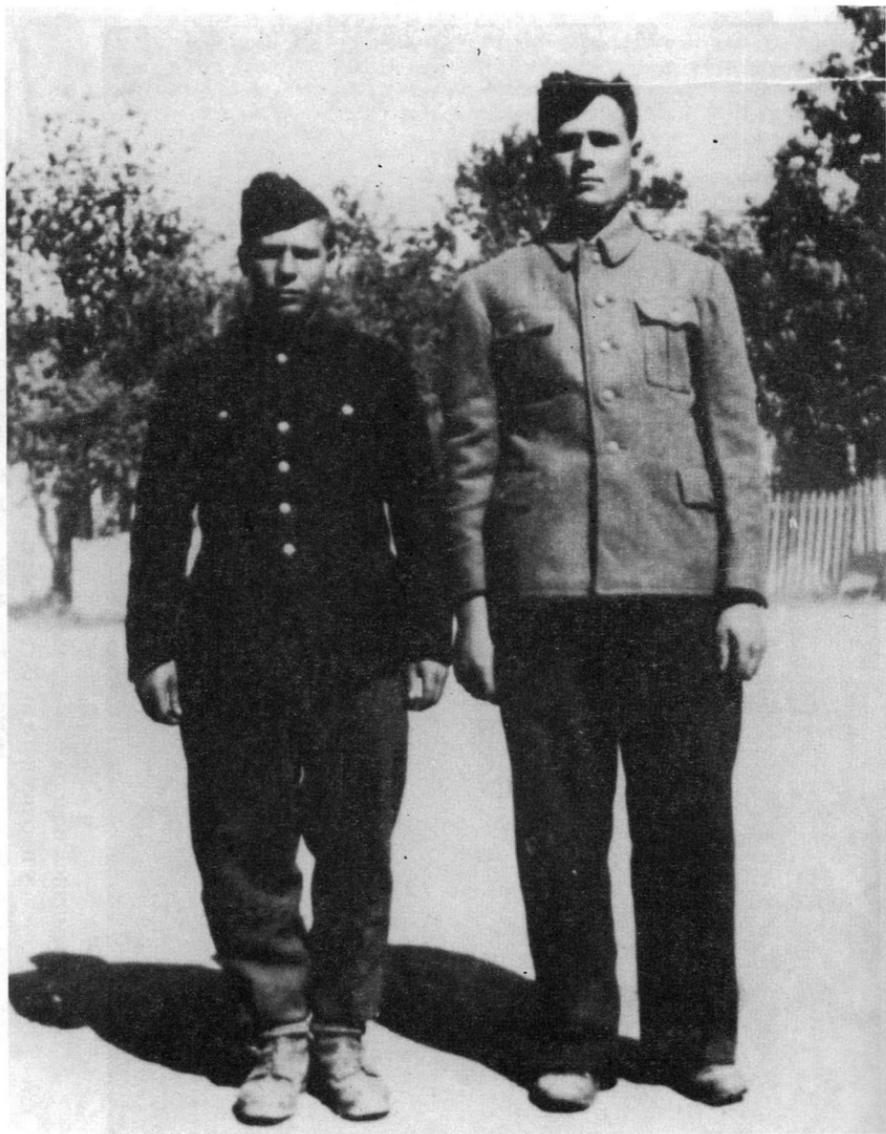
Кладбище советских военнопленных. Сальфьеттег, Норвегия

Осмотр землянок пересыльного лагеря, в котором жили русские пленные
у населенного пункта Бренель. Июнь, 1945 г.

Осмотр землянок пересыльного лагеря, в котором жили русские пленные
у населенного пункта Бренель. Июнь, 1945 г.

Советские военнопленные в Норвегии

Советские репаранты в Норвегии

Советские репатрианты в Норвегии

Советские репатрианты в Норвегии

Розышилов { с/к с/ср N 9185 от 12.6
с/ср 1 2880 руб. и т.д.
32 кг. На самолеты стан-

СОГЛАШЕНИЕ

О ТРАНЗИТЕ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ИЗ НОРВЕГИИ ЧЕРЕЗ ШВЕДИЮ.

Следующее Соглашение достигнуто между

СТАТЬЯ I.

Транзит советских граждан из Норвегии через Швецию будет происходить железнодорожными перевозками по следующим трем линиям:

1. Нарвик / Норвегия / - порт Лелео / Швеция /.
2. Трондхейм / Норвегия / - порт Сундсвалль / Швеция /.
3. Осло / Норвегия / - порт Евле / Швеция /.

С 13-го июня 1945 года до 26-го июня 1945 года включительно шведская Сторона обязуется ежедневно отправлять с норвежских станций погрузки по каждой из трех вышеуказанных линий / Нарвик, Трондхейм, Осло / по одному эшелону на 800 человек каждый.

С 27-го июня 1945 года шведская Сторона обязуется ежедневно отправлять со станций погрузки в Норвегии:

- Со станции Нарвик два эшелона по 800 человек каждый.
- Со станции Трондхейм один эшелон на 800 человек.
- Со станции Осло два эшелона по 800 человек каждый.

Время подачи эшелонов к станциям погрузки и время прибытия их в соответствующие порты отправки определяется особым расписанием, прилагаемым к настоящему Соглашению / см. приложение А. /

Подача эшелонов на том или ином направлении прекращается по заявлению с советской Стороны с предупреждением шведской Стороны / Штаб Обо-

роны/ за три дня до окончания подачи эшелонов на соответствующую станцию погрузки.

В случае, если на том или ином направлении, после прекращения подачи эшелонов, снова возникнет необходимость в железнодорожных перевозках репатрируемых советских граждан, Советская Сторона имеет право потребовать у надлежащих шведских властей / Штаб Обороны/ наиболее число эшелонов /не более одного эшелона в сутки/, предупредив об этом шведскую Сторону за семь дней, а шведская Сторона обязуется подать эти эшелоны.

С Т А Т Ъ Я II.

Каждый железнодорожный эшелон должен состоять из типовых шведских воинских вагонов вместимостью по 50 человек каждый, предназначенных для перевозки личного состава.

Кроме того в каждом эшелоне должно быть сто пассажирских мест, как правило, в вагонах третьего класса и, как исключение, в вагонах второго класса.

Оборудование и состояние вагонов определяется условиями специального приложения / см. приложение В./

С Т А Т Ъ Я III.

Для перевозки больных шведская Сторона обязуется по заявке советской Стороны надлежащим шведским властям / Штаб Обороны / отправлять с норвежской станции погрузки в соответствующий шведский порт отправки типовой санитарный эшелон на 214 лежащих больных с необходимым количеством медицинского персонала, но не одновременно на всех линиях и не раньше 27 июня / см. приложение С/.

Советская Сторона должна дать заявку на санитарный эшелон за 10 дней до погрузки на соответствующей станции.

С Т А Т Ь Я I V .

Шведская Сторона предоставляет в портах отправки / Лялео, Сундсвалл Евле / горячее питание и обеспечивает перевозимых пятисуточным сухим пайком на путь следования из портов отправки, в соответствии с особым приложением / см. приложение Д /.

С Т А Т Ь Я V .

Представитель шведских властей принимает от советского представителя на станции погрузки личный состав эшелона репатрируемых советских граждан по количеству человек, который съезжает в порту отправки при погрузке на судно. Советскому представителю также по количеству человек. Шведские власти обеспечивают необходимую охрану личного состава с момента принятия людей на станции погрузки до окончания посадки их на пароход в порту отправки.

В случае, если кто-либо из советских граждан по какой-либо причине отстанет в пути следования через шведскую территорию от эшелона или в порту отправки, шведская Сторона обязуется доставить такового в порт отправки и передать его советскому представителю.

С Т А Т Ь Я V I .

В портах отправки / Лялео, Сундсвалл и Евле / шведские власти организуют пересыльные лагеря вместимостью по 800 человек каждый.

При каждом лагере оборудуется медицинский пункт на 80-100 человек с необходимым количеством врачебно-медицинского персонала. В необходимых случаях тяжело больные направляются в стационарные шведские госпитали и по излечении возвращаются шведскими властями в соответствующий пересылочный пункт для передачи находящемуся там советскому представителю.

В каждом порту отправки будет постоянно действовать представитель шведских властей, при штабе которого будет находиться представитель советских властей, имеющий право делать заявления шведскому представителю по всем вопросам, которые могут возникнуть в связи с применением настоящего Соглашения.

С Т А Т Ь Я VII.

Советская Сторона обязуется отгружать репатрируемых советских граждан из портов отправки следующим образом:

1. С 15-го июня по 27-е июня 1945 года включительно из каждого порта отправки по 1600 человек каждые 2 суток.
2. С 28-го июня до 30-го июня 1945 года включительно:
  - а/Из порта Лиллео по 1600 человек ежедневно.
  - в/Из порта Сундсвалль по 1600 человек каждые 2 суток.
  - с/Из порта Эвле по 1600 человек ежедневно.
3. С 1-го июля 1945 года до конца перевозок:
  - а/Из порта Лиллео по 1600 человек ежедневно.
  - в/Из порта Эвле по 1600 человек ежедневно.

С Т А Т Ь Я VIII.

Если советская Сторона по независящим от нее обстоятельствам

шторм на море, туман, авария судна и т.д. / будет лишена возможности производить отгрузку из какого-либо порта отправки в соответствии с условиями статьи VII, то советская Сторона немедленно поставит в известность об этом надлежащие шведские власти /Штаб Оборонн/ в целях временного прекращения подачи эшелонов с репатрируемыми советскими гражданами в порт отправки.

В случае, если в осуществлении шведских обязательств о перевозках возникнут задержки вследствие обстоятельств независимых от шведской Стороны /несвоевременная подача сожным командованием в Норвегии репатрируемых советских граждан к станциям отправки, несвоевременная отгрузка советских граждан из портов отправки, аварии непосредственно на линиях перевозок или в силу стихийных бедствий и т.д., то шведская Сторона не отвечает за эти возможные задержки.

С Т А Т Ь Я IX.

Советская Сторона оплачивает следующие расходы шведской Стороны в соответствии с действующим Шведско-Советском Соглашением о платежах в течение 30 суток после получения счетов.

а/ Расходы за железнодорожные перевозки от станций погрузки на норвежской территории до портов отправки на шведской территории из расчета за каждого перевозимого человека старше 12 лет:

НАРВИК-ЭЗЛЕО	15:10	шведских крон.
ТРОНДХЕЙМ-СТЕНДСВАЛЬ	17:20	шведских крон.
ОСЛО-ЕЗЛЕ	22:10	шведских крон.

в/ Расходы за питание в портах отправки примерно 2:00 шведских кроны за человека в день.

МОЕ В/И УПРАВЛЕНИЕ.
Шведский Стокгольм.

с/ Расходи за обеспечение репатрируемых и отсутствующих сухим пайком на путь следования из портов отправки примерно 11:00 шведских крон на человека.

д/ Расходи за пользование лагерями в портах отправки из расчета за каждого пользующегося лагерем I шведскую крону в сутки, а так же за возможное медицинское обслуживание и за санитарные поезда, стоимость которых упомянута в приложении С.

С Т А Т Ь Я X.

Настоящее Соглашение вступает в силу с момента его подписания и будет действовать до момента окончания штемпельной отправки советских граждан из Норвегии и портов отправки, а также до производства окончательных расчетов по этому Соглашению.

Составлено в Стокгольме..... июня 1945 года в двух экземплярах каждый, на русском и шведском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

КОС
СКОЕ Л/Д УПРАВЛЕНИЕ.
Военный Отдел.

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

РАСПИСАНИЕ

Нарвик-Риксгренсен-Лилло-Риксгренсен-Нарвик.

Примечание: На норвежской территории—время норвежское, на шведской—шведское.

Поезд А.

Поезд № 10303 грузный.			Поезд № 10304 порожний.		
в	из	Станции	в	из	станции.
	21.10	Нарвик	20.10		Нарвик
23.00	22.05	Риксгренсен	17.48	18.55	Риксгренсен
1.49	2.13	Елливаре	13.35	13.50	Елливаре
5.03	5.13	Буден С	10.35	10.50	Буден С
5.48		Лилло		9.58	Лилло

Поезд В.

Поезд № 10301 грузный			Поезд № 10302 порожний		
в	из	станции	в	из	станции
	8.30	Нарвик	8.07		Нарвик
10.05	9.10	Риксгренсен	5.10	6.15	Риксгренсен
12.45	13.45	Елливаре	1.05	1.20	Елливаре
16.29		Буден С	22.05	22.15	Буден С
17.12		Лилло		21.20	Лилло

- Примечание:
1. Читать в направлении стрелки.
  2. Указаны только крупные станции.
  3. На подчеркнутых станциях производится выдача питания и набор горячей воды.

СНОЕ В/Д УПРАВЛЕНИЕ.
Водный Отдел.

РАСПИСАНИЕ
РАСПИСАНИЕ
Трондхейм-Стурлиен-Сундсваль-Стурлиен-Трондхейм

Примечание: На норвежской территории-время норвежское, на шведской-
Шведское (территория-время норвежское).

Поезд А.

Поезд № 10323 грузный			Поезд № 10324 порожний		
в	из	станции	в	из	станции
	16.00	Трондхейм	1.00		Трондхейм
20.30	20.38	Стурлиен	18.50	21.20	Стурлиен
21.22	1.47	Естерсунд С	12.45	13.20	Естерсунд С
22.52	2.58	Брекке	11.25	11.29	Брекке
23.28	4.10	Онге	10.50	10.55	Онге
0.10		Сундсваль		9.05	Сундсваль

Поезд В.

Поезд № 10321 грузный			Поезд № 10322 порожний.		
в	из	станции	в	из	станции
	4.00	Трондхейм	13.00		Трондхейм
8.30	8.21	Стурлиен	6.11	9.20	Стурлиен
13.05	14.25	Естерсунд С		1.46	Естерсунд С
15.32	15.40	Брекке		0.42	Брекке
16.40	16.17	Онге	23.55	0.12	Онге
17.55		Сундсваль С		22.20	Сундсваль С

- Примечание:
1. Читать в направлении стрелки.
  2. Указаны только крупные станции.
  3. На подчеркнутых станциях производится выдача пищи и набор горячей воды.

ПРИЛОЖЕНИЕ С.

И т а н н о

Стоимость санитарного поезда, состоящего из 23-х двухосных вагонов.

А. Согласно военной таксы, плата за двухосный вагон составляет 5 кроны за ось и за пубой вагон плата понижается наполовину.

Общая плата за проезд :	Швеция :	Норвегия ^{x/} :	Сумма в :
	кроны.	кроны.	кронах.
Нарвик - Лиллео	7095	990	8085
Трондхейм-Сундсваль	6270	2310	8580
Осло - Евле	6930	2970	9900

x/ Если проездная плата исчисляется по шведской военной таксе.

Примечание. Расчеты стоимости проведены только для шведской территории. Норвежская военная такса примерно на 25% выше шведской. Движение поезда в Норвегии может варьироваться в зависимости от места пребывания больниц и полевых лазаретов, откуда будет производиться транспортировка, например, санитарные перевозки могут производиться со станций на линии Трондхейм - Му и Рана.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д.

П и т а н и е

Советских граждан во время транспортировки.

A. Питание во время проезда по железным дорогам.

(По Шведско-Английскому Соглашению продовольствие доставляется шведской стороной на норвежские станции погрузки, но оплачивается английской стороной).

Сушенный хлеб		300 гр.	600к
Мягкий хлеб		300 гр.	600к
Сыр-масло (соответственно)		160 гр.	500к
Итальянская колбаса (соответственно)	500	75 гр.	230к
Сахар	400	40 гр.	180к
Чай		8 гр.	
			2100к

B. Питание в портах отправки.

М е н ю.

Время питания : Для мужчин : Для женщин и детей

1. Завтрак	Манная каша, бутерброд, кофе	Манная каша, бутерброд, кофе.
2. Обед	Горох со свиной, картофель, сушенный хлеб.	Фалунская колбаса, рубленая капуста, картоф., молоко, бутерброд.
3. Ужин	Фалунская колбаса, рубл. капуста, картофель, овсян. каша, молоко, бутерброд.	Овсян. каша, молоко, бутерброд.

Н о р м ы в ы д а ч и.

Название	Для мужчин	Для женщин
Хлеб сушенный гр. 100	60	60 100к
Хлеб мягкий гр. 100	200	200 100к
Мука (пшенич) 100	15	15 100к 30к
Жир гр. 100	10	10 40к
Маргарин гр. 100	15	15 100к
Масло-сыр гр. 100	40	40 100к
Молоко сепарат. литр. 100	0,5	0,5 100к
Молоко стандарт.	0,4	0,4 100к 200к
Соленая свинина гр. 100	75 330	-
Колбаса фалунская	150	150 450
Крупа манная 100	20	20 60
Крупа овсяная	35	35 70
Горох желтый 100	65	- 110
Горох УА-0,5 пакета	77 1600	77 150

(Продолжение на 2-й стр.)

(Приложение II)

Белая сушеная капуста	10	20	20
Картофель	30	500	350
Кофе		8	8
Сахар рафинад		15	15
Сахарн. песок		30	30
Соль		10	10

3200

2600

Цена за порцию в день

Для мужчин 1 крона 90 эре
 Для женщин 1 крона 60 эре

С. Пятисуточный запас продовольствия на путь следования.

(Продовольствие выдается в портах отправки)

Названия	Дни				
	1	2	3	4	5
Для мужчин (2800 калор. в день)					
Хлеб, резерв.М/34	180	180	180	180	180
Хлеб сушеный	120	120	120	120	120
Масло-сыр	160	160	160	160	160
Свиное сало	200	ХХХ	300	ХХХ	200
Консервы медвурст		200		200	
Сахар	50	50	50	50	50
Шоколад (сахарн).	50	50	50	50	50
Чай	8	8	8	8	8
Для женщин и детей (2600 калор. в день)					
Хлеб, резерв.М/34	180	180	180	180	180
Хлеб сушеный	120	120	120	120	120
Масло-сыр	120	120	120	120	120
Свиное сало	150		150		150
Консервы медвурст.		150		150	
Сахар	40	40	40	40	40
Шоколад (сахарн).	50	50	50	50	50
Чай	8	8	8	8	8
Молочн. порошок.	30	30	30	30	30

(Продолжение на 3-й стр. I.)

Цена за порции в день.

Для мужчин 2 кроны 25 эре.

Для женщин 2 кроны_

Так как до сих пор не поступало никаких пожеланий в отношении изменений предложенных норм и ассортимента, то остается в силе возможность увеличения выдачи хлеба в портах отправки, если этого пожелают советские представители.

Для того, чтобы сделать возможной плановую отправку транспортов, приготовления должны быть проведены согласно вышеупомянутым нормам и ассортиментам.

Если окажется желательным, то в нормах и ассортиментах различия для мужчин и женщин можно не делать.

ВОСКОЕ Д/Д УПРАВЛЕНИЕ
Военный Отдел

РАСПИСАНИЕ

Осло-Шарлоттенберг-Киль-Фалун-Евле-Фалун-Киль-Шарлоттенберг-Осло

Примечание: На норвежской территории-время норвежское, на шведской - шведское.

Поезд А.

Поезд № 10343
грузный

Поезд № 10344
порожний

в	из	станции	в	из	станции
12.00		Осло	2.45		Осло
17.00	16.15	Шарлоттенберг	19.56	21.15	Шарлоттенберг
17.45	19.30	<u>Киль</u>	18.02	18.09	<u>Киль</u>
21.14	3.15	<u>Фалун</u>	10.59	11.08	<u>Фалун</u>
5.00		Евле №		9.05	Евле №

Поезд В.

Поезд № 10341
грузный

Поезд № 10342
порожний

в	из	станции	в	из	станции
22.00		Осло	16.40		Осло
3.30	3.35	Шарлоттенберг	9.12	10.50	Шарлоттенберг
5.47		<u>Киль</u>	6.25	7.20	<u>Киль</u>
13.35		<u>Фалун</u>	22.19	22.40	<u>Фалун</u>
		Евле №		20.00	Евле №

- Примечание: 1. Читать в направлении стрелки.
2. Указаны только крупные станции.
3. На подчеркнутых станциях производится выдача пищи и набор горячей воды.

Рассказ майора Хейена об обращении немцев с советскими военнопленными в Северной Норвегии (Тромсе).
Материалы переданы профессором К. Флором (Хашта, Норвегия).

PUBLIC RECORD OFFICE										6	7				
Reference: V10331/13										Fiche 679 - Kirrnes					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	15	16	17	18	19	20
Reproduction may infringe copyright															

APPENDIX 'H'

CONFERENCE WITH MAJOR HEIEN, DK STAFF TROMSØ, REGARDING HIS KNOWLEDGE
OF THE TREATMENT OF THE RUSSIANS BY THE GERMANS IN NORTHERN NORWAY.

Major Heien was an Engineer in civilian life and lived at Harstad, Narvik and Tromsø until October 1943. Russian prisoners appeared as fortification and airfield workers as early as September 1940. They looked very shabby. Many were Mongolians. The Germans publicised their shabbiness and published photographs in the newspapers of the more disreputable looking Russians with captions saying "These are not people, they are animals". Major Heien saw several hundred Russians working bare-foot or with pieces of wood and rags on their feet in mid winter 1941/42. They worked without gloves in a temperature of 40 degrees below zero. He frequently saw their hands and feet were frozen and were necrotised. The Norwegians began to make gloves for them. Their food was observed to be a potato peeling soup and no more. Major Heien saw this made. Soup was sometimes made from German garbage. The Russians looked well fed when they arrived. The Mongolians were very strong, but after a few months they became weak and thin. Major Heien has also seen Germans knock Russians down if they were too weak to work. He saw them knock Russians down with pieces of birch and with sections of 2 x 4 lumber. He saw a Russian stoop to pick up a decayed fish and put it in his pocket. For that he was beaten and kicked by a German until he was down. The Russians sometimes were able to pilfer from Norwegian garbage cans. The Germans found this out and punished the Norwegians severely. Major Heien states that he and his wife have often put food out for Russians. There was a death sentence for Norwegians if they spoke to, or assisted Russians in any way. A few Germans, especially the Austrians, turned their backs when the Norwegians were helping Russian but 95% maintained their brutality.

In the winter of 1942/43, Major Heien says that 110 Russians died from freezing on one night in Harstad. Major Heien saw the Germans soak the bodies with petrol the next day and burn them. Major Heien is sure that hundreds died in Harstad where three 43 cm guns were being mounted. Also many died at the works in the vicinity of Nargik. Harstad was used as a Naval base by the Allies in 1940 and by the Germans afterwards. It is well fortified and is designed as an outpost for the defence of Narvik.

Many other nationals, including German deserters and requisitioned Norwegian labourers were used in the fortification of the Narvik-Harstad area. Major Heien states that it is well known in Narvik that about 1,000 "interlectuals" - teachers, doctors, lawyers, engineers, etc., (Norwegian) were brought to Narvik in March 1943. At least 900 of these died of exposure, but some escaped to Sweden with the assistance of the Norwegians of the area. Some were shot after they had worked as long as they could without food. Norwegians living in Narvik saw this.

Norwegians were also always sympathetic to Russians and they were shocked by the brutality that was so obvious. Major Heien saw a Russian working in the dock at Harstad who had had his chest crushed by falling lumber. Since the Germans offered no assistance a Norwegian Doctor offered to take him to the hospital. This was done. The Norwegians brought flowers to him, whereupon the Germans placed a guard at his hospital door. Major Heien feels that the obvious brutality of Germans to Russians was one of the chief factors in the Norwegian stubborn resistance and persistent hate of the Germans. It gave every man in the north complete evidence as to what type of people had invaded Norway.

The winter of 1942/43 was the hardest winter for the prisoners. Their winter equipment had been taken away from them, including their felt boots. Major Heien does not remember ever seeing a Russian prisoner wearing an overcoat, even in the severe cold of Narvik in winter.

№...

К о п и я.

Представитель Уполномоченного СНК СССР
по делам репатриации советских граждан в Норвегии.

генерал-майору Р А Т О В У.

При сем направляю уточненный список советских граждан
по области Тромслаг, Норвегия/Приложение на 2 л./

Кроме указанного числа людей, до сих пор часть совет-
ских граждан находится в лагерях вместе с немцами, охраняется
немцами и в ряде случаев подвергается унижениям.

В отношении этих советских граждан мною неоднократно
ставился вопрос об освобождении их, но каждый раз я получал ответ
"что согласно указаний из главной квартиры союзных войск, они бу-
дут освобождены после разоружения немцев".

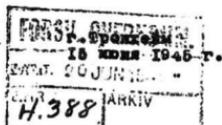
Также люди со слезами встречают каждое мое посещение
и я прошу добиться через главную квартиру союзных войск в Норве-
гии, о их немедленном освобождении.

Ваш советские граждане находятся в следующих немец-
ких гарнизонах:

1. Полуостров Орландет.....298 чел.
2. С т о р е н..... 90 чел.
3. Стенхьер..... 70 чел.
4. Левангер.....до400 чел.
5. Риван..... "70 чел.
6. Рамсое-лагерь Скаге..... 90 чел.

Пом. Представителя Уполномоченного
СНК СССР по делам репатриации советских
граждан:-

/ ОДИНЕЦ /

Владимир Кайгородов

Государственный архив Норвегии (Riksarkivet)
Forv. overkommando N. 388, 20 января 1945 г.

*Этот пакет не должен быть передан Г. Бергману.
Этот пакет принадлежит моему сыну.
М. В. 18*

TE

С р о ч н о .

N. 388.

v. 21-18

Представитель Уполномоченного
СНК СССР по делам репатриации
советских граждан на Норвегии

18 июня 1945 г.

г. Осло.

Дорогой Генерал!

При этом препровождаю копию донесения Представителя
Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан
по зоне ТРОНДХЕЙМ из которой известно, что до сих пор советские
граждане находятся в кабале у немцев.

Своим письмом к Вам от 2 июня 1945 г., Представитель
Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан
на Норвегии Генерал-майор Р А Т О В указывал на подобие факты, но
к сожалению эти факты не были устранены и продолжают иметь место
по сей день.

Я прошу Вас, господин Генерал Вашим категорическим рас-
поряжением положить конец всем эти издевательствам со стороны
немцев над советскими гражданами не только по данному уведомлению
но и по письму генерала РАТОВА.

Я буду благодарен Вам, если Вы уведомите меня о принятых
мерах.

Представитель Уполномоченного
СНК СССР по делам репатриации
советских граждан на Норвегии
П о л и к о в и к :

/Коптев/

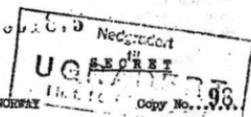
Генералу Торп
Штаб
Своих Экспедиционных
сил в Норвегии.

Копия Командующему Вооруженными
Силами Норвегии.

Государственный архив Норвегии (Riksarkivet)
Forv. overkommando H. 388, 20 января 1945 г.

Административная инструкция № 101 Верховного штаба командования
объединенных сухопутных сил Норвегии о репатриации
из Норвегии советских граждан

HEADQUARTERS
ALLIED LAND FORCES NORWAY

ADMINISTRATIVE INSTRUCTION NO 101

GENERAL

1. This Administrative Instruction outlines the procedure to be applied to the repatriation from NORWAY of Soviet Citizens.

MOVEMENTS

2. Outline of Movement

Soviet citizens will be repatriated:-

- (a) by sea from ports in North NORWAY to MURMANSK; to commence not before 20 June.
- (b) by rail from NARVIK, TRONDHEIM and OSLO to the Swedish ports of LULEA, SUNDSVALV and GAVLE; thence by sea to the FINNISH ports of ULSAABORG and RAUMO.
- (c) This rail movement is to commence NOT before 13 June.

Up to and including 26 June one train per day is to leave each of the three entrainment stations.

On and after 27 June, the programme of despatch of trains is to be:-

- (i) Two trains daily from NARVIK.
(ii) One train daily from TRONDHEIM.
(iii) Two trains daily from OSLO.

Each train carries 800 personnel.

- (a) A total of two hospital trains, each to carry 200 patients can be provided by the Swedish Government at ten days notice to be given by Soviet representatives through HQ, Allied Land Forces NORWAY.

3. Transit Camps

Transit camps will be established under arrangements by Zone Commanders, within easy access of points of embarkation and entrainment. At points of entrainment the transit camps must be capable of holding twice the number of personnel it is intended to despatch on any one day.

Zone Commanders will be responsible for the welfare and maintenance of Soviet citizens whilst in these transit camps and will ensure that a hot meal is served to repatriates within three hours of entrainment or embarkation.

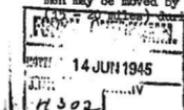
Rations will be obtained from German stocks, at the maximum FS German scale plus extra bread to bring the total daily bread issue up to 600 grammes per man.

4. Movement to Transit Camps

Soviet citizens will be moved to entrainment or embarkation points under arrangements by Zone Commanders.

Transportation will be provided, except that, if necessary, physically fit men may be moved by march routes for a distance not exceeding one day's march (about 20 miles) during the whole course of the route.

/s/.....

Продолжение

-2-

SECRET

Movement by rail

- (a) All trains for rail movement are to be provided by the Swedish Government.
There is to be a full Swedish staff, including medical personnel on each train.
- (b) (i) Rations for the train journey through Sweden are a responsibility of the Commander Allied Land Forces NORWAY, but they are being provided by the Swedish Government.
- (ii) 800 rations per train are to be despatched daily from Sweden in the trains sent to collect the Soviet citizens.
The detailed composition of the ration will be sent by signal.
- (iii) These rations will be taken over on the train under arrangements by Zone Commanders, and re-issued to OC train to issue to Soviet citizens.
- A receipt in acknowledgment to the Swedish Government will be given to OC train, and a receipt will be obtained from OC train on re-issu to him.
- Copies of these receipts will be sent to HQ, Allied Land Forces NORWAY.
- (iv) A reserve of 48 hours rations, in compo packs, will be held at each entrainment point.
- (c) Movement instructions will be issued by AGHQ(H) HQ, Allied Land Forces NORWAY.

Movement by sea route to MURMANSK

- (a) The following ports will be used:-
MDSJOEN : MD : BOED and THORSO
- (b) Five Norwegian ships will be used; they will be manned by Norwegian crews.
- (c) A British Military Debarcation Staff will be provided from within the Zone Commanders resources. This staff will be assisted by a Soviet Officer to be detailed by Soviet representatives in Zones. An interpreter will be provided under arrangements by H, Allied Land Forces NORWAY.
- (d) Ships staffs and two interpreters per ship are being provided under arrangements by HQ, Allied Land Forces NORWAY.
Each ships' staff is to consist of OC Troops, Adjutant, RM, COME, 2 clerks and 2 general duties men.
- (e) Ships are to be prepared under the direction of NOIC and SSO THORSO.
- (f) Five days rations plus two days reserves are to be placed on board each ship under arrangements by HQ, Zone. These rations will be obtained from German stocks.
The estimated length of voyage, from the Assembly point, is one of three days.
Unexpended rations will be brought back under arrangements by ships' staffs.
The ration scale will be the same in calorific value as at para 3 above; and must include a bread ration of 600 grammes per man per day. The type of ration will be determined, in accordance with cooking facilities on board, after discussion with SSO THORSO.

/ (g).....

- (g) Lifebelts are to be provided under arrangements by the SSSO.
- (h) Embarkation instructions will be issued by AGLB(1) HQ, Allied Land Forces NORWAY.

7. Baggage

Repatriates may transport all personal property. (Clothing, footwear, bedding, watches, bicycles, provisions and other non bulky items)

PREPARATION FOR REPATRIATION.

8. Categories to be repatriated

Soviet citizens fall under the following categories:-

- (a) Those formerly held as PW;
- (b) Displaced persons, i.e., deportees and civilian labourers;
- (c) Those serving with the enemy armed forces.

All the above personnel will be treated as "liberated citizens" of the USSR and will be repatriated as such.

- (d) The British and US Governments do not recognise any territorial changes wrought about by the present war; thus Latvians, Estonians, Lithuanians and Poles whose homes are not located within the 3rd September 1939 boundaries of the USSR will not be repatriated to the USSR unless they affirmatively claim Soviet citizenship.

The procedure to be adopted in 'screening' all repatriates is described in the "Plan for Identification of Repatriates, prior to evacuation from NORWAY" attached at Annexure I.

10. Priority for Repatriation

Soviet citizens will be repatriated according to the following priorities:-

- (a) By the following categories:
  - (i) liberated PW
  - (ii) Displaced persons
  - (iii) Personnel formerly serving in the Wehrmacht.
- (b) By locations; those nearest to points of embarkation or straitment will be repatriated before those at a greater distance from these points.
- (c) By state of physical fitness:
  - (i) Where practicable, priority of repatriation will be given to sick.
  - (ii) Sick Soviet citizens will be repatriated by rail through SWEDEN in preference to repatriation by sea direct to MURMANSK.

11. Disposal of Personnel whose Repatriation is Postponed.

- (a) Personnel whose citizenship is in doubt and who have been set aside vide para 9 above will be segregated under arrangement by Zone Commanders in "disputed persons camps" and will be held pending disposal instructions to be issued by HQ, Allied Land Forces NORWAY.
- (b) Soviet citizens suffering from infectious diseases, including venereal disease in the infectious stages, will be retained in hospital or under medical care until free from infection. Those who have been exposed to infection will be kept in quarantine.

/ (c).....

SECRET

- (c) It is incumbent on the Commander Allied Land Forces, and upon his representatives to arrest and hand over to Soviet authorities, any Soviet citizen who, for any reason, becomes separated from his party, during train movement in NORWAY.
12. Medical
- (a) No Soviet citizen will be repatriated unless he is medically fit for travel. ^{1/36}
The British GSO's decision on this is final.
- (b) Zone Commanders will maintain a daily record showing the general medical condition of all repatriates, at the time of entrainment.
- (c) All personal clothing and baggage will be disinfested prior to repatriation; and at entrainment, or, embarkation points, full dry disinfection will be given.
Before embarkation or entrainment, Soviet citizens will be inspected by a medical examiner who will certify that:
- (i) All personnel are free from lice and not suffering from any infectious disease.
- (ii) Their clothing and baggage are free from infection.
- This certificate will be endorsed on the copies of the nominal rolls to be furnished to OC train/ship and HQ Allied Land Forces NORWAY.
- (d) Medical arrangements during train journeys are the responsibility of the Swedish Government.
- (e) (i) Medical arrangements on board ship are the responsibility of OC Ship:
The following medical staff will be put at his disposal:-
One Medical officer
One dispensing sergeant
Six medical orderlies
These will be augmented, as necessary, by personnel selected from the repatriates.
- (ii) The detail of medical stores and supplies to be placed on board will be sent by signal.
- (iii) Zone Commanders will be responsible for ensuring that the above resources are placed at the disposal of Oa.C Ships.
13. Issue of Clothing
- The issue of clothing will be in accordance with the following policy:-
- (a) Soviet Officers and NCOs will be clothed in British battledress.
- (b) Clothing for other personnel will be issued from the following sources:-
Hird clothing
German clothing
British battledress
- (c) Zone Commanders will ensure that the best use is made of their limited resources in clothing.
14. Documentation
- Soviet citizens will be organised into detachments of 50 (i.e. one military troop truck load) in charge of an officer or responsible leader to be selected by the accredited USSR representatives at Zone HQ.
The officer or leader in charge of each detachment will prepare two copies of a nominal roll of all personnel in his detachment.
These copies will be handed to OC Transit Camp who will send one copy direct to PWX HQ Allied Land Forces NORWAY and hand the other copy to OC train/ship. Both copies will be endorsed by the inspecting medical examiner as detailed in para 12 above.
15. Pay
- No pay will be issued to Soviet citizens.
16. Issue of EPI Stores
- A supply of EPI packs is included in the APOSTLE first stores shipment due at main ports between 5 and 11 June.
- /One.....

SECRET

One week's supply of KFI stores is for free issue to liberated PW; this free issue will be made to Soviet citizens in transit camps.

Zone Commanders will ensure that every Soviet citizen is provided with not less than 10 cigarettes for the train journey at Transit camps.

HANDING OVER OF REPATRIATES

17. (a) Zone Commanders will hand over repatriates to:
- (i) OC Swedish train at points of entrainment;
  - (ii) Soviet representatives at MIRMANSK.
- (b) Handing over will be against the nominal rolls referred to in para 14 above and receipts in triplicate will be obtained by Zone Commanders for all repatriates handed over by them.

Receipts will be made out as follows:-

"In accordance with the plan signed at OSLO on 10 June 1945 between the Representatives of the USSR for the repatriation of Soviet Nationals, and the Commander Allied Land Forces NORWAY, for the repatriation of Soviet citizens in NORWAY, acceptance is hereby acknowledge for:

	<u>Men</u>	<u>Women</u>	<u>Children</u>	<u>Total</u>
--	------------	--------------	-----------------	--------------

Soviet citizens
Place of Transfer
Date of Transfer

Receiving Officer (Name) _____

(Rank) _____

(Appointment) _____

- (c) The procedure at embarkation ports will be as follows:-

OC Troops will check all personnel being embarked and will obtain temporary receipts from the Senior Soviet Officer travelling in the ship.

The final receipts will be obtained from Soviet representatives at MIRMANSK.

18. ACK.

M. W. Martin

10 Jun 45.

Brigadier,
E. & C. S. L., ALLIED LAND FORCES NORWAY.

Список сокращений

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГУЛАГ – Главное управление лагерей НКВД-МВД СССР

ГУФ КА – Главное управление формирования Красной Армии

Дулаг (Dulag) – транзитный лагерь

Люфтваг (Luftlager) – лагерь для военнопленных военно-воздушных сил Вермахта

Морлаг (Marlag/Milag) – лагерь для военнопленных военно-морских сил Вермахта

НКВД – Народный Комиссариат внутренних дел

НКВД – Народный Комиссариат иностранных дел

НКО – Народный Комиссариат обороны СССР

Офлаг (Offizierslager) – лагерь для офицерского состава

ПФЛ – проверочно-фильтрационные лагеря

СНК – Совет Народных Комиссаров

Шталаг (Stammlager) – лагеря для военнопленных всех званий, кроме офицерского

AFLN (Allied Land Forces Norway) – Объединенные сухопутные войска Норвегии

AWA (Allgemeines Wehrmachtamt) – Служба общего руководства армией

ДКВ (Der Kriegsfolgen Bezirkskommandant) – Комендант по военнопленным в Норвегии

EG (Einsatzgruppen) – подгруппы Организации ТООДа, функционирующие на оккупированных территориях

EW (Einsatzgruppe Wiking) – «Оперативная группа ТОДТа «Викинг»

HM (Hjemmefrontmuseum) – Музей сопротивления (г. Осло)

OKW (Obercommando der Wehrmacht) – Верховное командование нацистской Германии

OAK (Armeesoberkommando Norwegen) – Высшее немецкое командование армии в Норвегии

OKH (Obercommando des Heeres) – Главное командование сухопутных сил Вермахта

OT (TODT Organization) – Организация ТОДТа.

PWX (The Prisoners of War Executive Branch) – Управление по делам военнопленных

RA (Riksarkivet) – Национальный архив Норвегии (г. Осло)

SHAEF (Supreme Headquarters Allied Expeditionary Force) - Штаб Верховного командования союзных экспедиционных сил

WCIB (War Crimes Investigation Branch) – Отделение по расследованию военных преступлений

Научное издание

Паникар Марина Михайловна

**СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ
В НОРВЕГИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Монография

Печатается в авторской редакции
Оригинал-макет: Фадеев Р.А.

Подписано в печать 02.06.2010.

Формат 60×84/₁₆. Усл. печ. л. 7,24. Уч.-изд. л. 5,60.

Заказ № 1208, тираж 500 экз.

ООО «Издательский центр»

г. Архангельск, ул. Карла Маркса, 31, корп. 1, оф. 1

Телефон (8182) 20-87-74, 475-200

Марина Михайловна Паникар

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры регионоведения Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск). Дважды победитель областного конкурса «Молодые ученые Поморья», лауреат премии для поддержки талантливой молодежи, учрежденной Указом Президента Российской Федерации в 2006 году. Автор десятка публикаций по истории советских военнопленных в Норвегии в годы Второй мировой войны.

ISBN 978-5-86279-206-5

9 785862 792065 >